

ВЕСТНИК

ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МИИТ

Э Л Е К Т Р О Н Н Ы Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ИЗДАЕТСЯ С 2013 ГОДА | № 3 (55) 2026

**ГАРАНТИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ
ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО
ЖИЗНИ, ЗДОРОВЬЮ
ИЛИ ИМУЩЕСТВУ
ПОТЕРПЕВШИХ,
КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ОСАГО**

**ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА
ГРАЖДАНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРИНЦИПЫ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА:
ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ
И СИСТЕМНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**ФИКТИВНЫЕ СЕМЕЙНО-
ПРАВОВЫЕ СОСТОЯНИЯ
КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-
ПРАВОВОГО АНАЛИЗА:
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ
И ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

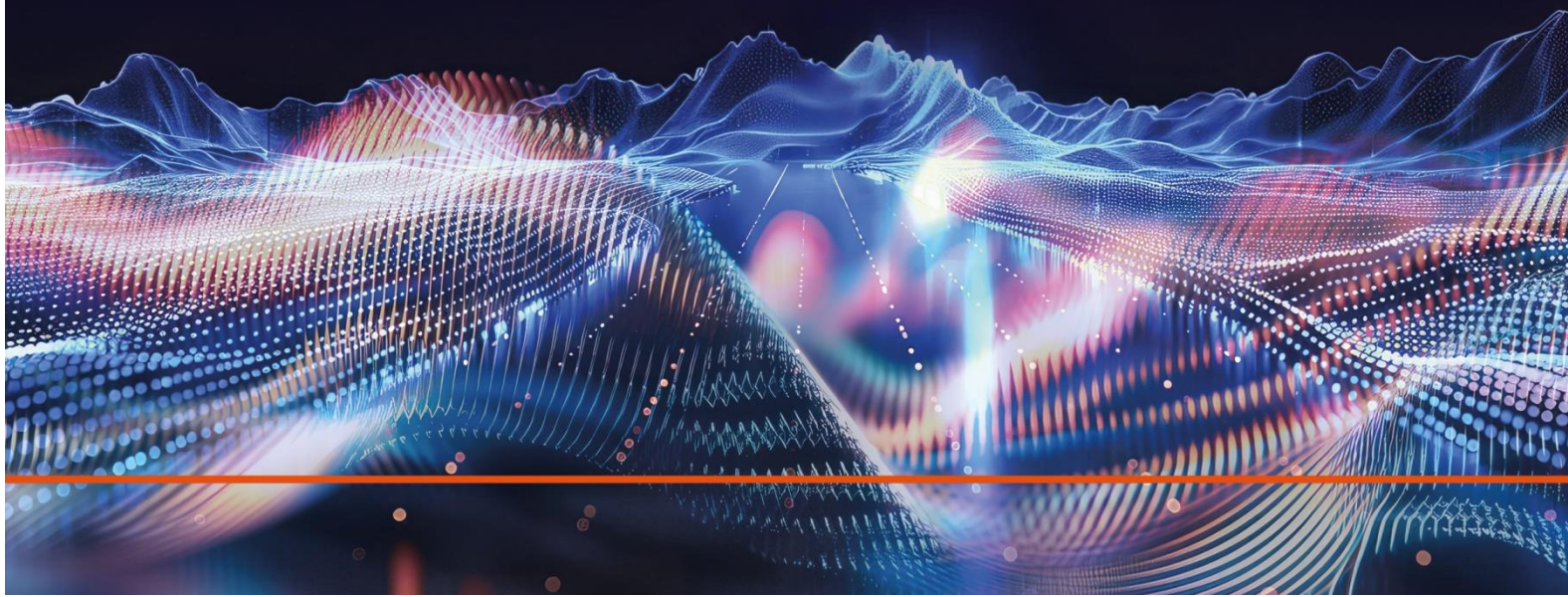
**ВРЕМЕННОЕ ОТСТРАНЕНИЕ
ОТ ДОЛЖНОСТИ
ПОДОЗРЕВАЕМОГО
ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО**

В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

**ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ
ПРИНЦИПЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ПОДДЕРЖКИ
СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

**ГЕНЕЗИС И ОБЪЕКТИВАЦИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
ГОСУДАРСТВА В РОССИИ**

**КОЛЛИЗИИ ПРИ ОЦЕНКЕ
ОБЪЕКТОВ СУДЕБНОЙ
БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ:
ПРАВОВЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ**

Электронный научный журнал «Вестник Юридического института МИИТ» 2026. № 3 (55)

Дата размещения — 15 октября 2026 г.

Журнал издается с 2013 г.

Научное направление издания: Право.

Адрес редакции: 127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9

Телефон: 8 (495) 274-02-74 (доб. 4712)

E-mail редакции: guseinova.ad@rut-miit.ru

Официальный сайт в сети Интернет: <http://vestnik-ui-miit.ru>.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «**Российский университет транспорта**».

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журналу присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN) **2542-1573**.

Периодичность: четыре раза в год.

Редакционная коллегия

Главный редактор — **НЕСТЕРОВ Евгений Александрович**, кандидат юридических наук

Ведущий редактор — **ГУСЕЙНОВА Альбина Джаббаровна**

Ответственный за сайт — **ФИЛИППОВ Дмитрий Сергеевич**

Выпускающий редактор — **ЧЕБОТАРЕВ Владимир Евгеньевич**

Английская версия — **СКУЙБЕДИНА Ольга Николаевна**

Дизайнер — **КАСЯКИН Игорь Викторович**

The online scientific journal «Bulletin of the Law Institute of MIIT» 2026. № 3 (55)

The date of the issue is the 15-th of October, 2026.

The journal has been published since January 2013.

The research area of the publications is 12.00.00 Jurisprudence.

The official address of the editorial board is Obraztsov Str., 9/9, Moscow, 127994.

Tel.: +7 (495) 274-02-74 (on ext. 4712)

Email: guseinova.ad@rut-miit.ru.

The official site on the Internet is URL: <http://vestnik-ui-miit.ru/>

The founder and publisher of the Journal is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «**Russian University of Transport**».

The journal is introduced into the system of the Russian Science Citation Index (RSCI) according to the contractual agreement № 381-06/2016 of June 24, 2016.

The journal is assigned an international standard serial number (ISSN) **2542-1573**.

The journal is issued 4 times a year.

Editorial Board

The editor-in-chief is **NESTEROV Evgeny Aleksandrovich**, Candidate of Law

The executive editor is **GUSEYNOVA Albina Dzhabbarovna**

The programmer and designer of the Website is **FILIPPOV Dmitry Sergeevich**

The managing editor is **CHEBOTAREV Vladimir Evgenievich**

The English version is made by **SKUYBEDINA Olga Nikolaevna**

The graphic designer is **KASYAKIN Igor Viktorovich**

<i>Главный редактор:</i> Нестеров Евгений Александрович <i>кандидат юридических наук</i> <i>Редакционный совет:</i> Нестеров Евгений Александрович <i>кандидат юридических наук, директор Юри- дического института МИИТ (председатель совета)</i> Киселевич Игорь Валентинович <i>кандидат юридических наук, доцент</i> Рудакова Елена Николаевна, <i>доктор политических наук, профессор</i> Цветков Виктор Яковлевич <i>доктор технических наук, профессор</i> Чеботарева Анна Александровна, <i>доктор юридических наук, доцент</i>	<i>The editor-in-chief:</i> Nesterov Evgeny Aleksandrovich <i>Candidate of Law</i> <i>Editorial Council:</i> Nesterov Evgeny Aleksandrovich <i>Candidate of Law, the head of the Law Institute of MIIT (Chairman of the Council)</i> Kiselevich Igor Valentinovich <i>Candidate of Law, associate professor</i> Rudakova Elena Nikolaevna <i>Doctor of Political Sciences, professor</i> Tsvetkov Viktor Yakovlevich <i>Doctor of Technical Sciences, professor</i> Chebotareva Anna Aleksandrovna <i>Doctor of Law, associate professor</i>
© Российский университет транспорта (МИИТ), 2026 При использовании материалов журнала необходимо ссылаться на «Вестник Юридического института МИИТ»	Официальный сайт Юридического института www.ui-miit.ru
© Russian University of Transport, 2026 When using materials from the journal, the reference to the «Bulletin of the Law Institute of MIIT» is obligatory.	The official site of the Law Institute is www.ui-miit.ru

Гражданское право

Буханкова С. А.

Пределы ответственности перевозчика и экспедитора 9

Зайков Д. Е., Мордовин С. Я.

Гарантия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, как основной принцип ОСАГО 16

Тарасенко Ю. А.

Основные начала гражданского законодательства и принципы гражданского права: проблема разграничения и системного взаимодействия 26

Уголовное право и уголовный процесс

Бажанов С. В.

Некоторые нюансы технической эксплуатации ведомственных (корпоративных) компьютерных сетей (на примере правоохранительных органов) 34

Барышева К. А.

Фиктивные семейно-правовые состояния как объект уголовно-правового анализа: проблемы квалификации и ответственности..... 47

Кондратюк С. В., Краснова К. А., Побережная И. А.

Социально-демографические и нравственно-психологические особенности личности радикального преступника 57

Новиков В. А.

Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в ходе производства по уголовному делу 67

Семейное право

Мохов А. Ю.

Понятие и основные принципы государственной социальной политики в сфере поддержки семей с детьми: теоретико-правовой аспект.....77

Экологическое право

Бредихин А. Л.

Генезис и объективация экологической функции государства в России.....89

Судебная экспертиза и криминалистика

Жаворонков В. А., Мельниченко А. А.

Коллизии при оценке объектов судебной баллистической экспертизы: правовые и методологические проблемы 95

Транспортное право

Глозман О. С., Силаева Е. Е.

Оценка предпосылок и ограничений введения скоростной трамвайной линии в транспортную систему городов Тула и Щекино 105

Жарикова-Горская Е. В.

Понятие транспортной инфраструктуры морского транспорта: проблемные аспекты..... 115

Требования к материалам, представляемым для опубликования в журнале «Вестник Юридического института МИИТ» 122

Civil law

Bukhankova Sofiya Al.

Limits of liability of a carrier and a freight forwarder.....9

Zaikov Denis Ev., Mordovin Sergey Ya.

The guarantee of compensation for damage caused to life, health, or property of victims as a fundamental principle of CTP 16

Tarasenko Yuri Al.

Fundamental principles of civil legislation and principles of civil law: the problem of distinction and systemic interaction 26

Criminal law and criminal procedure

Bazhanov Stanislav V.

Certain aspects of the technical operation of departmental (corporate) computer networks (on the example of law enforcement agencies) 34

Barysheva Kseniya Al.

Sham family-legal status as an object of criminal-legal analysis: issues of classification and liability 47

Kondratyuk Sergey V., Krasnova Kristina Al., Poberezhnaya Irina Ad.

Socio-demographic and moral-psychological characteristics of the radical criminal's personality..... 57

Novikov Valery An.

Temporary suspension from office of a suspect or accused person during criminal proceedings..... 67

Family law

Mokhov Artem Yu.

The concept and basic principles of state social policy
on supporting families with children: a theoretical
and legal facet.....77

Environmental law

Bredikhin Aleksey L.

The genesis and objectification of environmental function
of the state in Russia.....89

Forensics and criminalistics

Zhavoronkov Vladimir Al., Melnichenko Anastasiya An.

Conflicts in the assessment of forensic ballistic evidence:
legal and methodological issues 95

Transport law

Glozman Olga S., Silaeva Ekaterina Ev.

Estimation of prerequisites and constraints for introducing
a high-speed tram line into the transport system
of Tula and Shchekino.....105

Zharikova-Gorskaya Evgeniya V.

The concept of maritime transport infrastructure:
problematic aspects.....115

Requirements for the materials submitted for publication
in the journal “Bulletin of the Law Institute MIIT” 122

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 347.763

Пределы ответственности перевозчика и экспедитора

Буханкова Софья Алексеевна,

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Краснознаменск, Россия

Аннотация. В статье исследуется разграничение ответственности перевозчика и экспедитора при утрате, недостатке, повреждении груза и нарушении срока его доставки. Анализируются положения Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности» и разъяснения Верховного Суда РФ. Показано, что пределы ответственности зависят не от формального наименования договора, а от содержания принятого обязательства и фактической роли лица в организации перевозки. Если экспедитор принимает груз во владение, самостоятельно определяет перевозчика и контролирует доставку, он отвечает перед клиентом за сохранность груза, даже когда физическое перемещение выполняет привлеченная организация. Перевозчик, в свою очередь, несет ответственность перед лицом, передавшим ему груз, независимо от того, является ли оно собственником имущества. Обосновывается необходимость разграничивать ответственность перед клиентом и внутреннее распределение убытков между перевозчиком и экспедитором.

Ключевые слова: перевозчик; экспедитор; транспортная экспедиция; перевозка груза; ответственность; реальный ущерб; упущенная выгода; несохранность груза; просрочка доставки; регресс.

Для цитирования: Буханкова С. А. Пределы ответственности перевозчика и экспедитора // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (55). С. 9—15.

Original article

Limits of liability of a carrier and a freight forwarder

Sofiya Al. Bukhankova,
Plekhanov Russian University of Economics,
Krasnoznamensk, Russia

Abstract. The current paper has considered the distinction between the liability of a carrier and a freight forwarder in cases of loss, shortage, or damage to cargo, as well as delays in delivery. There have been analyzed the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, the Federal Law “On Transport-Forwarding Activities”, and clarifications issued by the Supreme Court of the Russian Federation. There has been demonstrated that the limits of liability depend not on the formal designation of the contract, but on the substance of the obligation undertaken and the party’s actual role in organizing the transportation. If a freight forwarder takes possession of the cargo, independently selects a carrier, and controls the delivery, he is liable to the client for the safety of the cargo, even when the physical transportation is performed by a third-party entity. A carrier, in turn, bears liability to the party that has handed over the cargo, regardless of whether that party is the owner of the property. There has been substantiated the necessity to distinguish between liability to the client and the internal allocation of losses between a carrier and a freight forwarder.

Keywords: carrier; freight forwarder; freight forwarding; cargo transportation; liability; actual damage; lost profits; loss of cargo; delay in delivery; regress.

For citation: Bukhankova S.A. Limits of liability of a carrier and a freight forwarder // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):9–15.

© Буханкова С. А., 2026

Введение

Перевозчик и экспедитор участвуют в одном процессе доставки, однако содержание их обязанностей различается. Перевозчик непосредственно перемещает груз и отвечает за его сохранность в период нахождения имущества под его контролем. Экспедитор организует перевозку, оформляет документы, выбирает маршрут и исполнителей, взаимодействует с перевозчиками, складами, терминалами и иными участниками транспортной цепочки. На практике эти функции нередко совмещаются, из-за чего при

утрате или повреждении груза возникает спор, кто должен возместить убытки клиенту.

Формальное указание в договоре на «транспортно-экспедиционные услуги» не решает этот вопрос. Экспедитор может ограничиться подбором перевозчика и оформлением документов, а может принять груз, контролировать его доставку и выступать перед клиентом как единый исполнитель. В первом случае его ответственность связана преимущественно с качеством организации перевозки. Во втором она приближается к ответственности перевозчика, поскольку клиент передает экспедитору не отдельное поручение, а фактический контроль над грузом.

Цель статьи заключается в определении пределов ответственности перевозчика и экспедитора при несохранности груза и иных нарушениях транспортного обязательства. Для этого необходимо разграничить содержание договоров перевозки и транспортной экспедиции, установить объем возмещаемых убытков и определить значение привлечения третьих лиц к исполнению договора.

Разграничение обязанностей перевозчика и экспедитора

По договору перевозки перевозчик обязан доставить вверенный ему груз в пункт назначения и выдать его управомоченному получателю. Ответственность возникает с момента принятия груза и сохраняется до его выдачи. Согласно ст. 796 ГК РФ перевозчик отвечает за утрату, недостачу или повреждение груза, если не докажет, что несохранность произошла вследствие обстоятельств, которые он не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело.

Обязанности экспедитора определяются иначе. По договору транспортной экспедиции он выполняет или организует выполнение услуг, связанных с перевозкой груза. В зависимости от соглашения сторон экспедитор может заключить договор перевозки от своего имени или от имени клиента, обеспечить отправку и получение груза, подготовить документы, проверить количество и состояние товара, организовать погрузку, хранение, таможенное оформление и расчеты с перевозчиками.

Различие состоит не только в способе исполнения. Перевозчик принимает на себя обязательство по физической доставке, тогда как экспедитор отвечает за организационный результат в пределах согласованного перечня услуг. Если он обязался лишь найти перевозчика, передать ему сведения о грузе и оформить заявку, ответственность экспедитора должна оцениваться исходя из надлежащего выбора исполнителя и точности переданной информации. Возлагать на него безусловную ответственность за любое происшествие на маршруте в такой ситуации нельзя.

Иной подход применяется, когда экспедитор принимает груз во владение и обязуется обеспечить его доставку получателю. Статья 7 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» предусматривает ответственность экспедитора за утрату, недостачу или повреждение груза после его принятия и до выдачи полу-

чателью, если он не докажет наличие освобождающих обстоятельств. В этой модели клиент вправе предъявить требование непосредственно экспедитору, не выясняя, какой из привлеченных перевозчиков фактически допустил нарушение.

Верховный Суд РФ исходит из содержания отношений, а не из названия заключенного договора. Если лицо приняло на себя обязанность доставить груз, определяло исполнителей и контролировало перевозку, оно не вправе устраниваться от ответственности со ссылкой на то, что физически груз перемещал другой субъект. Этот подход защищает клиента от ситуации, при которой исполнитель получает оплату за комплексную организацию доставки, но после происшествия предлагает предъявлять требования к неизвестному заказчику субперевозчику.

Одновременно участие экспедитора не прекращает ответственности фактического перевозчика. Лицо, передавшее ему груз, вправе требовать возмещения реального ущерба независимо от права собственности на имущество. Поэтому экспедитор, отвечающий перед клиентом, может предъявить собственное требование к перевозчику, по вине или в сфере контроля которого возникла несохранность. Здесь необходимо разграничивать внешнюю ответственность перед клиентом и внутреннее распределение имущественных потерь между профессиональными участниками перевозки.

Объем и пределы возмещения

Ответственность перевозчика за несохранность груза ограничена его стоимостью. При утрате или недостатке возмещается стоимость утраченного либо недостающего имущества. При повреждении выплачивается сумма, на которую уменьшилась его стоимость, а если восстановление невозможно — полная стоимость груза. Когда товар принят с объявленной ценностью, расчет производится исходя из нее, если перевозчик не докажет, что объявленная сумма превышает действительную стоимость.

Такое регулирование означает, что перевозчик не всегда отвечает за все экономические последствия нарушения. Основной формой возмещения выступает реальный ущерб, непосредственно связанный с несохранностью имущества. Упущенная выгода, возникшая из-за невозможности перепродажи товара, остановки производства или нарушения обязательств перед последующими покупателями, не включается автоматически в размер ответственности за утрату груза. Для ее взыскания требуется самостоятельное правовое основание и доказанная связь с нарушением.

Перевозчик также возвращает провозную плату, взысканную за перевозку утраченного, недостающего или поврежденного груза, если она не была включена в его стоимость. Эта сумма не является штрафом. Ее возврат объясняется тем, что услуга по доставке соответствующего имущества не была оказана в согласованном виде.

Пределы ответственности экспедитора зависят от характера сообщения. При внутрироссийской перевозке экспедитор возмещает клиенту реаль-

ный ущерб в размере действительной стоимости утраченного или недостающего груза либо суммы уменьшения его стоимости при повреждении. Наряду с этим закон предусматривает возмещение упущенной выгоды, связанной с утратой, недостачей или повреждением груза, если иное не установлено договором. Следовательно, потенциальный объем требований к экспедитору может оказаться шире требований, предъявляемых непосредственно к перевозчику.

Для международной транспортно-экспедиционной деятельности установлен специальный предел ответственности — 666,67 расчетной единицы за место или иную единицу отгрузки, если более высокий размер не следует из соглашения сторон или применимого международного договора. Под расчетной единицей понимается специальное право заимствования Международного валютного фонда. Такое ограничение отражает международную практику, где ответственность профессиональных участников перевозки связывается не только со стоимостью груза, но и с количеством грузовых мест либо массой отправления.

Ограничение ответственности не применяется при умышленном нарушении или грубой неосторожности, если соответствующее исключение предусмотрено законом. Исполнитель не должен получать преимущество из поведения, явно несовместимого с минимальными требованиями профессиональной осмотрительности. Например, передача дорогостоящего груза непроверенному лицу без документов, сознательное игнорирование температурного режима или оставление транспортного средства без охраны вопреки прямым условиям договора могут свидетельствовать о такой степени пренебрежения обязанностями, при которой ссылка на договорный лимит становится необоснованной.

Стороны вправе конкретизировать ответственность, но не могут заранее устранить ее вопреки императивным положениям закона. Статья 11 Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности» признает недействительным соглашение об устранении имущественной ответственности экспедитора или уменьшении ее размеров по сравнению с установленными законом пределами. Допустимо, напротив, предусмотреть более высокий размер возмещения.

Отдельного внимания требует ответственность за просрочку доставки. Перевозчик отвечает в пределах, установленных соответствующим транспортным уставом или кодексом. Экспедитор возмещает убытки и уплачивает предусмотренную законом либо договором неустойку, если нарушение срока связано с ненадлежащим исполнением его собственных обязанностей. Если же он своевременно организовал перевозку, а задержка полностью возникла в деятельности фактического перевозчика, внешнее требование клиента все равно может быть предъявлено экспедитору при комплексном характере принятого обязательства. После возмещения убытков вопрос решается в порядке регресса.

Основания ответственности и привлечение третьих лиц

Перевозчик отвечает за несохранность груза независимо от наличия вины, включая случайное причинение ущерба. Дорожно-транспортное происшествие по вине третьего лица, хищение или пожар не освобождают его автоматически. Для исключения ответственности необходимо доказать, что происшествие находилось вне сферы профессионального контроля и не могло быть предотвращено при надлежащей организации перевозки (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции»).

Экспедитор также не освобождается от ответственности только потому, что поручил исполнение перевозчику, складу или иному лицу. По общему правилу, действия привлеченных исполнителей рассматриваются как часть организации деятельности самого экспедитора. Клиент заключает договор именно с ним и вправе ожидать надлежащего исполнения без необходимости исследовать внутреннюю структуру договорных связей.

Однако ответственность экспедитора не должна превращаться в абсолютную. Если договор ограничивал его функции оформлением документов или передачей заявки конкретному перевозчику, которого самостоятельно выбрал клиент, необходимо установить, какое именно обязательство нарушил экспедитор. Ответственность возможна при ошибках в документах, несвоевременной передаче информации, выборе заведомо ненадежного исполнителя либо непредоставлении клиенту существенных сведений. Несοхранность груза сама по себе еще не доказывает нарушение со стороны лица, которое не принимало груз и не контролировало перевозку.

Закон возлагает информационные обязанности и на клиента. Он должен предоставить экспедитору документы и сведения о свойствах груза, условиях перевозки и иной информации, необходимой для исполнения договора [2]. Если повреждение возникло из-за сокрытия опасных свойств товара, неправильного указания температурного режима или отсутствия специальных инструкций, ответственность может быть возложена на клиента полностью либо частично. Экспедитор, однако, обязан запросить недостающие сведения, когда их неполнота очевидна. Профессиональный исполнитель не вправе ссылаться на молчание клиента, если характер груза требовал дополнительного уточнения.

Судебная практика учитывает и недостатки упаковки. Перевозчик не отвечает за повреждение, вызванное ненадлежащей упаковкой грузоотправителя, если обязанность по упаковке не была принята самим перевозчиком и дефект нельзя было обнаружить при обычном приеме груза (Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2017 г.). Когда недостатки были явными, принятие товара без замечаний может свидетельствовать о согласии

перевозчика с его состоянием. Профессиональная осмотрительность предполагает не экспертизу каждой упаковки, а фиксацию видимых дефектов, способных повлиять на сохранность.

Для определения надлежащего ответчика необходимо последовательно установить:

- кто фактически принял груз и выдал документ о его приеме;
- кто выбирал перевозчика и определял условия доставки;
- от чьего имени заключался договор перевозки;
- кто контролировал маршрут, перегрузку, хранение и выдачу груза;
- какое конкретное обязательство было нарушено;
- находился ли риск, повлекший ущерб, в сфере контроля перевозчика, экспедитора или клиента.

Такой анализ точнее формального сопоставления названий договоров. В сложной логистической цепочке одно лицо может одновременно выступать экспедитором по отношению к клиенту и грузоотправителем по отношению к фактическому перевозчику. Его ответственность перед клиентом не исключает права взыскать соответствующую сумму с перевозчика. Отказ в иске только потому, что экспедитор не являлся собственником груза, нарушал бы смысл перевозочного обязательства: перевозчик отвечает перед лицом, которое передало ему имущество и несет договорные последствия его утраты.

Заключение

Пределы ответственности перевозчика и экспедитора определяются содержанием принятого обязательства, периодом контроля над грузом и характером допущенного нарушения. Перевозчик отвечает за сохранность имущества с момента его принятия до выдачи получателю. Экспедитор несет ответственность за надлежащее выполнение согласованных услуг, а при принятии груза и комплексной организации доставки — также за его утрату, недостачу или повреждение.

Привлечение фактического перевозчика не освобождает экспедитора перед клиентом, когда доставка составляла единый результат договора. После возмещения ущерба экспедитор вправе предъявить требование к лицу, непосредственно допустившему нарушение. Такое распределение позволяет сохранить понятную для клиента модель ответственности и одновременно учитывать реальные причины происшествия во внутренних отношениях профессиональных участников.

Основной критерий разграничения ответственности — сфера профессионального контроля. Лицо должно отвечать за те риски, которые оно приняло на себя и могло предотвращать посредством надлежащего выбора исполнителей, проверки документов, соблюдения условий перевозки и контроля за грузом. Этот подход исключает как необоснованное освобождение посредника от ответственности, так и автоматическое возложение на него последствий событий, не связанных с нарушением его обязанностей.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 368.8

Гарантия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, как основной принцип ОСАГО

Зайков Денис Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2474-6769

Мордовин Сергей Яковлевич,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. Обязательное страхование автогражданской ответственности (далее — ОСАГО) представляет собой один из важнейших правовых институтов, имеющих своей целью обеспечение прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортных средств. Вместе с тем его предназначение и содержание, императивность использования, а также участие страховых организаций, являющихся коммерческими организациями, в его осуществлении создают предпосылки для формирования в практической деятельности различных подходов к применению ОСАГО, в том числе нарушающих права владельцев транспортных средств и потерпевших в дорожно-транспортных происшествиях. В этих условиях особое значение приобретают принципы ОСАГО, являющиеся основополагающими началами, определяющими его сущность, направления совершенствования, специфику толкования правового регулирования и особенности применения. При этом важнейшим из них является принцип гарантии возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, который опосредует и развивает основную идею института ОСАГО. В статье проводится анализ роли указанного принципа в формировании правового регулирования ОСАГО, выявляются особенности и проблемы его применения в судебной практике, предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: ОСАГО; принципы права; принцип гарантии возмещения вреда; страховые организации; возмещение вреда при ДТП; страховое возмещение.

Для цитирования: Зайков Д. Е., Мордовин С. Я. Гарантия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, как основной принцип ОСАГО // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (55). С. 16–25.

CIVIL LAW

Original article

The guarantee of compensation for damage caused to life, health, or property of victims as a fundamental principle of CTP

Denis Ev. Zaikov,

Candidate of Law, Associate Professor,
Russian University of Transport (MIIT)
Moscow, Russia

Sergey Ya. Mordovin,

Russian University of Transport (MIIT)
Moscow, Russia

Abstract. Compulsory Third-Party Liability Insurance (hereinafter CTP) is one of the most important legal institutions aimed to ensure the rights of victims to compensation for damage caused to their lives, health, or property when using vehicles. At the same time, its purpose and content, the mandatory nature of its application, and the involvement of insurance companies, which operate as commercial entities, create the conditions for the emergence of diverse practical approaches to applying CTP, including approaches that infringe upon the rights of vehicle owners and victims of traffic accidents. Under these conditions, the principles of CTP are of particular significance, being the fundamental tenets and defining its essence, directions for improvement, the specifics of interpreting its legal regulation, and the nuances of its application. Among these, the most crucial is the principle guaranteeing compensation for damage caused to life, health, or property of victims, a principle that embodies and further develops the fundamental concept of CTP. There has been analyzed the role of this principle in shaping the legal regulation of CTP, identified specific features and challenges associated with its application in judicial practice, and proposed ways to resolve them.

Keywords: CTP; legal principles; principle of guaranteed compensation for damage; insurance organizations; compensation for damage in traffic accident; insurance compensation.

For citation: Zaikov D.E., Mordovin S.Ya. The guarantee of compensation for damage caused to life, health, or property of victims as a fundamental principle of CTP // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):16–25.

© Зайков Д. Е., Мордовин С. Я., 2026

Принципы права, представляя собой выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала [1, стр. 98], создают его основу, фундамент, на котором зиждется структура права, состоящая из отраслей права, правовых институтов и других элементов. Принципы выступают в качестве связующих звеньев системы права, обеспечивающих необходимый баланс прав и законных интересов ее участников, взаимосвязь и преемственность, единые подходы к толкованию и применению правовых норм, а также определяющих наиболее важные направления развития и совершенствования, требующие особого внимания со стороны как законодателя, так и правоприменителя.

Однако вопреки вложенному в них значению и содержанию принципы находят ограниченное применение в практической деятельности, изредка выступая лишь в качестве теоретического сопровождения принимаемых решений. Фактически только Конституционный Суд РФ использует в своей деятельности принципы, в полной мере раскрывая их потенциал, чем подает достойный пример их эффективного использования [2, стр. 156].

В таких условиях важность и применимость принципов отдельных правовых институтов, установленных федеральными законами, представляются неоднозначными. Тем не менее широкое их использование законодателем свидетельствует о возлагаемой на них роли основных постулатов, определяющих сущность и содержание регулируемого правового института. Именно с учетом принципов должно формироваться и совершенствоваться соответствующее правовое регулирование, а для судебной практики в отсутствие применимых норм права или неоднозначности их толкования принципы должны выступать в качестве основных ориентиров при разрешении возникающих коллизий и противоречий.

Показательный пример принципов и их влияния на регулируемые отношения закреплен в Федеральном законе от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее — Закон № 40-ФЗ), ст. 3 которого устанавливает такой принцип обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее — ОСАГО), как гарантия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных Законом № 40-ФЗ (далее — принцип возмещения вреда).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, появление института ОСАГО обусловлено необходимостью повышения уровня защиты права потерпевших на возмещение вреда (Постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С. Н. Шевцова»). Безусловно, ОСАГО позволяет создать необходимые условия, значительно улучшающие положение потерпевших и наделяющие их дополнительными правомочиями по защите и восстановлению нарушенных прав, в частности, обеспечивающие хотя бы частичное возмещение вреда даже в случаях отсутствия возможности обращения взыскания на имущество причинителя вреда.

Именно принцип возмещения вреда, совпадающий с основной целью Закона № 40-ФЗ и указанный первым в перечне принципов ОСАГО, позволяет раскрыть его правовую сущность:

- страховое возмещение выплачивается в упрощенном (внесудебном) порядке в кратчайшие сроки;
- страховая сумма рассчитывается для каждого страхового случая, независимо от числа таковых в период действия договора ОСАГО;
- основания для отказа в выплате страхового возмещения устанавливаются Законом № 40-ФЗ;
- страховщик несет ответственность перед потерпевшим за несвоевременное исполнение своих обязанностей;
- ОСАГО содействует в реализации гражданско-правового принципа полного возмещения вреда [3].

В то же время изложение принципа возмещения вреда содержит юридико-технический недостаток — он прямо не устанавливает субъектный состав лиц, на которых возлагается обязанность по возмещению причиненного вреда, что несколько обедняет его содержание и создает предпосылки для неоднозначного толкования.

Стоит отметить, что еще в 2003 г. предлагалось исключить из ст. 3 Закона № 40-ФЗ принцип возмещения вреда в связи с явным несоответствием содержания указанного правового акта данному принципу: Закон № 40-ФЗ носит односторонний характер, защищая только интересы страховщиков и ставя в бесправное положение владельцев транспортных средств, обязанных выплачивать страховым компаниям значительные суммы страховых тарифов, не обеспечивая им гарантий на возмещение ущерба при наступлении страхового случая [пояснительная записка по проекту федерального закона № 365641-3 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”»]. Вместе с тем указанный законопроект поддержан не был, что позволило обеспечить необходимые

условия для реализации рассматриваемого принципа и развития соответствующей правоприменительной практики, в целом оказавшей позитивное влияние на становление гарантий ОСАГО.

Одной из значимых особенностей принципа возмещения вреда является ограничение подлежащего возмещению вреда пределами, установленными Законом № 40-ФЗ. Это, с одной стороны, обусловлено спецификой страховых отношений, в которых очень важен вопрос соотношения размера страховых взносов и предоставляемой страховой защитой в целях обеспечения финансовой устойчивости системы ОСАГО, а с другой, создает неопределенность содержания принципа возмещения вреда, его зависимость и предопределенность от соответствующей правовой регламентации. Таким образом, несколько теряется само значение указанного принципа как руководящего, фундаментального начала регулируемого правового института.

Данная проблема имеет практическое применение, так как, прежде всего, отражает эффективность работы страховых организаций, но при этом затрагивает и саму суть ОСАГО, определяя действенность выполнения возложенной на него функции по возмещению потерпевшим причиненного вреда. Так, всегда актуальным является вопрос соответствия и обоснованности максимального размера страховой суммы постоянно меняющимся экономическим реалиям.

С 2014 г. ст. 7 Закона № 40-ФЗ предусматривает предел страховой суммы в части возмещения вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего, 400 тыс. руб., а с 2015 г. предел страховой суммы в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, — 500 тыс. руб. За более чем 10-летний период времени указанные размеры не изменились, хотя инфляционные процессы обуславливали явную необходимость этого.

В 2025 г. на рассмотрение в Государственную Думу был внесен очередной законопроект, который предусматривал повышение страховых сумм с 400 тыс. руб. до 520 тыс. руб., и с 500 тыс. руб. до 650 тыс. руб. соответственно [проект федерального закона № 821112-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”»]. Однако данная законодательная инициатива была отклонена, в том числе по причине того, что количество требований потерпевших о возмещении вреда, причиненного имуществу, по которым было выплачено 400 тыс. руб. в 2024 г. составило порядка лишь 5% от общего числа заявленных требований [заключение Комитета Государственной Думы по финансовому рынку от 21 мая 2025 г. № 208/7 «О проекте федерального закона № 821112-8 “О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”»].

В то же время в 2024 и 2025 гг. объем страховых взносов по договорам ОСАГО составил 332 и 330 млрд руб., а выплаты по ОСАГО в эти же перио-

ды были равны 202 и 221 млрд руб. соответственно. Средний страховой взнос по договорам ОСАГО в 2025 г. составил 6,1 тыс. руб., сократившись по сравнению с 2024 г. на 18,6%, а средняя страховая выплата в указанном периоде выросла на 16,2% до 106 тыс. руб. [https://cbr.ru/analytics/insurance/overview_insurers/].

Приведенные статистические данные можно оценивать по-разному, но все они обусловлены целой совокупностью обстоятельств: количество заключенных договоров ОСАГО, их разновидности, проводимая страховыми организациями конкурентная тарифная политика, число произошедших страховых случаев и отказов в осуществлении страхового возмещения и т.д.

Тем не менее в 2026 г. Правительством РФ был одобрен законопроект, предусматривающий с 1 марта 2027 г. повышение страховых сумм в случае причинения вреда жизни или здоровью с 500 тыс. до 2 млн руб. По предварительным расчетам страховая премия вырастет в этом случае на 8% [URL: <https://tass.ru/ekonomika/27157149>]. Такое решение видится давно назревшим, хотя и не решающим весь спектр имеющихся проблем, но его претворение в жизнь позволит обеспечить более полную и качественную реализацию принципа возмещения вреда, а также создаст весомые гарантии защиты прав потерпевших в дорожно-транспортных происшествиях (далее — ДТП).

Особая функция принципов — их использование в практической деятельности для разрешения неоднозначных, противоречивых, казусных ситуаций в соответствующих отношениях, правовое регулирование которых отсутствует или является фрагментарным, что обеспечивает возможность использования механизма определения дополнительных правил, критериев, требований и ограничений, позволяющего решить возникший спор в соответствии с закрепленными в соответствующем законе основополагающими началами.

Примером применения в судебной практике принципа возмещения вреда является дело, в котором страховщик отказал потерпевшему в выплате страхового возмещения по той причине, что на момент ДТП страховой полис причинителя вреда не действовал. Вместе с тем Верховный Суд РФ указал, что страховщик несет ответственность перед потерпевшим по обязательствам, удостоверенным принадлежащим страховщику полисом ОСАГО, в том числе и в случаях несанкционированного использования бланка полиса, нарушения порядка его выдачи и т.д. Поскольку потерпевший стороной заключенного между причинителем вреда и страховщиком договора ОСАГО не являлся, доводы последнего о недобросовестном поведении страхователя основанием для отказа в удовлетворении требований потерпевшего быть не могут. Иное означало бы нарушение принципа возмещения вреда (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 августа 2019 г. № 78-КГ19-24).

В другом случае Верховный Суд РФ, применяя принцип возмещения вреда, указал, что заблуждение потерпевшего об отсутствии у него права на обращение за прямым возмещением убытков не должно ухудшать его положение, а тем более приводить к невозможности получить страховое возмещение вследствие риска утраты доказательств, а также возможности предоставить поврежденное транспортное средство страховщику для осмотра и (или) на станцию технического обслуживания автомобилей для ремонта в счет страхового возмещения (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 июля 2024 г. по делу № 56-КГ24-7-К9).

Вместе с тем нельзя не отметить и существующие проблемы реализации принципа возмещения вреда, состав и содержание которых изменяются в процессе развития ОСАГО [4; 5].

Так, одним из направлений совершенствования правового регулирования ОСАГО является совершенствование процедуры получения страховой выплаты в максимальном размере. Например, в силу п. 6 ст. 11.1 Закона № 40-ФЗ возмещение вреда имуществу в размере 400 тыс. руб. может быть осуществлено при условии, что участниками ДТП будет произведена фиксация данных о таком происшествии, и их передача одним из предусмотренных указанной нормой права способов, например, посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (п. 7.8 Положения Банка России от 1 апреля 2024 г. № 837-П «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств»).

Вместе с тем согласно п. 4 Правил представления страховщику информации о дорожно-транспортном происшествии, обеспечивающих получение страховщиком некорректируемой информации о дорожно-транспортном происшествии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 28 августа 2019 г. № 1108, данные о ДТП, полученные с использованием программного обеспечения, передаются водителем (пользователем программного обеспечения) в систему обязательного страхования не позднее чем через 60 минут после ДТП. В случае нарушения указанного срока сумма страхового возмещения снижается до 100 тыс. руб. (п. 4 ст. 11.1 Закона № 40-ФЗ).

Положительная судебная практика об отказе в выплате страхового возмещения в размере более 100 тыс. руб. при подаче данных о ДТП с превышением 60-минутного периода довольно обширна, и преобладающая в судах позиция зачастую основывается на формальном подходе — сам по себе факт нарушения указанного срока приводит к ограничению суммы страхового возмещения (определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2025 г. по делу № 8Г-11871/2025[88-12370/2025]).

Однако можно ли считать правовое регулирование, устанавливающее крайне жесткие временные рамки совершения таких действий, обоснованным и отвечающим целям его введения?

Указанное положение было предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который указал, что оно обеспечивает ускорение процесса оформления и фиксации данных о ДТП. Ограничение по времени направлено на соблюдение баланса интересов страхователя и страховщика, а также предотвращение возможных злоупотреблений (Определение Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2023 г. № 3126-О).

К сожалению, лежащий в основе рассматриваемого положения формализм, не предусматривающий возможность учета каких-либо объективных обстоятельств, препятствующих своевременной передаче данных о ДТП (например, частичная неработоспособность мобильного приложения), находит отражение и в судебной практике (определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 марта 2024 г. по делу № 8Г-5096/2024[88-9446/2024]). При этом суды нередко в таком случае занимают позицию, основанную на альтернативе выбора способа оформления ДТП — в случае установления некорректности работы информационной системы или наличия технических неисправностей участник ДТП в целях исключения негативных последствий мог привлечь к участию в оформлении ДТП уполномоченных на то сотрудников полиции (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17 октября 2023 г. № Ф09-5702/23 по делу № А76-11041/2021).

Несмотря на обоснованность такой позиции, ее использование не решает рассматриваемую проблему, создавая лишь видимость такового, поэтому встречаются и исключения из приведенного подхода, обусловленные применением принципа возмещения вреда наравне с необходимостью достижения конечной цели упрощенной процедуры порядка оформления ДТП.

Так, суд признал подачу данных о ДТП с просрочкой на 3 минуты незначительным нарушением, не влекущим лишения потерпевшего права на получение страхового возмещения в пределах 400 тыс. руб. (определение Судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2026 г. по делу № 8Г-23808/2025[88-926/2026-(88-23439/2025)]).

Седьмой кассационный суд общей юрисдикции по рассматриваемой категории дел занимает особую позицию, кардинально отличающуюся от широко распространенной судебной практики: передача потерпевшим данных о ДТП с нарушением установленного срока (60 минут) не может являться основанием ограничения потерпевшего на получение страхового возмещения суммой в размере 100 тыс. руб. при условии, что такое формальное несоответствие никаким образом не повлияло на возможность страховщика установить наступление страхового случая и проверить достоверность сведений о ДТП и о полученных в его результате повреждениях автомобилей (определение Судебной коллегии по гражданским делам

Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 6 марта 2025 г. по делу № 8Г-2120/2025[88-3392/2025]).

Другой пример. Буквальное толкование п. 6 ст. 11.1 Закона № 40-ФЗ — подача данных о ДТП должна осуществляться только участниками ДТП, изначально воспринималось судами как обязательное условие применения указанной нормы права (определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 ноября 2024 г. по делу № 8Г-31059/2024[88-32955/2024]). Однако реализация принципа возмещения вреда позволила преодолеть указанный формальный подход — направление данных о ДТП не его участником, а третьим лицом не является основанием для ограничения потерпевшего на получение страхового возмещения в максимальном размере (определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 1 апреля 2026 г. по делу № 8Г-4034/2026[88-6362/2026]).

Как представляется, именно такое применение рассматриваемого принципа позволяет обеспечить баланс прав и законных интересов потерпевшего и страховщика, а также создать необходимые условия для возможности направления и своевременного получения достоверной информации о ДТП.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о безусловной важности и значимости принципа возмещения вреда, который выступает в регулируемых отношениях действительно востребованным и эффективным механизмом разрешения возникающих вопросов правоприменения, а также ориентиром дальнейшего развития института ОСАГО. Однако существующие проблемы практической реализации указанного принципа, обусловленные его неоднозначным толкованием и противоречивой судебной практикой, оказывают негативное влияние на эффективность ОСАГО и восстановление нарушенных прав потерпевших в ДТП. Это требует как совершенствования правового регулирования ОСАГО, так и формирования единых подходов судов к применению Закона № 40-ФЗ в целях полноценной реализации потенциала принципа возмещения вреда.

Список источников

1. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. — Том 1. — Москва, 1981.
2. Талапина, Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект) : монография / Э. В. Талапина. — Москва : Юриспруденция, 2015.
3. Комментарий к Федеральному закону от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» (постатейный) / Т. А. Батрова, О. В. Корнеева, Н. В. Богатырева // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2018.
4. Фогельсон, Ю. Б. Правовое регулирование ОСАГО. Решенные и нерешенные проблемы / Ю. Б. Фогельсон // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2007. — № 9. — С. 14—31.

5. Рассохин, В. В. Основные направления совершенствования системы ОСАГО / В. В. Рассохин // Юридическая и правовая работа в страховании. — 2013. — № 1. — С. 20—27.

References

1. Alekseyev, S. S. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law] / S. S. Alekseyev. — Tom 1. — Moskva, 1981.
2. Talapina, E. V. Gosudarstvennoye upravleniye v informatsionnom obshchestve (pravovoy aspekt) [Public Administration in the Information Society (Legal Aspect)]: monografiya / E. V. Talapina. — Moskva: Yurisprudentsiya, 2015.
3. Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 14 iyunya 2012 g. № 67-FZ «Ob obyazatel'nom strakhovanii grazhdanskoy otvetstvennosti perevozhchika za prichineniye vreda zhizni, zdorov'yu, imushchestvu passazhirov i o poryadke vozmeshcheniya takogo vreda, prichinnogo pri perevozkakh passazhirov metropolitenom» (postateynyy) [Commentary on Federal Law No. 67-FZ of June 14, 2012, "On Compulsory Civil Liability Insurance of the Carrier for Harm Caused to the Life, Health, or Property of Passengers and on the Procedure for Compensation for Such Harm Caused During Passenger Transportation by Metro" (article-by-article)] / T. A. Batrova, O. V. Korneyeva, N. V. Bogatyreva // Podgotovlen dlya sistemy Konsul'tantPlyus, 2018.
4. Fogel'son, Yu. B. Pravovoye regulirovaniye OSAGO. Reshennyye i nereshennyye problemy [Legal regulation of compulsory motor third-party liability insurance (OSAGO): resolved and unresolved issues] / Yu. B. Fogel'son // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2007. — № 9. — S. 14—31.
5. Rassokhin, V. V. Osnovnyye napravleniya sovershenstvovaniya sistemy OSAGO [Key directions for improving the OSAGO system] / V. V. Rassokhin // Yuridicheskaya i pravovaya rabota v strakhovanii. — 2013. — № 1. — S. 20—27.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 340

Основные начала гражданского законодательства и принципы гражданского права: проблема разграничения и системного взаимодействия

Тарасенко Юрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. Вопрос о соотношении основных начал гражданского законодательства и принципов гражданского права остается одной из наиболее дискуссионных проблем современной цивилистической доктрины. Несмотря на то что ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет перечень положений, именуемых законодателем «основными началами гражданского законодательства», в науке и судебной практике эти начала нередко отождествляются с принципами гражданского права в целом. Между тем смешение этих категорий не просто вопрос терминологической аккуратности. Оно ведет к размыванию методологического инструментария, которым располагает правоприменитель при разрешении коллизий, восполнении пробелов и толковании гражданско-правовых норм. Настоящий материал призван обосновать тезис о том, что основные начала и принципы гражданского права представляют собой разноуровневые, хотя и тесно взаимосвязанные категории, каждая из которых выполняет собственную функцию в механизме гражданско-правового регулирования.

Ключевые слова: принципы; основные начала; система права; отрасли права; иерархия принципов.

Для цитирования: Тарасенко Ю. А. Основные начала гражданского законодательства и принципы гражданского права: проблема разграничения и системного взаимодействия // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (55). С. 26—33.

Original article

Fundamental principles of civil legislation and principles of civil law: the problem of distinction and systemic interaction

Yuri Al. Tarasenko,

Candidate of Law, Associate Professor,
Russian University of Transport (MIIT)
Moscow, Russia

Abstract. The question of the relationship between the fundamental principles of civil legislation and the principles of civil law remains one of the most debated issues in modern civil law doctrine. Although Article 1 of the Civil Code of the Russian Federation sets forth a list of provisions designated by the legislator as the “fundamental principles of civil legislation”, in legal scholarship and judicial practice these principles are frequently considered as equal with the principles of civil law. However, conflating these categories is not merely a matter of terminological precision. It leads to a dilution of the methodological toolkit available to the law enforcer when resolving conflicts, filling gaps, and interpreting civil law norms. The current paper aims to substantiate the thesis that the fundamental tenets and principles of civil law constitute categories operating at different levels, albeit closely interconnected ones, each of which performs a specific function within the mechanism of civil law regulation.

Keywords: principles; fundamental principles; system of law; branches of law; hierarchy of principles.

For citation: Tarasenko Yu.A. Fundamental principles of civil legislation and principles of civil law: the problem of distinction and systemic interaction // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):26–33.

© Тарасенко Ю. А., 2026

Введение

Вопрос о соотношении основных начал гражданского законодательства и принципов гражданского права остается одной из наиболее дискуссионных проблем отечественной цивилистики. В доктрине сформировались два основных подхода. Согласно первому основные начала и принципы представляют собой однопорядковые категории, которые не следует искусственно разграничивать [1, стр. 10]. Сторонники второго подхода

настаивают на том, что основные начала по своему замыслу отграничены от принципов и их смешение методологически некорректно [2]. Судебная практика, в свою очередь, демонстрирует тенденцию к отождествлению этих понятий: Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ в ряде актов подчеркивают, что положения ст. 1 ГК РФ фактически устанавливают основополагающие принципы гражданского права (см, например, определение Верховного Суда РФ от 2 августа 2021 г. № 309-ЭС20-24330 по делу № А07-22417/2019; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 сентября 2015 г. № 307-ЭС15-6545 по делу № А13-1513/2014; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 марта 2022 г. № 306-ЭС21-24577 по делу № А55-18980/2020).

Настоящее исследование исходит из позиции, что основные начала гражданского законодательства и принципы гражданского права — это различные по своей правовой природе, уровню абстракции и функциональному назначению категории. Основные начала представляют собой фундаментальные, аксиологические категории, образующие несущий каркас всего частноправового регулирования. Принципы же выступают продолжением и развитием основных начал в системе гражданского права — в его подотраслях, институтах и субинститутах (в доктрине это различие описывается как противопоставление мета-принципов (фундаментальных, аксиологических) и институциональных принципов (функциональных, рабочих) [3, стр. 9—18]). Их разграничение имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку определяет иерархию нормативных ориентиров, применяемых при разрешении коллизий и восполнении пробелов.

I. Основные начала гражданского законодательства как фундаментальные категории

Статья 1 ГК РФ закрепляет десять положений, составляющих основные начала гражданского законодательства: 1) признание равенства участников регулируемых отношений; 2) неприкосновенность собственности; 3) свобода договора; 4) недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела; 5) необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав; 6) обеспечение восстановления нарушенных прав; 7) обеспечение их судебной защиты; 8) приобретение и осуществление гражданских прав своей волей и в своем интересе; 9) добросовестность участников гражданских правоотношений; 10) недопустимость злоупотребления правом.

Эти положения обладают рядом сущностных признаков, которые позволяют квалифицировать их именно как фундаментальные категории (мета-принципы), а не как обычные принципы.

Во-первых, основные начала имеют максимальную степень абстракции и обобщенности. Они не регулируют конкретные отношения, а определяют сущность и социальное назначение гражданского права в целом. Это

ценностно-целевые ориентиры, задающие «вектор» и «границы» всего частного права.

Во-вторых, основные начала носят императивный характер. Они не могут быть отменены или ограничены отдельными нормами гражданского законодательства. Любая норма, противоречащая основному началу, должна признаваться неприменимой.

В-третьих, основные начала образуют систему. Они служат основой для разработки и систематизации законодательства, обеспечивая внутреннее единство отрасли. Перечисление в ст. 1 ГК РФ не случайно и не произвольно: совокупность этих начал охватывает все подотрасли и крупные институты гражданского права, обеспечивая их взаимосвязь и внутреннюю согласованность. Так, начало равенства участников соотносится прежде всего с Общей частью и институтом лиц; неприкосновенность собственности — с вещным правом; свобода договора — с обязательственным и договорным правом; недопустимость произвольного вмешательства — со всеми подотраслями, включая корпоративное право и сферу личных неимущественных прав; добросовестность и недопустимость злоупотребления правом — с институтами пределов осуществления прав и недействительности сделок. Выпадение или игнорирование любого из начал ведет к деформации всей системы частноправового регулирования.

Важно подчеркнуть, что формальной (текстуальной) иерархии внутри ст. 1 ГК РФ не существует — законодатель не ранжирует начала по степени значимости. Однако в доктрине и правоприменительной практике складывается функциональная иерархия, проявляющаяся при коллизиях. В частности, добросовестность, разумность и справедливость все чаще рассматриваются как «сквозные» или «суперпринципы», выступающие внешними ограничителями для иных начал, таких как свобода договора или свобода усмотрения. Кроме того, все основные начала, в той или иной мере производны от Конституции РФ, и в случае неясности толкования приоритет всегда отдается конституционным ценностям.

II. Принципы гражданского права как институциональное продолжение основных начал

Наряду с основными началами, закрепленными в ст. 1 ГК РФ, в статьях Общей и Особенной частей Кодекса содержатся так называемые институциональные (отраслевые, функциональные) принципы гражданского права. Они представляют собой руководящие идеи, конкретизирующие основные начала применительно к отдельным институтам или сферам регулирования.

Институциональные принципы распределены по всему тексту ГК РФ — как в Общей, так и в Особенной части. Приведем наиболее значимые группы.

В сфере обязательственного и договорного права — обязательность исполнения обязательств (*pacta sunt servanda*, ст. 309 ГК РФ), недопусти-

мость одностороннего отказа от обязательств (ст. 310 ГК РФ), полное возмещение убытков (ст. 15, 393 ГК РФ).

В сфере вещного права — содержание и осуществление права собственности через триаду правомочий (ст. 209 ГК РФ), риск случайной гибели имущества, несомый собственником (ст. 211 ГК РФ), абсолютный характер вещных прав (ст. 209, 216 ГК РФ).

В сфере субъектного состава — равенство публично-правовых образований с иными участниками (ст. 124 ГК РФ), имущественная обособленность юридического лица (ст. 48, 56 ГК РФ).

В сфере оборотоспособности и сделок — свобода оборота объектов гражданских прав (ст. 129 ГК РФ), свобода волеизъявления при совершении сделок (ст. 153, 154 ГК РФ), презумпция действительности сделок (ст. 168—179 ГК РФ).

В сфере защиты прав — недопустимость лишения права на судебную защиту (ст. 11 ГК РФ), недопустимость неосновательного обогащения (ст. 1102 ГК РФ), самозащита гражданских прав (ст. 14 ГК РФ).

Институциональные принципы отличаются от основных начал по нескольким ключевым параметрам. Они имеют более конкретное содержание и ограниченную сферу действия, распространяясь на определенные подотрасли или институты. Они носят функциональный («рабочий») характер, обеспечивая реализацию частноправового метода: диспозитивность, автономию воли, имущественную самостоятельность. Если основные начала задают ценностные ориентиры, то институциональные принципы обеспечивают их практическую реализацию.

Особого внимания заслуживают такие принципы, как разумность, диспозитивность, справедливость и соответствие добрым нравам. В отношении их институциональности существуют определенные сомнения: по своей сути они могли бы претендовать на место в основных началах, поскольку носят сквозной характер и не привязаны к конкретному институту.

III. Система и иерархия основных начал

Перечисление основных начал в ст. 1 ГК РФ носит характер системы. Под системой понимается множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующее определенную целостность. Каждое основное начало определяет вектор развития правового регулирования в определенной подотрасли или крупном институте, в совокупности охватывая все гражданское законодательство [4, стр. 1437].

Взаимообусловленность элементов системы проявляется в том, что основные начала взаимно дополняют и ограничивают друг друга. Свобода договора не может существовать без равенства участников: если равенство нарушено, свобода договора становится фикцией. Неприкосновенность собственности ограничивается недопустимостью произвольного вмешательства в чужие дела. Выпадение или игнорирование одного из начал ведет к деформации всей системы.

Формальной (текстуальной) иерархии внутри ст. 1 ГК РФ не существует — законодатель не ранжирует начала по степени важности. Однако в доктрине и правоприменительной практике выделяется функциональная (телеологическая) иерархия. При коллизии начал суды исходят из необходимости соблюдения баланса ценностей, в ходе которого некоторые начала приобретают роль ограничителей по отношению к другим. Так, добросовестность выступает внешним ограничителем для свободы договора и свободы усмотрения. Публичному порядку и основам нравственности (ст. 169 ГК РФ) при их столкновении с частной автономией воли, придается определенный приоритет.

IV. Механизм взаимодействия: от абстрактного начала к конкретному принципу

Связь между основными началами и институциональными принципами носит иерархический и взаимообусловленный характер. Институциональные принципы не должны вступать в противоречие с основными началами, от которых они производны. Они развивают содержание основных начал, показывая, как тот или иной аспект фундаментального начала реализуется в конкретном правовом институте.

Проиллюстрируем этот механизм несколькими примерами.

Свобода договора (основное начало) трансформируется в обязательном праве в институциональные принципы диспозитивности и автономии воли сторон, находящие выражение в нормах о надлежащем исполнении обязательств (ст. 309 ГК РФ), свободе выбора контрагента и формы договора (ст. 421 ГК РФ), свободе определения условий договора (ст. 422 ГК РФ).

Неприкосновенность собственности (основное начало) материализуется через институциональные принципы абсолютного характера вещных прав: триаду правомочий собственника (ст. 209 ГК РФ), запрет произвольного лишения имущества (ст. 235 ГК РФ), вещно-правовые способы защиты (ст. 301, 304 ГК РФ).

Равенство участников (основное начало) получает институциональное выражение в принципе равенства публично-правовых образований с иными участниками (ст. 124 ГК РФ). Если государство вступает в частные отношения, то уже действует не как суверен, а как обычное частное лицо.

Добросовестность (основное начало) реализуется в конкретных институциональных принципах: институт добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ), приобретательную давность (ст. 234 ГК РФ), презумпцию добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ).

V. Взаимообусловленность и пределы ограничения

Производный институциональный принцип может ограничивать действие основного начала, но не вступать с ним в противоречие. Ограничение действия основного начала институциональным принципом представляет собой определение границ действия основного начала применительно к конкретным правовым институтам.

Основное начало свободы договора (ст. 1 ГК РФ) ограничивается институциональным принципом обязательности заключения публичного договора (ст. 426 ГК РФ). В отношениях розничной купли-продажи или перевозки пассажиров предприниматель не вправе отказаться от заключения договора при наличии возможности его исполнения. Здесь ограничение свободы договора диктуется необходимостью защиты экономически более слабой стороны — потребителя. Однако это именно ограничение, а не противоречие: институциональный принцип не отрицает свободу договора как таковую, а определяет ее разумные пределы в конкретном контексте. Свобода договора также ограничивается недопустимостью одностороннего отказа от обязательства (ст. 310 ГК РФ) и императивностью норм о публичном порядке (ст. 168, 169 ГК РФ).

Таким образом, иерархия проявляется не в том, что одни начала «важнее» других, а в том, что основные начала задают ценностный контур, внутри которого институциональные принципы конкретизируют, развивают и при необходимости корректируют действие этих начал в конкретных жизненных ситуациях. Это динамическая, а не статическая иерархия: она учитывается и применяется в процессе правоприменения, когда суд вынужден устанавливать баланс ценностей при столкновении различных начал и принципов.

Названное взаимодействие сохраняет целостность системы: без институциональных принципов основные начала остались бы декларациями; без основных начал институциональные принципы выродились бы в формальный и потенциально несправедливый казуистический набор правил.

VI. Границы охвата: сферы, не отраженные в ст. 1 ГК РФ

Статья 1 ГК РФ закрепляет классические начала, сформировавшиеся в эпоху либерального правопонимания. Однако современное гражданское право вышло за рамки чисто либеральной парадигмы. Ряд сфер и ценностей не охватывается или охватывается лишь фрагментарно основными началами.

Статья 1 провозглашает формальное равенство, но не отражает реалии, где стороны находятся в заведомо неравном экономическом положении. В ней отсутствует начало, предписывающее обеспечивать материальное равенство и защищать экономически слабую сторону. Не охвачены экологическим императивом и принцип устойчивого развития. Не нашли отражения начала технологической нейтральности и защиты цифровой приватности, востребованные в связи с появлением цифровых прав и смарт-контрактов. Наконец, ст. 1 делает акцент на защите частного интереса и не содержит прямого указания на необходимость соотносить осуществление гражданских прав с публичными интересами.

Заключение

Основные начала гражданского законодательства и принципы гражданского права — это не тождественные, а соотносимые категории, находящиеся в иерархической и взаимообусловленной связи. Основные начала,

закрепленные в ст. 1 ГК РФ, представляют собой фундаментальные, аксиологические, системообразующие категории, определяющие саму сущность частного права и задающие границы всего гражданско-правового регулирования. Принципы гражданского права представляют собой их институциональное продолжение и развитие, конкретизирующее фундаментальные идеи применительно к отдельным подотраслям и институтам. Разграничение этих категорий имеет принципиальное значение для обеспечения целостности системы гражданского права, в то время как смешение этих категорий ведет к утрате методологической точности и размыванию иерархических ориентиров. Признание их разноуровневой природы позволяет выстроить стройную систему, в которой основные начала выступают ценностным фундаментом, а институциональные принципы — рабочими механизмами его реализации.

Список источников

1. Чернов, К. А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права : дис. ... канд. юрид. наук / К. А. Чернов. — Самара, 2003.
2. Киракосян, С. А. Принцип равенства в российском гражданском праве : дис. канд. юрид. наук / С. А. Киракосян. — Краснодар, 2009.
3. Волос, А. А. Аксиология принципов гражданского права в современных условиях / А. А. Волос // Lex russica. — 2022. — Том 75. — № 7.
4. Махов, А. Е. Большой российский энциклопедический словарь / А. Е. Махов. — Москва, 2003.

References

1. Chernov, K. A. Printsip ravenstva kak obshchepравovoy printsip rossiyskogo prava [The principle of equality as a general legal principle of Russian Law]: dis. ... kand. yurid. nauk / K. A. Chernov. — Samara, 2003.
2. Kirakosyan, S. A. Printsip ravenstva v rossiyskom grazhdanskom prave [The principle of equality in Russian Civil Law]: dis. kand. yurid. nauk / S. A. Kirakosyan. — Krasnodar, 2009.
3. Volos, A. A. Aksiologiya printsipov grazhdanskogo prava v sovremennykh usloviyakh [Axiology of civil law principles in modern conditions] / A. A. Volos // Lex russica. — 2022. — Tom 75. — № 7.
4. Makhov, A. Ye. Bol'shoy rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Great Russian Encyclopedic Dictionary] / A. Ye. Makhov. — Moskva, 2003.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 357.745.7

Некоторые нюансы технической эксплуатации ведомственных (корпоративных) компьютерных сетей (на примере правоохранительных органов)

Бажанов Станислав Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
академик Петровской академии наук и искусств,
полковник юстиции в отставке,
Москва, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся использования информационных технологий и сетей в границах уголовно-процессуальных и смежных с ними (оперативно-розыскных) правоотношений. Особое внимание обращается на то, что эффективность внедрения их в практику выявления, расследования и раскрытия преступлений, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел может считаться достижимой лишь при высококачественном взаимном соответствии технологического оборудования (настроек) ЭВМ нормам УПК РФ, а также Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В противном случае все инициативные подвижки в этом вопросе будут обречены на забвение и пустую трату денежных казенных ресурсов.

Ключевые слова: расследование и раскрытие преступлений; информационные технологии; уголовный процесс; оперативно-розыскные правоотношения; числовой код; естественный язык.

Для цитирования: Бажанов С. В. Некоторые нюансы технической эксплуатации ведомственных (корпоративных) компьютерных сетей (на примере правоохранительных органов) // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (53). С. 34—46.

Original article

Certain aspects of the technical operation of departmental (corporate) computer networks (on the example of law enforcement agencies)

Stanislav V. Bazhanov,

Doctor of Law, Professor,

Academician of the Petrovskaya Academy of Sciences and Arts,

Retired Colonel of Justice,

Moscow, Russia

Abstract. The current paper has considered the specific issues regarding the use of information technologies and networks within the framework of criminal procedural and related (operational and search) legal relations. Particular attention has been paid to the fact that the effective implementation of these systems in the detection, investigation, and solving of crimes, as well as in judicial proceedings and resolution of criminal cases, can only be achieved if the computer hardware and configurations are fully aligned with the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995, “On Operational-Investigative Activities”. Otherwise, any proactive efforts in this area are doomed to oblivion and wasteful expenditure of public funds.

Keywords: crime investigation and solution; information technologies; criminal procedure; operational-search legal relations; numerical code; natural language.

For citation: Bazhanov S.V. Certain aspects of the technical operation of departmental (corporate) computer networks (on the example of law enforcement agencies) // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):34–46.

© Бажанов С. В., 2026

Предваряя рассмотрение вопросов, вынесенных в заголовок настоящей публикации и стремясь к достоверному изложению своей позиции относительно несовершенства уголовно-процессуального законодательства РФ, ее автор хотел бы продемонстрировать читающей аудитории положения ст. 7 УПК РФ, полный текст которой в данном случае из соображений экономии места размещения материала воспроизводиться не будет; с ним легко ознакомиться, обратившись к Кодексу.

В упомянутой статье провозглашен принцип законности при производстве по уголовному делу, что не может не вызывать нареканий в адрес парламентариев. Суть проблемы заключается в том, что классическое определение уголовного процесса с позиций академической школы выглядит самодостаточно; читаем: уголовный процесс — это регламентированная законом и облеченная в форму правоотношений деятельность... Вследствие сказанного очевидно, что законность изначально свойственна анализируемому виду правоприменительной практики и любое отступление от нее в пользу, в частности, советского колхозного права, недопустимо. Кто бы спорил? Именно поэтому возводить означенную всеобщую, основополагающую и руководящую правовую идею в ранг конституционной догмы нет никакой необходимости; в прикладной плоскости это выглядит смехотворно.

За примерами других небылиц и нелепиц, наблюдаемых в УПК РФ, далеко ходить не надо. Достаточно обратиться к преамбуле ст. 7 УПК РФ, где обнаруживается отсылка к постановлению Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П (о выявлении конституционно-правового смысла частей 1 и 2 статьи 7), надо полагать для того, чтобы следователи, дознаватели, прокуроры и судьи могли более проникновенно уяснить для себя смысл заключенного в ней выражения (выявление).

Так или иначе, но было бы гораздо лучше, если бы высший судебный орган страны и прочие интерпретаторы деклараций различных отраслей федерального законодательства большее усердие направляли на реально уязвимые места, в том числе и вышеназванной нормы, и объясняли, в частности, то, что следует иметь в виду властным субъектам уголовно-процессуальных правоотношений при обращении к словосочетаниям типа «орган дознания» и «начальник органа дознания». Суть незадачи состоит в том, что в Российской Федерации отсутствуют единые, строго централизованные, построенные на началах строгой иерархической подчиненности органы дознания, и афишировать в качестве таковых органы внутренних дел, как это просматривается в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ, абсолютно бессмысленно.

Равно не состоятельно словообразование «начальник органа дознания», ибо уму непостижимо, чем он, будучи властным участником уголовного процесса с неопределенным юридическим статусом, принуждается руководить.

Возвращаясь к главной теме разговора, подчеркнем, что в условиях новейшего времени во многих естественно-научных дисциплинах на системной основе изучается так называемый объемный способ измерения количества информации, сводящийся к подсчету символов, которыми шпигуется то или иное сообщение. Названные символы образуют собой длину сообщения вне зависимости от его семантического содержания. Именно оно (сообщение) презентует информацию в наиболее развернутом (респектабельном) виде в целях последующей ее передачи, преобразования и ис-

пользования, в том числе властными субъектами уголовно-процессуальных и смежных с ними (оперативно-розыскных) правоотношений, постоянно сталкивающимися с необходимостью упорядоченной систематизации материалов уголовных дел, находящихся в их текущем производстве [4, стр. 8—15].

В вычислительной технике вся хранимая и контролируемая системой информация шифруется двоичным числовым кодом с опорой на алфавит, включающий в себя две парные цифры: «0» и «1».

Информационный объем всякого сообщения напрямую зависит от количества передаваемой им информации, т.е. его длины, исчисляемого (исчисляемой) в стандартных единицах либо производных от них. Это позволяет рационализировать труд, например, следователей и дознавателей, сводя до минимума некорректность поступающих в их распоряжение сведений, а также оптимизировать возможность адекватного прочтения последних.

В (безбумажной) информатике преобладает энтропийный (неопределенный) подход к подсчету количества информации, скомпонованного в сообщении. Ее заказчик, как и водится, имеет смутное представление о тех фактах, явлениях или событиях, по поводу которых им делался персональный запрос (на нее). В едином массиве информации они недостоверны и проявляются вероятностями, с которыми ожидающий их поступление заказчик старается заблаговременно предугадать интересующий его результат (ответ).

Мера энтропии (неопределенности) определяется ее математической взаимосвязью с комбинацией описанных выше вероятностей. Количество информации в сообщении обуславливается также тем, насколько снижена планка (порог) подобающей меры после его (сообщения) получения и обработки клиентом.

Количество информации формирует числовую характеристику сигнала, не обремененную формой и содержанием; известным образом оно устраняет неопределенность, исчезающую сразу же после получения запрошенных материалов (данных) заказчиком.

Для обмена информацией с коллегами специалист прибегает к применению естественных языков, состоящих (в техническом отношении) из различного рода вибраций (колебаний, частот). В основе каждого из них лежит алфавит, т.е. арсенал стандартных символов, знаков, букв, цифр и иероглифов, отличающихся по графическому начертанию. Их последовательности с поправкой на правила грамматики создают базовые объекты языка — слова. Правила, с учетом которых выстраиваются предложения из слов, объединяются синтаксисом.

В общественных отношениях наряду с естественными языками соседствуют и формальные языки, а также системы счислений, языки алгебры, программирования, символов, жестов, прикосновений, запахов, танцев, рисунков, эмоций и даже богов, допускающие наличие сообразных прие-

мов реализации средств многоканальной связи. В пространстве слова индуцируют солитоны, вокруг которых приживаются надлежащие психические поля [6, стр. 49—53].

Специалист, даже высокий профессионал своего дела, не всегда задумывается над тем, чем он владеет в своих ежечасных сношениях (общениях) с партнерами; имеется в виду язык, как средство межличностных коммуникаций людей между собой. Гармоничное сочетание звуков способно творить чудеса. Один из диалектов санскрита — пракрит дословно означает язык богов. В русском языке сохранилось слово «вещать», т.е. торжественно говорить, в силу чего любая вещь может возникать («материализоваться») в результате вещания [6, стр. 72].

Алфавит обобщает буквы, цифры, символы, формулы, ноты, изображения элементов электрических или логических схем, дорожных знаков и т.п.

Главное отличие формальных языков от естественных проявляется в наличии в них строгих правил грамматики и синтаксиса.

Доставление информации из одного места в другое происходит при помощи языков, являющихся знаковыми системами, каждая из которых устраивается на фундаменте подходящего для подобных целей алфавита и правил выполнения операций со знаками различной этимологической природы. Так, для передачи информации в письменной форме оператор обращается к знакам, т.е. к их графическим изображениям на листе бумаги либо на ином материальном носителе. В устной речи в роли таковых выступают всевозможные звуки и фонемы.

При обработке текстов на компьютере знаки «прорисовываются» последовательностями электрических импульсов, т.е. компьютерных кодов. Преобразование информации из одной формы ее передачи в другую протекает в режиме кодирования. Штатным средством его реализации служит таблица соответствия знаковых систем, устанавливающая взаимно-однозначные связи между знаками и их группами.

В ходе обмена информацией ее пользователям приходится неоднократно выполнять взаимно обратимые операции по ее (де)кодированию. Например, при вводе знака алфавита в компьютер нажатием клавиши на его клавиатуре кодируется знак, преобразуемый затем в компьютерный код. При выводе знака на экран монитора или принтер происходит обратный процесс, т.е. декодирование: из компьютерного кода знак превращается в графическое изображение (текст).

Кодирование представляет собой технический акт передачи знаков одной знаковой системы или их групп в знаки или группы знаков другой знаковой системы. При этом преследуются заранее предустановленные цели, способствующие достижению:

- 1) удобства (комфорта) физической легализации или реализации, например, оперативно-розыскной (ориентирующей) информации в целях

ее дальнейшего использования властным участником досудебного производства;

2) обеспечения выявления и высокоточного визуального осмотра источника происхождения информации для придания ей статуса (вещественного) доказательства;

3) высокой скорости передачи, обмена и обработки информации, актуализирующей постановку вопроса об оправданности построения на различных уровнях отечественной правоохранительной системы локальных (периферических), региональных и ведомственных (корпоративных) компьютерных сетей, вмонтированных в единый телекоммуникационный центр (узел);

4) экономичности информации, т.е. взвешенного рассудком, обоснованного запросами практики и финансовыми ресурсами, прагматического снижения ее объема (избыточности), т.е. длины сообщения без потери качества;

5) надежности информации, т.е. ее защиты от случайных, сопутствующих либо умышленно фабрикуемых искажений, шумов и помех;

6) сохранности информации, т.е. режима, исключающего на корню нежелательное, несанкционированное или неконтролируемое властями вторжение в ее статус-кво; наиболее выпукло это проявляется в защите государственной тайны или, более узко, — тайны предварительного следствия.

Перечисленные порядковые установки нередко противоречат одна другой. Так, стремясь к экономичности сообщения и руководствуясь конспиративными побуждениями, оперативный уполномоченный подразделения уголовного розыска или экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел, может неосознанно умалить степень их надежности и приемлемости для предстоящего анализа, оценки и употребления. К месту заметим, что постоянно действующие специализированные следственно-оперативные группы, создававшиеся на уровне МВД СССР в середине 1980-х гг. для расследования нераскрытых убийств прошлых лет, среди прочего, высветили обстоятельство, согласно которому изрядная доля подобающих уголовных дел в предшествующий очерченному промежутку времени период приостанавливалась ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Отмеченному фактору в немалой степени потворствовало несвоевременное ознакомление следователей с не полной, не достоверной (искаженной), частично легализованной информацией, находившейся в запасниках сотрудников оперативно-розыскных подразделений, а в целом ряде случаев — отсутствие самого элементарного (информационного) взаимодействия между ними [1, стр. 120—132].

На разных этапах обработки информации преследуются разные цели. Она неоднократно перекодируется, преобразуется из одного вида, доступ-

ного для ознакомления, в другой, приемлемый с позиций ее «переваривания» автоматизированными системами, и наоборот.

Как уже констатировалось выше, для перенаправления информации по конкретному адресу в компьютере предусмотрено двоичное кодирование; для этого разработаны технические программные устройства, нарочно приспособленные к сохранению и распознаванию не более двух комбинаций цифр одновременно: электромагнитные реле (замкнутого / разомкнутого типа) — активно внедрялись при конструировании ранних ЭВМ; участок поверхности магнитного носителя информации (намагничен / размагничен); участок поверхности лазерного диска (отражает / не отражает) и т.д.

Все виды информации в ЭВМ кодируются на машинном языке в виде последовательностей единиц и нулей. Цифры двоичного кода не возбраняется разуметь как сдвоенные равновероятностные состояния. При записи двоичной цифры выбирается один из двух возможных вариантов. Каждая цифра несет в себе количество информации, равное биту. Целые числа кодируются двоичным кодом довольно просто. Для этого изобретены правила перевода чисел в двоичную систему счисления: целое число делится на два до тех пор, пока в остатке не останется ноль либо единица.

Система счисления представляет собой дотошный регламент, в котором все числа записаны по строгим правилам при помощи знаков избранного алфавита, прописанных цифрами. Гипотетически любой сложный звук может быть представлен в виде разложения на последовательности простейших гармонических сигналов различных частот (вибраций). Каждый из них имеет собственную форму правильной синусоиды и может изображаться числовыми значениями либо кодироваться.

Звуковые сигналы выглядят как непрерывный спектр, они — аналоговые. Их разложение в гармонические ряды и дальнейшая передача на расстояние в образе дискретных [2, стр. 35—71] цифровых посылов производится с помощью аналого-цифровых преобразователей. Обратная комбинация, культивируемая для воспроизведения звуков, закодированных числовым кодом, выполняется, как модно сегодня говорить, зеркально, т.е. при помощи все тех же аналого-цифровых преобразователей.

Таким образом, все процессы, происходящие в общественной жизни и в природе, сопровождаются сигналами. Будучи зарегистрированными, они обустроивают данные, преобразуемые и потребляемые заказчиками при содействии апробированных методик и высокотехнологичного компьютерного оборудования. При тесном взаимодействии данных и сопряженных с ними методик, как утверждается порой, возникает информация, становящаяся динамическим объектом, «гуляющим» в информационном пространстве, в том числе в уголовном процессе [https://math-it.petrsu.ru/users/semnova/Informatika/DOC/MUM_65/Lectures/Information_Lec.pdf].

Максимально «агрессивным» выражением мысли человека является слово, дающее импульс к разрастанию соответствующих ему (ей) инфор-

мационных полей с тем, чтобы этот мозговой импульс быстрее претворялся в жизнь. Чем устойчивее, навязчивее и долговременнее мысль, тем вероятнее ее скорая реализация въявь [5, стр. 159, 160].

Мысль, заложенная в печатном слове или в слове, произнесенном вслух, многократно усиливается тавтологией (в изначальном значении этого термина). В описываемом ракурсе интересно вспомнить о существовании у человека души (астрального двойника), т.е. мысленного образа (мыслеформы), что было доказано французским исследователем прошлого века Дюрвилем, смогшим запечатлеть (сфотографировать) эти светящиеся, по выражению авторов приводимого в сновке первоисточника, плазменные образования [7, стр. 10].

На взгляд автора настоящей публикации, информацию в постановочном плане не грех вообразить в виде законсервированных в энергоинформационном пространстве Земли и Вселенной, а также в памяти ее потенциальных носителей знаний, представляющих неподдельный интерес для увлеченных ученых. В каждом отдельном случае она может изъясняться в виде ответов на вопросы, поставленные перед Высшим Разумом беспокойным энтузиастом. Несмотря на то что, по логике вещей, она должна обретать форму некоей осязаемой субстанции, превращаясь в оформленные данные с тем, чтобы ею можно было распоряжаться по собственному усмотрению, информация, тем не менее отражает собой, прежде всего, субъективные представления о ней подготовленного интерпретатора, ставшего ее счастливым обладателем. Именно поэтому, как резюмируют порой свои скороспелые умозаключения на данную тему новоявленные ученые, она отлична от данных, хотя в неформальном ключе оба обсуждаемых термина в правовой литературе эксплуатируются на равных.

Думается, что абстрактно информацию дозволительно визуализировать как обособленную, относительно небольшую часть (крупницу) Вселенского информационного банка данных, так как в философских манускриптах прошедших веков неоднократно обращалось внимание на то, что свои истонные знания человечество не единожды утрачивало вследствие лености ума, инерционности мышления или под влиянием глобальных внеземных сил, а также войн, революций, стихийных бедствий, эпизоотий, природных катаклизмов (потрясений) и пр. В связи с этим задача нынешнего поколения исследователей должна сводиться к их последовательному восстановлению и ничего удивительного, обременительного и, тем паче, оккультного они выдумать не в состоянии.

Таким образом, конкретизированную информацию, при ее освещении на тематических конференциях, совещаниях и «круглых столах», желательно подавать в «гарнире» информационно-энергетического (микро) потенциала или ресурса, блуждающего до поры до времени в окружающем человека пространстве. Как мысль считается материальной, так и информация — ее гипотетический переносчик, по всей видимости, материальна.

Для пытливого ума информация сопоставима с особыми знаниями, запрашиваемыми индивидом из многочисленных, часто неведомых, и, к сожалению, не всегда достоверных источников при задействовании, в первую очередь, органов чувств. Приобретаемые в указанном режиме данные делятся на две основные группы: декларативные, удостоверяющие что-либо и обозначающиеся словами: «Я знаю, что ...»; и процедурные (процессуальные), указующие на действия, которые надлежит предпринять страждущему для достижения стоящей перед ним цели; они начинаются со слов: «Я знаю, как ...».

Не следует забывать и об интуиции, являющейся (по К. Марксу) высшей формой проявления знаний. Не менее благолепно комментируемая психологическая черта людей преподносится в эзотерической литературе в ипостаси второго имени Бога.

В основу классификации информации кладется ряд неизменных признаков:

- место ее зарождения (возникновения);
- стадия (этап) обработки;
- способ отражения (отображения), и
- стабильность.

В основании всякого языка, как уже неоднократно говорилось, лежит алфавит, аккумулирующий в себе свод специфических символов или буквенных знаков. Полная их совокупность образует его (алфавита) мощностность. В роли персональных либо множественных (коллективных) носителей информации выступают: среда обитания, а также физические или юридические лица, в компетенцию которых входит накопление, хранение, обработка и распространение информации не запрещенным законом способом. Для этого предусмотрены электрические, световые, тепловые, звуковые и радио сигналы (волны), оптические, лазерные диски, магнитные ленты, печатающие устройства, электронные (бумажные) издания, видеоизображения (фильмы), фотографии, картины, рисунки и пр.

В современной науке выделяется два типа информации:

— объективная или первичная, преподносящаяся обычно в обличье материальных объектов, явлений либо процессов, могущих вызывать обилие состояний, передающихся путем фундаментальных взаимодействий другим объектам, и запечатлеваемых в их вещной структуре; наиболее выигрышно сказанное преломляется в криминалистической технике, в подразделе «трасология»;

— субъективная или вторичная (семантическая), измышляемая в виде смысловых ассоциаций (не путать с галлюцинациями) объективной информации с явлениями или процессами физического (проявленного) мира, зарождающимися в сознании субъекта с помощью мысленных образов (мыслеформ), слов, представлений, ощущений, эмоций, и зафиксированная на материальном носителе.

Именно данные являются предметом вождения информатики; сюда же относятся методы их создания, сохранения, обработки и перенаправления адресатам. Они преподносят информацию в цифровом формате, позволяющим автоматизировать процесс ее сбора, консервации и переработки в ЭВМ. С отмеченных позиций ее (информацию) не вредно понимать, как отвлеченную категорию, тасуемую операторами без акцента на ее семантическом наполнении, а под количеством информации — пригодный для разбираемых случаев объем данных, т.е. длину сообщения. Таким образом, полисемия «сообщение» одинаково приложима и к форме передачи (пересылки) информации, отраженной в названии документа, и к его внутреннему содержательному потенциалу.

Одни и те же данные могут кодироваться различными способами и иметь неоднозначный объем. В связи с этим дальновидными учеными в деловой оборот запущено выражение «ценность информации», сопрягаемое с информационной энтропией, являющейся предметом вождения информатики. Теория информации исповедует процессы хранения, переработки и передачи информации, базируясь на научных методах измерения ее количества и качества. С ней тесно соприкасаются радиотехника (теория обработки сигналов) и информатика, культивирующая измерение количества информации, ее свойств, и обобщающая предельные значения для применения настроенных (приспособленных) технических систем. Приоритетными разделами теории информации остаются: кодирование источника (сжимающее кодирование) и канальное (помехоустойчивое) кодирование.

Информация не входит в круг интересов математики непосредственно. Само это слово (информация) используется в этой области знаний в собственной ей манере: собственная информация и информация, относящаяся к математической модели информатики.

Сказанное чрезвычайно важно для налаживания в системе российских правоохранительных (судебных) органов локальных (периферических), региональных, в том числе межведомственных (корпоративных) компьютерных сетей, способных заметно упрощать обмен служебной информацией между чиновниками в целях ее перспективного использования при выявлении, расследовании и раскрытии преступлений. Подобные компьютерные сети могут всерьез высвободить должностных лиц органов уголовной юстиции от рутинных обязанностей бюрократического толка по трудоемкому перелопачиванию огромного массива второсортного документооборота. Частные исследования на сей предмет показывают, что до 80,0% управленческой информации (вынужденно) остается без анализа, оценки и употребления.

Что касается компьютерных сетей, они в состоянии скоротечно, в режиме *online* доставлять в распоряжение следователей, дознавателей, прокуроров и судей, в частности, примерные образцы (бланки) процессуальных и административных документов, сведения из информационных центров

(ИЦ) областных (краевых) и приравненных к ним УМВД России, Главного информационного аналитического центра (ГИАЦ) МВД России о месте нахождения или судимости отдельных граждан, сведения о персональных реквизитах жителей региона из областных (краевых) адресных бюро (ОАБ), законсервированные в памяти ЭВМ с акцентом на передовой опыт оперативно-служебной деятельности сотрудников правоохранных (судебных) органов прошлых лет [3, стр. 20—24].

Приведенные в настоящей статье соображения методологического порядка могут оказаться полезными и востребованными при конструировании в российских органах уголовной юстиции многоуровневых компьютерных сетей, имеющих свои разновидности:

— прямое соединение компьютеров обычным телефонным кабелем; связь здесь осуществляется в программе *Windows Commander*;

— локальная сеть компьютеров, отличающаяся завидной компактностью; она объединяет компьютеры, расположенные в одном помещении, здании или на этаже; наиболее мощный (головной) ее компьютер называется сервером; именно на него монтируются рабочие программы и актуальная для административного персонала организации (учреждения) информация;

— региональные сети, объединяющие несколько локальных сетей; они работают в пределах одного региона или ведомства (того же МВД России); в литературе и публицистических выпусках разных лет их порой выставляют под вывеской «территориальных» или «корпоративных» (сетей);

— глобальные сети, объединяющие компьютеры в разных странах и даже на удаленных (друг от друга) континентах.

Таким образом, вдумчивое и поэтапное обустройство информационного пространства, связанного с обеспечением оперативно-служебной практики сотрудников правоохранных органов, занятых выявлением, расследованием и раскрытием преступлений, должно осуществляться планомерно, в том числе посредством создания мобильных автоматизированных рабочих мест (АРМ), подлежащих оснащению портативными ПЭВМ с достойным технологичным (программным) оборудованием, средствами связи и передачи данных [8, стр. 119—125].

Список источников

1. Бажанов, С. В. Групповой метод расследования как способ повышения эффективности предварительного следствия / С. В. Бажанов. — Москва: ВЮЗШ МВД СССР, 1990.
2. Бажанов, С. В. Историко-теоретические и правовые основы деятельности следственных и следственно-оперативных групп по расследованию тяжких и особо тяжких преступлений в экономической сфере : монография / С. В. Бажанов. — Москва : Академия экономической безопасности МВД России, 2010.
3. Бажанов, С. В. Уголовно-процессуальная политика как составная часть государственно-правовой политики Российской Федерации в области борьбы с преступностью и ее задачи на современном этапе / С. В. Бажанов //

- Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. — 2018. — № 2. — С. 20—24.
4. Бажанов, С. В. Культура письменной речи законодателя как фактор, благотворно сказывающийся на качестве уголовно-процессуальных норм / С. В. Бажанов // Вестник Академии права и управления. — 2020. — № 1 (58). — С. 8—15.
 5. Коновалов, С. С. Сколько лет твоей душе? / С. С. Коновалов. — Москва : АСТ, 2023.
 6. Шемшук, В. А. Эпоха Рая на Земле. Русско-Борейский пантеон. Серия «В поисках сокровенного» / В. А. Шемшук. — Москва : Издательство «Всемирного фонда планеты земля», 2001.
 7. Шемшук, В. А. Культ предков. Тайны загробной жизни. Серия: «В поисках сокровенного» / В. А. Шемшук. 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Всемирный фонд планеты Земля, 2001.
 8. Шурухнов, Н. Г. Информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности / Н. Г. Шурухнов // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений. Материалы межвузовской научно-практической конференции (к 50-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) 28, 29 апреля 2005 г. — Москва : Академия управления МВД России, 2005. — Часть III.

References

1. Bazhanov, S. V. Gruppovoy metod rassledovaniya kak sposob povysheniya effektivnosti predvaritel'nogo sledstviya [The group investigation method as a means of enhancing the efficiency of preliminary investigation] / S. V. Bazhanov. — Moskva: VYUZSH MVD SSSR, 1990.
2. Bazhanov, S. V. Istoriko-teoreticheskiye i pravovyye osnovy deyatel'nosti sledstvennykh i sledstvenno-operativnykh grupp po rassledovaniyu tyazhkiykh i osobo tyazhkiykh prestupleniy v ekonomicheskoy sfere [Historical-theoretical and legal foundations of the activities of investigative and investigative-operational groups investigating serious and especially serious crimes in the economic sphere]: monografiya / S. V. Bazhanov. — Moskva: Akademiya ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii, 2010.
3. Bazhanov, S. V. Ugolovno-protsessual'naya politika kak sostavnaya chast' gosudarstvenno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti bor'by s prestupnost'yu i yeye zadachi na sovremennom etape [Criminal procedural policy as a component of the state legal policy of the Russian Federation in the sphere of combating crime and its objectives at the present stage] / S. V. Bazhanov // Ugolovnoye sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki. — 2018. — № 2. — С. 20—24.
4. Bazhanov, S. V. Kul'tura pis'mennoy rechi zakonodatelya kak faktor, blagotvorno skazyvayushchiysya na kachestve ugolovno-protsessual'nykh norm [The legislator's written language culture as a factor positively influencing the quality of criminal procedural norms] / S. V. Bazhanov // Vestnik Akademii prava i upravleniya. — 2020. — № 1 (58). — С. 8—15.
5. Kononov, S. S. Skol'ko let tvoyey dushe? [How old is your soul?] / S. S. Kononov. — Moskva: AST, 2023.
6. Shemshuk, V. A. Epokha Raya na Zemle. Russko-Boreyskiy panteon. Seriya «V poiskakh sokrovennogo» [The Era of Paradise on Earth. The Russian-Borean Pantheon. Series "In Search of the Arcane"] / V. A. Shemshuk. — Moskva: Izdatel'stvo

- «Vsemirnogo fonda planety zemlya», 2001.
7. Shemshuk, V. A. Kul't predkov. Tayny zagrobnoy zhizni. Seriya: «V poiskakh sokrovennogo» [Ancestor worship. Mysteries of the afterlife. Series: "In Search of the Esoteric"]/ V. A. Shemshuk. 2-ye izd., ispr. i dop. — Moskva: Vsemirnyy fond planety Zemlya, 2001.
 8. Shurukhnov, N. G. Informatsionno-komp'yuternoye obespecheniye kriminalisticheskoy deyatel'nosti [Information and computer support for forensic activities] / N. G. Shurukhnov // Fundamental'nyye i prikladnyye problemy upravleniya rassledovaniyem prestupleniy. Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (k 50-letnemu yubileyu kafedry upravleniya organami rassledovaniya prestupleniy Akademii upravleniya MVD Rossii) 28, 29 aprelya 2005 g. — Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2005. — Chast' III.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 347.626

Фиктивные семейно-правовые состояния как объект уголовно-правового анализа: проблемы квалификации и ответственности

Барышева Ксения Александровна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского и уголовного права,
Московский международный университет,
менеджер Центра развития международной деятельности
факультета мировой экономики и мировой политики,
Высшая школа экономики,
Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуются проблемы правовой квалификации и привлечения к ответственности за заключение фиктивного брака и фиктивного развода в российском законодательстве. Отмечается, что несмотря на конституционную обязанность государства защищать институт семьи, в современной практике брачно-семейные отношения все чаще используются как инструмент достижения целей, не связанных с созданием семьи. В работе анализируются различные мотивы заключения фиктивных браков и разводов: получение гражданства России, имущественные льготы и субсидии, обход ограничений при усыновлении, а также попытки избежать уголовной ответственности. Особое внимание уделяется отсутствию в УК РФ специального состава преступления за фиктивный брак или развод. Автор рассматривает практику квалификации таких деяний по смежным статьям — о мошенничестве (ст. 159, 159.2 УК РФ) и о нарушении миграционного законодательства (ст. 322.2 УК РФ), а также анализирует пределы применения уголовно-правовых норм в зависимости от цели заключения фиктивного брака. Отдельно рассматриваются новые тенденции судебной практики по привлечению к ответственности за фиктивные браки с целью получения выплат, связанных с участием в СВО. В заключении делается вывод о необходимости совершенствования законодательного регулирования для адекватной реакции на общественно опасные формы фиктивных семейно-правовых состояний.

Ключевые слова: фиктивный брак; фиктивный развод; мошенничество; миграционное законодательство.

Для цитирования: Барышева К. А. Фиктивные семейно-правовые состояния как объект уголовно-правового анализа: проблемы квалификации и ответственности // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (53). С.47–56.

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

Original article

Sham family-legal status as an object of criminal-legal analysis: issues of classification and liability

Kseniya Al. Barysheva,

Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Civil and Criminal Law,
Moscow International University,
Manager of the Centre for International Cooperation,
Faculty of World Economy and International Affairs,
HSE University,
Moscow, Russia

Abstract. The current paper has studied the issues regarding the legal classification of and liability for a sham marriage or a sham divorce under Russian law. There has been noted that, despite the state's constitutional obligation to protect the institution of the family, marital and family relations are increasingly being used in modern practice to achieve objectives unrelated to a family formation. There have been analyzed various motives for sham marriages or sham divorces, such as acquiring Russian citizenship, securing property-related benefits and subsidies, circumventing adoption restrictions, and attempting to evade criminal liability. Particular attention has been paid to the absence of a specific criminal offense for sham marriages or divorces in the Criminal Code of the Russian Federation. There has been considered the practice of classifying such acts under related provisions, specifically those concerning fraud (Articles 159 and 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) and violations of migration legislation (Article 322.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) and analyzed the scope of application of criminal law norms based on the purpose of a sham marriage. There have been separately considered new trends in judicial practice regarding liability for sham marriages to obtain payments linked to participation in the Special Military Operation. There has been concluded that there is a necessity to improve legislative regulation to ensure an adequate response to socially dangerous forms of sham family-legal status.

Keywords: sham marriage; sham divorce; fraud; migration legislation.

For citation: Barysheva K. A. Sham family-legal status as an object of criminal-legal analysis: issues of classification and liability // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):47–56.

© Барышева К. А., 2026

В соответствии с Конституцией РФ на высшем уровне закреплена обязанность государства защищать институт брака. Однако в современном обществе брак нередко утрачивает свою первоначальную суть, превращаясь в инструмент для достижения корыстных или иных целей, не связанных с семейными отношениями. Подобные действия, например, такие как фиктивный брак или фиктивный развод, подрывают основы семейного законодательства и дестабилизируют публичный порядок, особенно в миграционной и имущественной сферах. В данной статье анализируются основания и пределы привлечения к ответственности за фиктивные семейно-правовые состояния.

Действующим УК РФ уголовная ответственность за заключение фиктивного брака или фиктивный развод прямо не установлена. Для рассмотрения различных возможностей привлечения к ответственности за фиктивные семейно-правовые состояния (фиктивный брак, фиктивный развод) необходимо определить, какие интересы, какой защищаемый законом объект (общий, родовой, видовой и непосредственный) пострадал от подобных действий. Поэтому первоначально следует установить возможные цели заключения фиктивного брака или расторжения брака фиктивно, которые, в свою очередь, помогут выявить и общественную опасность подобных деяний.

Очевидно, что не во всех случаях лица, заключающие фиктивный брак, руководствуются корыстными или иными низменными мотивами, значимыми с точки зрения уголовного закона, а желаемые и достигнутые впоследствии цели не могут причинить вред общественным отношениям в той степени, которая требовала бы восстановления социальной справедливости уголовно-правовыми инструментами. Так, например, фиктивные браки, заключенные с целью получения благозвучной фамилии, повышения своего статуса в обществе, из мести бывшему возлюбленному, чтобы избежать социальной стигматизации («лавандовые браки») и прочее не могут считаться общественно опасными деяниями, так как не влекут причинения существенного вреда охраняемым законом интересам, причинения вреда интересам третьих лиц. Ситуация меняется, когда брак заключен с целью получения какой-либо материальной выгоды (например, получение льготного кредитования, улучшение жилищных условий и пр.), получения гражданства. Фиктивное расторжение брака может быть произведено с целью усыновления ребенка в том случае, когда один из супругов не может на за-

конных основаниях стать приемным родителем либо опекуном, или с целью скрыть свое имущественное положение (оставление большей части имущества одному из супругов при разводе). Рассмотрим отдельно возможные варианты привлечения лица к уголовной ответственности в зависимости от целей создания фиктивного семейно-правового состояния.

Цель получения гражданства. В 2013 г. на рассмотрение в Государственную Думу поступил законопроект № 419191-6 о введении уголовной ответственности за заключение фиктивного брака с целью получения разрешения на временное проживание, гражданства России. Данный проект закон не нашел поддержки, в отзыве комитета Государственной Думы на проект было указано следующее: заключение фиктивного брака есть частный случай нарушения миграционного законодательства, за которое уже предусмотрена ответственность в ст. 322.1—322.3 УК РФ; привлечение лица к уголовной ответственности будет возможно только после аннулирования разрешения на временное проживание по мотивам фиктивности брака либо после отмены решения о приобретении гражданства, однако лишение всех прав, связанных с гражданством и временным проживанием на территории России, затруднит уголовное преследование такого лица, так как оно будет выслано из страны.

Для целей настоящего исследования нас в большей степени интересует ст. 322.2 УК РФ, так как для получения вида на жительство значение имеет именно регистрация. О важности правильного применения судами норм статей УК РФ о нарушении миграционного законодательства говорит и принятое в 2020 г. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией». Однако вопросы ответственности лиц, заключивших фиктивный брак с целью получения гражданства, ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, ни в УК РФ так и не урегулированы. Хотя представляется, что последствия заключения подобного брака более общественно опасны, нежели незаконная регистрация лица.

Федеральный закон от 26 октября 2024 г. № 358-ФЗ «О внесении изменений в статью 25.6 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию”, Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» изменил ситуацию: с начала введения в действия поправок было аннулировано 765 разрешений на временное проживание и 1545 документов, подтверждающих право на долгосрочное проживание на территории России, которые были ранее выданы на основании регистрации брака. Такое количество аннулированных разрешений несопоставимо больше, чем за 2024 г. [<https://tass.ru/obschestvo/25350037>]

Возвращаясь к инициативе введения уголовной ответственности за заключение фиктивного брака, отметим, что ст. 322.2 УК РФ предлагалось изложить в следующей редакции: «Получение иностранным гражданином,

или лицом без гражданства разрешения на временное проживание в Российской Федерации, а равно гражданства Российской Федерации путем заключения фиктивного брака». Действующая редакция нормы в качестве объективной стороны предусматривает деяния, связанные не с получением гражданства или вида на жительство, а с фиктивной регистрацией лица. С одной стороны, фиктивная регистрация происходит до момента подачи заявления о вступлении в гражданство, права на жительство, преступление считается оконченным с момента подачи регистрационных документов. Выявление лиц, которые намерены незаконно получить гражданство происходит на более ранней стадии и пресекается. Однако обратимся к статистике: за 2024 г. по ст. 322.2 УК РФ было осуждено 969 человек, в 2023 г. — 724, в 2022 г. — 783 [<http://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>]. С другой стороны от 20% до 30% от всех заключаемых в России браков — фиктивные [<https://www.gazeta.ru/social/2018/06/06/11788801.shtml>], в 2022 г. было заключено всего 1 053 756 браков, 2023 г. — 954 995, в 2024 г. — 880 026 [<https://rosstat.gov.ru/statistic>]. Если посчитать, сколько из этих браков оказались возможно фиктивными, цифры получаются не сопоставимы с тем количеством человек, которые так и не дошли до органа, осуществляющего государственную регистрацию актов гражданского состояния, а их незаконные действия были пресечены правоохранительными органами на стадии фиктивной регистрации. Нельзя отрицать также высокую латентность преступлений, предусмотренных ст. 322.2 УК РФ, ведь «закон в дом не вхож», выявить фиктивность семейных отношений сложно. За введение уголовной ответственности за фиктивный брак выступает ряд ученых [1].

Правоприменители пытались самостоятельно решить вопрос о возможном привлечении к ответственности лиц, вступающих в фиктивный брак с целью получения гражданства, толкуя расширительно нормы существующих статей уголовного закона. Так, в 2014 г. в средствах массовой информации обсуждался случай возбуждения уголовного дела по факту заключения фиктивного брака по статье, предусматривающей ответственность за организацию незаконной миграции, однако дело прекратили за отсутствием состава преступления [<https://rg.ru/2015/03/10/brak.html>]. Данный случай в практике не единичный.

Таким образом, уголовная ответственность за фиктивный брак с целью получения гражданства или вида на жительство в России отсутствует. Такие браки аннулируются, как и все связанные с ним последствия, иностранные граждане и лица без гражданства, нарушившие миграционное законодательство, высылаются из страны, для граждан России и вовсе не наступает никаких юридических последствий при условии, что они не нарушали норм ст. 322.2 УК РФ.

В настоящее время в ряде зарубежных стран существует уголовная ответственность за заключение фиктивного брака с целью получения гражданства. Так, за нарушение миграционного законодательства предусмот-

рена ответственность в США, Великобритании, Германии, Нидерландах, Бельгии и др. § 1325 Кодекса США предусмотрена ответственность за фиктивный брак (*marriage fraud*) в виде лишения свободы на срок до пяти лет, либо штраф до 250 тыс. долл. Законодательство Великобритании не предусматривает ответственности именно за фиктивный брак (*sham marriage*), однако действия, связанные с заключением брака с целью получить гражданство страны, могут квалифицироваться как содействие незаконному проникновению на территорию страны (*facilitation*), введение в заблуждение (*deception*) или двоебрачие (*bigamy*), так, к ответственности могут быть привлечены стороны, заключающие брак, викарий, и даже свидетели церемонии. В Нидерландах, Германии и иных странах Евросоюза также предусмотрена ответственность за фиктивные браки с целью получения вида на жительство или гражданства. Заключение брака в иных целях может быть квалифицировано по общим статьям о мошенничестве, неуплате налогов и др. Понятия «фиктивный развод» в зарубежном законодательстве, как и в России, отсутствует.

Цель получения имущественной выгоды. Вступать в фиктивные семейно-правовые состояния лица могут не только с целью получения гражданства, вида на жительство, но и с целью получения материальной, имущественной выгоды. Так, брак может быть заключен с целью одного из супругов получить доступ к материальным ценностям другого, например, претендовать при дальнейшем разводе на имущество, купленное в период брака на совместные доходы, большая часть которых принадлежит второй половине. Однако есть случаи, когда оба лица, вступающих в брак, заинтересованы в получении материальной выгоды. В настоящее время государственная поддержка семьи осуществляется за счет реализации множества проектов: льготная ипотека, субсидирование покупки жилья молодым семьям.

Конечно, необходимо учесть, что желающим воспользоваться предоставляемыми льготами приходится долгое время стоять в очереди, подтверждать свое право на получение субсидий, кредитов по сниженной ставке или улучшение жилищных условий. Поэтому не всегда фиктивный брак или развод могут служить основанием для получения тех или иных выгод, однако такие случаи все же встречаются.

В России действует большое количество программ, направленных на поддержку и защиту семьи, например, сниженные ставки по ипотечному кредиту. В условиях высокой ключевой ставки Центрального банка РФ (в 2025—2026 гг. — 18—21%) рыночные ипотечные ставки достигают 25—30% годовых, что делает льготную ставку, которая может варьироваться от 0,1% крайне привлекательной и, соответственно, повышает риски злоупотреблений в сфере семейно-правовых отношений. Браки могут заключаться с целью получить льготу на приобретение недвижимости (Программы «Сельская ипотека» — 0,1-3%, «Дальневосточная и арктическая ипотека» — 2%, «ИТ-ипотека» — 6%, «Молодая семья» — субсидии до 30%

— для получения тех или иных льгот по указанным программам не обязательно наличие детей, достаточно находиться в браке и соблюсти иные условия, предусмотренные программами).

В последнее время распространена ситуация, когда для получения материальной выгоды супруги разводятся [<https://rg.ru/2026/03/30/iuristy-predosteregli-ot-fiktivnyh-razvodov-radi-lgotnoj-ipoteki.html>]. В качестве примера рассмотрим ситуацию в семье с двумя детьми: при разводе каждый из родителей остается с одним из детей и может претендовать на получение льгот в рамках семейной ипотеки, или оформить вторую ипотеку.

Квалификация фиктивного развода как мошенничества сопряжена с рядом сложностей. С формально-юридической точки зрения развод, даже если он произведен с корыстной целью, зарегистрирован соответствующим органом, а свидетельство о расторжении брака является подлинным документом. Следовательно, предоставление подлинного свидетельства о разводе не может быть признано предоставлением заведомо ложных сведений, что является обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ.

Способом совершения преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, является предоставление заведомо ложных и недостоверных сведений, либо умолчание о фактах, влекущих прекращение выплат. Так как дополнительным непосредственным объектом преступления является социальное обеспечение, посягательство на него может быть совершено только путем обмана относительно наличия оснований для получения соответствующих выплат, а также обмана относительно соответствия использования данных выплат их целевому назначению [2]. Однако с точки зрения закона развод хоть и фиктивный, но был произведен, хотя он и совершен фиктивно. Таким образом действия лиц, получивших субсидии, льготную ставку по кредиту, нельзя признать незаконными с точки зрения УК РФ.

Отсутствие легального определения фиктивного развода, а также юридических последствий в случае установления факта фиктивности действий лиц делает невозможным отмену всех юридически значимых действий супругов, совершенных после фиктивного развода [3].

Отдельного анализа заслуживает проблема противодействия фиктивным бракам, заключаемым для неправомерного получения мер государственной поддержки участников СВО. Несмотря на отсутствие специального состава преступления в УК РФ, начиная с 2025 г. суды единообразно признают подобные действия мошенническими (ст. 159 УК РФ). Правовая оценка содеянного зависит от стадии, на которой преступление было обнаружено: получение страховой выплаты в размере 5 млн руб. квалифицируется по ч. 3 ст. 159 УК РФ и влечет срок до шести лет лишения свободы, неоконченное преступление рассматривается как приготовление (ст. 30 УК РФ). Подтверждением сказанному служат первые приговоры, вынесенные судами, в отношении лиц, признанных виновными в уголовно-наказуемых деяниях и осужденных к реальным срокам наказания

[https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_58/mass-media/news/main/e6350940/]. Законопроект, согласно которому к ответственности следует привлекать вступивших в фиктивный брак с целью получения «мер социальной поддержки», был разработан группой депутатов в 2025 г. [<https://www.pnp.ru/social/chernykh-vdov-boycov-svo-predlozhili-sazhat-v-tyurmu-na-10-let.html>]
[<https://www.pnp.ru/social/chernykh-vdov-boycov-svo-predlozhili-sazhat-v-tyurmu-na-10-let.html>]

Цель получения выгоды неимущественного характера (усыновление ребенка, освобождение от уголовного наказания, эмансипация). Отсутствие зарегистрированного брака не является препятствием для усыновления ребенка. Однако некоторые категории лиц, перечисленные в ст. 127 СК РФ, не могут стать приемными родителями ни при каких условиях. Если один из супругов, например, был привлечен к уголовной ответственности за преступления, указанные в п. 9—11, то усыновить ребенка паре не удастся. Однако супруги могут фиктивно развестись. Юридически требования законодательства будут соблюдены, однако фактически не имеющий права быть усыновителем бывший супруг может де факто воспитывать приемного ребенка.

Фиктивный брак также может быть заключен с целью усыновления. Согласно п. 13 ст. 127 УК РФ не могут быть усыновителями лица, состоящие в союзе, заключенном между лицами одного пола, признанном браком и зарегистрированном в соответствии с законодательством государства, в котором такой брак разрешен, а также лица, являющиеся гражданами указанного государства и не состоящие в браке. Так, граждане России могут предлагать за определенное вознаграждение «услуги» по заключению фиктивного брака с иностранцами с целью последующего усыновления ребенка. После усыновления ребенок может быть беспрепятственно вывезен из страны, а брак расторгнут.

Ответственность за незаконное усыновление предусмотрена ст. 154 УК РФ. Одним из обязательных признаков состава является *неоднократность* совершения указанных в диспозиции действий, т.е. незаконные действия по усыновлению должны быть совершены более двух раз, что применительно к рассмотренным выше ситуациям не подходит. Второй альтернативно предусмотренный обязательный признак — совершение предусмотренных ст. 154 УК РФ действий *из корыстных побуждений* (за вознаграждение в любой форме или иное получение выгоды от содеянного).

В ситуации с расторжением брака фиктивно также нет оснований говорить о полученной участниками выгоды, так как уголовный закон предусматривает ответственность за совершение деяния именно из корыстных побуждений, получения материальной выгоды. Однако необходимо также определить, были ли совершены незаконные действия при усыновлении. Если супруги фиктивно развелись, чтобы усыновить ребенка, так как по закону один из них не имеет права быть родителем усыновленного, то в данном случае речи о нарушении законодательства быть не может: детей

не изымают из семей, где один из родителей судим, также законом не ограничивается общение биологической матери или отца ребенка с лицами, привлеченными к уголовной ответственности, поэтому подобные ограничения не могут распространяться и на лиц, усыновляющих детей.

В случае, когда ребенка усыновляет иностранный гражданин, получив возможность стать приемным родителем путем вступления в брак с гражданином России, последний может быть привлечен к уголовной ответственности. Однако это слабое утешение, часто усыновленный уже вывезен из страны и вернуть ребенка не представляется возможным.

Еще одним примером использования фиктивных семейно-правовых состояний может быть ситуация, когда брак заключается с целью избежать уголовного наказания. Такая возможность прямо предусмотрена примечанием к ст. 134 УК РФ. Лицо, совершившее половое сношение с потерпевшей, не достигшей возраста 16 лет, может быть освобождено от наказания при условии вступления с ней в брак. По справедливому замечанию некоторых авторов, браку, заключенному в подобной ситуации, «может быть придана форма дорогостоящей сделки» [4], а целью его заключения не всегда является создание семьи, брак может быть заключен с целью избежать наказания за содеянное. При этом последующий развод с потерпевшей не является основанием для отмены приговора суда и назначения виновному наказания. Фиктивный брак может заключаться и с целью условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы.

Выводы. Следует отметить пробел в семейно-правовом регулировании, связанный с отсутствием в СК РФ легального определения фиктивного развода, а также специальных правовых последствий его совершения.

В настоящее время ст. 27 СК РФ содержит лишь определение фиктивного брака. При этом фиктивный развод, т.е. расторжение брака, произведенное без намерения фактически прекратить супружеские отношения, но с целью получения имущественных, миграционных или иных выгод (сохранение права на субсидию, получение второго льготного ипотечного кредита, усыновление ребенка лицом, не имеющим на то права, сокрытие имущества и др.), законодательно не урегулирован.

Анализ правоприменительной практики и доктринальных подходов позволяет сделать вывод о том, что существующая система уголовно-правовой охраны общественных отношений, складывающихся в сфере семейно-брачных отношений и государственной поддержки граждан, является недостаточной для адекватного реагирования на случаи заключения фиктивных браков и разводов с корыстной целью.

В настоящее время уголовное законодательство не содержит специального состава преступления за фиктивный брак или фиктивный развод. Правоприменители вынуждены квалифицировать подобные действия по смежным составам, однако это не всегда возможно.

Квалификация затруднена в случаях, когда мошеннические действия не завершены (подготовка к преступлению), или когда документы оформле-

ны надлежащим образом (развод зарегистрирован, выплата получена на законных основаниях, но развод произведен фиктивно).

Составы ст. 159, 159.2 УК РФ требуют установления размера похищенного, что исключает уголовное преследование в случаях, когда фиктивный брак или развод заключался для получения статуса (гражданство, право на усыновление), а не денежных сумм.

Отсутствует уголовная ответственность для граждан России, заключающих фиктивные браки без фиктивной регистрации (ст. 322.2 УК РФ), если брак заключен без миграционной цели, но для получения льгот (субсидии, ипотека).

Статья 154 УК РФ (незаконное усыновление) требует неоднократности или корыстных побуждений, что делает невозможным привлечение к ответственности при единичном фиктивном разводе для усыновления.

Список источников

1. Фролов, А. И. Фиктивный брак в российском семейном праве: проблемы регулирования и пути их решения / А. И. Фролов, М. В. Агуреева // Юридическая наука и практика. — 2020. — Том 16. — № 1. — С. 17—30.
2. Скрипченко, Н. Ю. Мошенничество при получении выплат (159.2 УК РФ): законодательно регулирование и практика применения / Н. Ю. Скрипченко // Право: история и современность. — 2018. — № 3.
3. Микрюков, В. А. Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода / В. А. Микрюков // Lex russica. — 2024. — Том 77. — № 6. — С. 46—56. — DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.046-056
4. Пантюхина, И. В. Анализ специального освобождения от наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ / И. В. Пантюхина // Юридическая наука. — 2016. — № 1. — С. 101—110.

References

1. Frolov, A. I. Fiktivnyy brak v rossiyskom semeynom prave: problemy regulirovaniya i puti ikh resheniya [Sham marriage in Russian Family Law: regulatory issues and solutions] / A. I. Frolov, M. V. Agureyeva // Yuridicheskaya nauka i praktika. — 2020. — Tom 16. — № 1. — S. 17—30.
2. Skripchenko, N. Yu. Moshennichestvo pri poluchenii vyplat (159.2 UK RF): zakonodatel'no regulirovaniye i praktika primeneniya [Fraud in obtaining benefits (Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): legislative regulation and enforcement practice] / N. Yu. Skripchenko // Pravo: istoriya i sovremennost'. — 2018. — № 3.
3. Mikryukov, V. A. Predely analogii v ustanovlenii pravovykh posledstviy fiktivnogo razvoda [Limits of analogy in establishing the legal consequences of a sham divorce] / V. A. Mikryukov // Lex russica. — 2024. — Tom 77. — № 6. — S. 46—56. — DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.046-056
4. Pantyukhina, I. V. Analiz spetsial'nogo osvobozhdeniya ot nakazaniya za soversheniye prestupleniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 134 UK RF [Analysis of special exemption from punishment for the crime provided for by Part 1 of Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation] / I. V. Pantyukhina // Yuridicheskaya nauka. — 2016. — № 1. — S. 101—110.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 343.91

Социально-демографические и нравственно-психологические особенности личности радикального преступника

Кондратюк Сергей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Луганского юридического института (филиала),
Университет прокуратуры Российской Федерации,
доцент департамента публичного права,
Тольяттинский государственный университет,
Луганск, Тольятти, Россия

Краснова Кристина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности
Российской академии наук,
Москва, Россия

Побережная Ирина Адольфовна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора Луганского юридического института (филиала),
Университет прокуратуры Российской Федерации,
Луганск, Россия

Аннотация. В статье исследуются социально-демографические и нравственно-психологические особенности личности радикального преступника во взаимосвязи с уголовно-правовым сопровождением противодействия террористической, экстремистской или диверсионной деятельности. Методология исследования включала комплексный анализ критической литературы, посвященной уголовно-правовым и криминологическим аспектам противодействия проявлениям терроризма, экстремизма и диверсионной дея-

тельности, изучение релевантных открытых статистических данных. Перечислены изменения уголовного закона, вызванные продолжающейся специальной военной операцией, возросшими угрозами совершения диверсионных актов и увеличением числа лиц, в том числе молодежи, вовлекаемых в содействие диверсионной деятельности. Авторы обозначают ключевые направления криминологической дифференциации социально-демографических и нравственно-психологических признаков личности радикального преступника в зависимости от вида осуществляемой им деятельности. Акцентируется внимание на нравственном векторе личности радикального преступника, его психологических установках, отношении к окружающим его людям. Исследована нравственно-психологическая сфера радикального преступника, в которой правовые нормы полностью замещаются сверхценной идеологической установкой. Нравственный мир такого субъекта базируется на «альтруистически-деструктивной» мотивации: совершение насилия воспринимается не как зло, а как легитимный инструмент достижения «вышей справедливости». При этом наблюдается дифференциация психологических установок: от демонстративного фанатизма экстремиста до тотальной дегуманизации жертв у террориста и холодного прагматичного расчета у диверсанта. Выявлено, что общей платформой для всех типов радикальных преступников выступает ценностный диссонанс и правовой нигилизм, достигший фазы активного противостояния с государством. Процесс формирования такой личности характеризуется сужением круга моральных барьеров и готовностью к самопожертвованию ради деструктивного идеала. Современный радикал — это не просто правонарушитель, а идеологический субъект, чей жизненный опыт (травмы, социальная изоляция или внешнее манипулирование) трансформирован в устойчивую антигосударственную установку.

Ключевые слова: уголовная репрессия; терроризм; экстремизм; диверсия; личность преступника; преступник-радикал.

Для цитирования: Кондратюк С. В., Краснова К. А., Побережная И. А. Социально-демографические и нравственно-психологические особенности личности радикального преступника // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (53). С. 57–66.

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

Original article

Socio-demographic and moral-psychological characteristics of the radical criminal's personality

Sergey V. Kondratyuk,

Candidate of Law, Associate Professor,

Head of the Department of Criminal Law Disciplines,

Lugansk Law Institute (branch) of the

University of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department of Public Law,
Togliatti State University,
Lugansk, Togliatti, Russia

Kristina Al. Krasnova,

Candidate of Law, Associate Professor,
Leading Researcher of the Security Problems Studies Center of RAS,
Moscow, Russia

Irina Ad. Poberezhnaya,

Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Director of the Lugansk Law Institute (branch) of the
University of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Lugansk, Russia

Abstract. The current paper has studied the socio-demographic and moral-psychological characteristics of the radical criminal in the context of the criminal and legal framework for countering terrorist, extremist, or sabotage activities. The research methodology has involved a comprehensive analysis of relevant literature addressing the criminal and legal, and criminological aspects of countering terrorism, extremism, and sabotage, as well as an examination of pertinent publicly available statistical data. There have been outlined amendments to criminal law prompted by the ongoing special military operation, the increased threat of sabotage, and the growing number of individuals, including young people, being drawn into aiding and abetting sabotage activities. There have been identified key areas for the criminological differentiation of the socio-demographic and moral-psychological characteristics of radical criminals, based on the specific nature of their activities. Attention has been focused on the moral orientation of the radical criminal, their psychological mindsets, and their attitude to people. There has been studied the moral-psychological realm of the radical criminal, a sphere in which legal norms are entirely supplanted by an overvalued ideological conviction. The moral world of such an individual is grounded in "altruistic-destructive" motivation, the perpetration of violence is perceived not as an evil act, but as a legitimate instrument for achieving "higher justice". At the same time, there has been observed a differentiation of psychological mindsets ranging from the extremist's ostentatious fanaticism to the terrorist's total dehumanization of victims and the saboteur's cold, pragmatic calculation. There has been established that the common foundation for all types of radical criminals is a dissonance of values and a legal nihilism that has reached the stage of active confrontation with the state. The process of forming such a personality is characterized by a narrowing of moral boundaries and a readiness for self-sacrifice in the name of a destructive ideal. The modern radical is not merely a lawbreaker but an ideological actor whose life experience (trauma, social isolation, or external manipulation) has been transformed into a steadfast anti-state stance.

Keywords: criminal repression; terrorism; extremism; sabotage; criminal's personality; radical criminal.

For citation: Kondratyuk S.V., Krasnova K. A., Poberezhnaya I.A. Socio-demographic and moral-psychological characteristics of the radical criminal's personality // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):57–66.

© Кондратюк С. В., Краснова К. А., Побережная И. А., 2026

Наша страна уже не первое десятилетие отражает разнообразные экстремистские и террористические угрозы, видоизменение которых вызывает перманентную потребность в корректировке мер по противодействию криминальным проявлениям экстремизма и терроризма [1]. С началом специальной военной операции в феврале 2022 г. новым вызовом стала диверсионная деятельность, осуществляемая в интересах противника. Реакцией государства стало расширение в конце 2022 г. «антитеррористического» блока уголовно-правовых норм за счет криминализации новых составов диверсионных преступлений (ст. 281.1—281.3 УК РФ), которые установили уголовную ответственность за любые формы помощи диверсантам или подготовку к осуществлению диверсионной деятельности, а уже в ноябре 2025 г. возраст привлечения к уголовной ответственности для перечисленных составов преступлений был снижен до 14 лет.

Новые составы преступлений начали активно применяться, и с момента криминализации к 2025 г. «количество диверсионных преступлений выросло в девять раз, и каждый четвертый диверсант — несовершеннолетний» [<https://www.kommersant.ru/doc/8160511>]. В связи с этим актуализируются исследования личности радикального преступника — лица, совершающего диверсионные преступления, преступления экстремистской направленности и террористического характера.

Личность преступника-радикала в отечественном уголовном праве прошла длительную эволюцию: от восприятия его как «изменника» монарху в дореволюционный период и «классового врага» в советское время до современного понимания как субъекта, посягающего на конституционный строй и общественную безопасность. Она представляет собой сложный сплав юридических характеристик и глубоких нравственных аномалий.

Для глубокого анализа социально-демографических признаков личности радикального преступника важно понимать, что радикализация — это не мгновенный акт, а процесс, обозначенный конкретными социальными факторами. В криминологии выделяют несколько ключевых «точек входа», которые превращают обычного гражданина в радикала [4].

Одной из фундаментальных причин радикализации является процесс социальной дезориентации, возникающий вследствие утраты устойчивых связей с традиционными институтами гражданского общества. Это созда-

ет почву для формирования правового нигилизма, активного или пассивного отрицания обязательности исполнения правовых предписаний.

Центральным элементом является ценностный диссонанс, конфликт между общепринятыми нормами морали и внутренними убеждениями преступника. Для радикала характерно обесценивание человеческой жизни и стабильность ради достижения «высшей цели».

Социальные причины радикализации — это сложная система факторов, которые превращают индивида из законопослушного гражданина в адепта деструктивной идеологии. Несмотря на общую природу, для каждого типа преступника (экстремиста, террориста, диверсанта) доминируют свои социальные детерминанты.

Социальная база экстремизма — это не просто совокупность людей, совершающих преступления, а та специфическая общественная среда, которая создает условия для воспроизводства радикальных идей и поставляет «кадры» для экстремистских сообществ.

Одна из групп этой базы — маргинальные слои населения. Маргинализация — это процесс утраты человеком объективной принадлежности к определенной социальной группе без последующего вхождения в другую. К этой группе относятся безработные лица, мигранты, не нашедшие места в новой социальной структуре, лица, которые испытывают чувство отчуждения от государства. Как результат, социальная изоляция порождает озлобленность, которую радикальные идеологи легко направляют против «виноватых» (других этносов, социальных групп или власти).

Экстремизм чаще всего является продуктом первичной деформации личности в молодежной среде, которая представляет вторую группу [4]. Чаще всего это возраст 14—25 лет. Преобладают учащиеся средних специальных и высших учебных заведений, которые утратили устойчивые связи с традиционными институтами (семья, школа). Индивид ищет признания в «суррогатных» группах, где экстремистская идея дает чувство превосходства. Социализация происходит в закрытых интернет-сообществах, где радикальный контент подменяет реальные правовые и моральные ценности [6]. Присутствует также социальная дезориентация, где есть отсутствие четких жизненных перспектив и эффективных социальных лифтов.

К третьей группе относятся лица «относительной депривации» — это люди, чье объективное положение может быть стабильным, но чьи ожидания резко расходятся с реальностью [2]. Именно в этой среде часто формируется правовой нигилизм, когда нарушение закона воспринимается как «справедливый протест».

«Экстремизм — это прежде всего реакция на социальную несправедливость, воспринимаемую через призму группового эгоизма и нетерпимости к инакомыслию» [8, стр. 87].

Социальная база терроризма имеет существенные отличия от базы экстремизма. Если экстремизм часто подпитывается стихийной молодежной средой, то терроризм опирается на более глубокие, устойчивые и зачастую

профессионально организованные социальные слои. Для терроризма характерны более глубокие и масштабные социальные разломы [6]. Чаще всего это представители более зрелой возрастной группы (22—40 лет), характеризуются «социальной дезинтеграцией».

Группы «социального отчуждения» и изоляции — это наиболее массовый сегмент. Сюда входят этнические, религиозные или социальные группы, которые чувствуют себя «чужими» в существующей государственной системе. Длительное нахождение в состоянии изоляции (реальной или субъективно воспринимаемой) ведет к формированию психологии «осажденной крепости». Внутри таких групп насилие начинает восприниматься как единственный эффективный способ заявить о своих правах или защитить идентичность.

Жертвы зон вооруженных конфликтов — лица, прошедшие через горячие точки или потерявшие близких в ходе боевых действий, составляют «радикальный резерв». Для них характерна утрата ценности человеческой жизни, посттравматические расстройства и жажда реванша. У этой категории отсутствует правовая связь с государством, которое не смогло обеспечить их безопасность.

Идеологически «ячейки» — сюда входят лица, прошедшие специальную подготовку в зарубежных центрах или закрытых радикальных школах. Часто это люди со средним или высшим образованием, обладающие лидерскими качествами. Они превращают социальное недовольство масс в структурированную террористическую деятельность.

«Личность террориста демографически неоднородна, однако общим маркером является наличие специфического жизненного опыта, связанного с психологической травмой или длительным пребыванием в радикальной среде» [5, стр. 110].

Социальная база терроризма расширяется за счет следующих факторов:

- системная коррупция и правовая несправедливость — когда легальные способы защиты прав не работают, часть общества начинает оправдывать террор как «инструмент высшего возмездия»;

- экономическая «пропасть» — терроризм часто находит опору там, где богатство немногих вызывает контрастирующую с безысходностью большинства;

- внешняя поддержка — социальная база терроризма часто искусственно подпитывается извне (финансирование, пропаганда), что превращает внутреннее недовольство в международную угрозу.

Социальная база диверсионной деятельности существенно отличается от экстремистской или террористической. Если экстремизм — зачастую «крик» молодежи, а терроризм — «устрашение» через идеологические ячейки, то диверсия — это скрытое технологичное разрушение, требующее совершенно иного социального участия. Социальная база диверсантов рассматривается нами как наиболее законспирированная и интеллектуально развитая среда.

Основу базы составляют лица, обладающие уникальными компетенциями и доступом к критически важным узлам жизнеобеспечения (к примеру, IT-специалисты и системные администраторы). В условиях цифровизации диверсия в киберпространстве (взлом ГИС, вывод из строя серверов управления энергетикой) эффективнее физического подрыва (сотрудники оборонно-промышленного комплекса, лица, знающие уязвимые места технологических цепочек, инженерно-технический персонал, те, кто понимает архитектуру критической информационной инфраструктуры).

Сюда же относятся и социально «мимикрирующие» слои (так называемые спящие ячейки). В отличие от радикала-экстремиста, диверсант социально интегрирован. Это люди со стабильным доходом, семьей и положительными характеристиками с места работы. Их социальная база — среда незаметных профессионалов.

Отдельно нужно выделить лиц, подверженных внешнему манипулятивному влиянию. В последние годы социальная база расширилась за счет «случайных» диверсантов. Люди с низкой правовой грамотностью, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, которыми манипулируют через мессенджеры. Их используют как «инструмент» для совершения поджогов или механических повреждений объектов транспорта и связи.

Ключевые факторы формирования социальной базы диверсий:

- геополитическая детерминация — прямое стимулирование диверсионной активности со стороны иностранных разведывательных сообществ. Социальная база здесь — сеть агентуры и «сочувствующих»;

- технократический нигилизм — убежденность специалистов в том, что технологическое превосходство дает им право на «корректировку» государственных процессов через разрушение;

- информационное воздействие — таргетированная вербовка в закрытых профессиональных чатах и форумах.

Нравственно-психологический облик радикала характеризуется деформацией ценностно-смысловой сферы, где правовые нормы замещаются субъективными идеологическими установками.

В отличие от корыстных преступников, мотивация радикализированного преступления часто носит альтруистически-деструктивный характер (в его собственном понимании). Он действует «во имя блага» определенной группы, нации или идеи, что делает его психологически устойчивым к стандартным мерам устрашения.

Преступник-экстремист — чаще всего идеолог и агитатор, который характеризуется деформацией правосознания на почве нетерпимости. Экстремист сфокусирован на распространении идей и создании атмосферы вражды. Его мотивация направлена на утверждение превосходства одной группы над другой (расовой, религиозной, социальной), иными словами, доминирует мотив ненависти и вражды к иной группе. Его задача — не столько физическое уничтожение, сколько психологическое давление на общество и изменение информационного поля. Психологическая установ-

ка лица может быть выражена следующим образом: «Мир должен принять мою правду». Часто такой субъект обладает чертами демонстративности.

Ключевой психологический признак личности преступника-террориста — инструментализм. Для террориста жертвы являются не целью, а средством воздействия на третью сторону (органы публичной власти, международные организации и т.п.). Мотивацией выступает политический или идеологический шантаж через устрашение (террор) населения. Нравственным вектором является тотальная дегуманизация случайных жертв. Террорист психологически дистанцируется от страданий людей, воспринимая их как «статистический ресурс» для достижения резонанса. Характерна высокая степень фанатизма и готовность к самопожертвованию.

В отличие от экстремиста и террориста, диверсант обладает наиболее рациональной и прагматичной психологией. Его основная мотивация — нанесение максимального материального или стратегического ущерба (подрыв экономической безопасности, обороноспособности). Если террористу нужен шум, диверсанту нужен реальный результат (выведенный из строя объект, уничтоженная база данных). Моральные барьеры сняты в отношении объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения. Часто отсутствует фанатизм, уступая место холодному расчету.

Таким образом, обобщение социально-демографических и нравственно-психологических признаков личности радикального преступника позволяет провести их криминологическую дифференциацию по линии «целеполагание — уровень компетенций — степень социальной интеграции».

Процесс становления такой личности — это не спонтанный сбой, а последовательная стадийная деформация, где идеологический фанатизм или прагматичный расчет полностью вытесняют моральные барьеры, превращая индивида в инструмент разрушения государственных и общественных институтов.

На основании проведенного исследования нравственно-психологических признаков личности преступника-радикала можно прийти к выводу, что радикализация личности является закономерным результатом стадийной деформации правосознания, обусловлена комплексом социальных факторов и что для каждого из выделенного типа радикала характерна своя «точка входа» в преступную радикальную среду.

Список источников

1. Кобец, П. Н. Основы выработки концептуальной платформы в решении проблемы предотвращения и защиты молодежи от угрозы проникновения в ее среду экстремизма и терроризма / П. Н. Кобец, К. А. Краснова // Философия права. — 2018. — № 2(85). — С. 74—79.
2. Кобец, П. Н. Исследования криминального политического экстремизма как одно из новых перспективных научных направлений: сущность и классификация / П. Н. Кобец, К. А. Краснова // Межнациональное согласие — основа преодоления экстремизма и терроризма, утверждения правового

государства : методологический, идеологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты: межведомственный научный сборник / Комарова А. И. (глав. ред.). — Том 4 (42). — Москва : Светлана Зенина, 2012.

3. Краснова, К. А. Состояние правового регулирования предупреждения этнической организованной преступности в России / К. А. Краснова // Актуальные проблемы современного российского права : материалы IX Международной научно-практической конференции, Невинномысск, 25—26 мая 2017 года. — Невинномысск : Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2017.
4. Краснова, К. А. Система преступлений экстремисткой направленности и проблемы их квалификации / К. А. Краснова // Молодежный экстремизм: состояние и тенденции : Материалы межведомственного круглого стола, Москва, 29 ноября 2011 года. — Москва : Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2012.
5. Личность преступника и профилактика преступлений : монография / под редакцией Ю. М. Антоняна. — Москва : Проспект, 2017.
6. Смыслова, В. Н. Субкультурные объединения криминальной направленности и экстремистские проявления в подростково-молодежной среде: отдельные направления противодействия распространению (часть I) / В. Н. Смыслова // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 8(188). — С. 118—120.
7. Смыслова, В. Н. Субкультурные объединения криминальной направленности и экстремистские проявления в подростково-молодежной среде: отдельные направления противодействия распространению (часть II) / В. Н. Смыслова, Ф. Д. Байрамов // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 1(193). — С. 111—114.
8. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор : монография / П. В. Агапов, С. В. Борисов, А. С. Васнецова [и др.]. — Москва, 2015.

References

1. Kobets, P. N. Osnovy vyrabotki kontseptual'noy platformy v reshenii problemy predotvrashcheniya i zashchity molodezhi ot ugrozy proniknoveniya v yeye sredu ekstremizma i terrorizma [Fundamentals of developing a conceptual platform to address the issue of preventing and protecting youth from the threat of extremism and terrorism infiltrating their environment] / P. N. Kobets, K. A. Krasnova // *Filosofiya prava*. — 2018. — № 2(85). — S. 74—79.
2. Kobets, P. N. Issledovaniya kriminal'nogo politicheskogo ekstremizma kak odno iz novykh perspektivnykh nauchnykh napravleniy: sushchnost' i klassifikatsiya [Research of the criminal political extremism as a promising new scientific field: essence and classification] / P. N. Kobets, K. A. Krasnova // *Mezhnatsional'noye soglasiye — osnova preodoleniya ekstremizma i terrorizma, utverzhdeniya pravovogo gosudarstva: metodologicheskiy, ideologicheskiy, kontseptual'no-teoreticheskiy, pravovoy, analitiko-prognosticheskiy aspekty: mezhvedomstvennyy nauchnyy sbornik* / Komarova A. I. (glav. red.). — Tom 4 (42). — Moskva: Svetlana Zenina, 2012.
3. Krasnova, K. A. Sostoyaniye pravovogo regulirovaniya preduprezhdeniya etnicheskoy organizovannoy prestupnosti v Rossii [The state of legal regulation regarding the prevention of ethnic organized crime in Russia] / K. A. Krasnova // *Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo prava: materialy IX*

- Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Nevinnomyssk, 25—26 maya 2017 goda. — Nevinnomyssk: Nevinnomysskiy gosudarstvennyy gumanitarno-tekhnicheskiiy institut, 2017.
4. Krasnova, K. A. Sistema prestupleniy ekstremistkoy napravlenosti i problemy ikh kvalifikatsii [The system of extremist-motivated crimes and issues regarding their legal classification] / K. A. Krasnova // Molodezhnyy ekstremizm: sostoyaniye i tendentsii: Materialy mezhvedomstvennogo kruglogo stola, Moskva, 29 noyabrya 2011 goda. — Moskva: Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2012.
 5. Lichnost' prestupnika i profilaktika prestupleniy [The offender's personality and crime prevention]: monografiya / pod redaktsiyey YU. M. Antonyana. — Moskva: Prospekt, 2017.
 6. Smyslova, V. N. Subkul'turnyye ob"yedineniya kriminal'noy napravlenosti i ekstremistskiye proyavleniya v podrostkovo-molodezhnoy srede: otdel'nyye napravleniya protivodeystviya rasprostraneniyu (chast' I) [Criminal-oriented subcultural groups and extremist manifestations among adolescents and youth: selected approaches to countering their spread (Part I)] / V. N. Smyslova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2020. — № 8(188). — S. 118—120.
 7. Smyslova, V. N. Subkul'turnyye ob"yedineniya kriminal'noy napravlenosti i ekstremistskiye proyavleniya v podrostkovo-molodezhnoy srede: otdel'nyye napravleniya protivodeystviya rasprostraneniyu (chast' II) [Criminal-oriented subcultural groups and extremist manifestations among adolescents and youth: selected approaches to countering their spread (Part II)] / V. N. Smyslova, F. D. Bayramov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2021. — № 1(193). — S. 111—114.
 8. Ekstremizm: strategiya protivodeystviya i prokurorskiy nadzor [Counteraction strategy and prosecutorial supervision]: monografiya / P. V. Agapov, S. V. Borisov, A. S. Vasnetsova [i dr.]. — Moskva, 2015.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 343.132.2

Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в ходе производства по уголовному делу

Новиков Валерий Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы применения меры уголовно-процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности подозреваемого или обвиняемого (ст. 114 УПК РФ). Данная мера процессуального принуждения широко применяется в следственной и судебной практике с единственной целью — обеспечить надлежащий порядок уголовного судопроизводства. Оказавшись под следствием в качестве подозреваемого или обвиняемого, лица, обладающие организационно-распорядительными, а также административно-хозяйственными полномочиями, нередко пытаются использовать их для противодействия нормальному ходу предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела в суде. Для того чтобы исключить негативное воздействие подозреваемого или обвиняемого на законную деятельность дознавателя или следователя, в законе предусмотрена специальная мера процессуального принуждения — временное отстранение от должности. Применение данной меры не вызывает особых затруднений в следственной и судебной практике, но некоторые практические вопросы требуют разъяснений. С этой целью на основе материалов судебной практики проанализированы наиболее типичные ситуации, возникающие в ходе уголовного судопроизводства в связи с принятием решений о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности. В статье также рассмотрен порядок временного отстранения от должности высшего должностного лица субъекта РФ и руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ в случаях совершения ими тяжкого или особо тяжкого преступления. Автор статьи обращает внимание на то, что временное отстранение от должности указанных субъектов осуществляется во внесудебном порядке Президентом РФ по представлению Генерального прокурора РФ. Инициатором такого обращения к Генеральному прокурору РФ является следователь, в производстве которого находится уголовное дело.

Ключевые слова: иная мера уголовно-процессуального принуждения; временное отстранение от должности; подозреваемый; обвиняемый; постановление судьи.

Для цитирования: Новиков В. А. Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в ходе производства по уголовному делу // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (53). С. 67–76.

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

Original article

Temporary suspension from office of a suspect or an accused person during criminal proceedings

Valery An. Novikov,

Candidate of Law, Associate Professor,
Russian University of Transport (MIIT)
Moscow, Russia

Abstract. The current paper has considered the issues regarding the application of the criminal procedural coercive measure involving the temporary suspension of a suspect or accused person from office (Article 114 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). This procedural coercive measure is widely employed in investigative and judicial practice to ensure the proper conduct of criminal proceedings. When facing investigation as a suspect or an accused person, individuals holding organizational-managerial or administrative-economic authority often attempt to use that authority to obstruct the normal course of the preliminary investigation and the subsequent court proceedings. To prevent a suspect or an accused person from interfering with the lawful activity of the inquiry officer or investigator, the law has such a specific measure of procedural compulsion as a temporary suspension from office. The application of this measure does not pose significant difficulties in investigative and judicial practice. However, certain practical issues require clarification. Therefore, there has been conducted an analysis of judicial practice regarding the most typical situations arising during criminal proceedings in connection with decisions to temporarily suspend a suspect or an accused person from office. There has been also considered the procedure for the temporary suspension from office of a high-ranking official of a constituent entity of the Russian Federation and the head of the highest executive body of state power of such an entity if they have committed a serious or especially serious crime. There has been noted that the temporary suspension of the specified individuals from office is carried out through a non-judicial procedure by the President of the Russian Federation, upon the submission of the Prosecutor General of the Russian Federation. The investigator handling the criminal case is the one who initiates such a request to the Prosecutor General.

Keywords: other measure of criminal procedural coercion; temporary suspension from office; suspect; accused; order of a judge.

For citation: Novikov V.A. Temporary suspension from office of a suspect or accused person during criminal proceedings // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):67–76.

© Новиков В. А., 2026

Временное отстранение от должности является иной мерой уголовно-процессуального принуждения, применяемой к подозреваемому или обвиняемому и состоящей в запрете исполнять должностные обязанности в период производства по уголовному делу. В соответствии с ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 114 УПК РФ временное отстранение от должности применяется при необходимости и в целях обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства.

Оставаясь в должности, лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, может существенно затруднить деятельность дознавателя, следователя или суда. К примеру, должностное лицо, используя свое служебное положение, может продолжить брать взятки, отдавать незаконные распоряжения, уничтожить документы, имеющие доказательственное значение, оказывать психологическое давление на подчиненных с целью их склонения к отказу от дачи показаний или даче заведомо ложных показаний и иными незаконными способами противодействовать нормальному ходу уголовного судопроизводства.

С целью недопущения такого поведения следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора вправе возбудить перед судом ходатайство о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности. Данное ходатайство должно быть мотивированным, а выводы должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, основываться на обстоятельствах дела, свидетельствующих о необходимости применения данной меры процессуального принуждения. При отсутствии таких сведений в уголовном деле суд вправе отказать дознавателю или следователю в удовлетворении ходатайства.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики отменила решение городского суда о временном отстранении от должности главы местной администрации Чегемского муниципального района, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 286 УК РФ. В апелляционном постановлении, в частности, отмечено, что из представленных в суд материалов не видно, что обвиняемый мог оказывать давление на свидетелей, используя свое служебное положение. Ходатайство о временном отстранении от должности было заявлено спустя десять месяцев после возбуждения уголовного дела. За этот период времени следователем не получено объективных

данных, подтверждающих, что обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью, оказать отрицательное воздействие на свидетелей и потерпевших либо иным способом воспрепятствовать производству по уголовному делу [апелляционное постановление от 28 октября 2025 г. № 22К-1001/2025 по уголовному делу № 3/8-1/2025].

Чаще всего следователи обращаются с ходатайствами о временном отстранении от должности обвиняемых, которым инкриминируются общественно опасные деяния, совершенные с использованием служебного положения. К их числу относятся преступления, предусмотренные ст. 145.1, ч. 3 ст. 160, п. «а» ч. 3 ст. 194, ст. 285, 286, 290, 292, 293 и другие УК РФ. При этом не исключаются случаи, когда совершенное преступление прямо не связано с занимаемой должностью, но виновное лицо, используя свои должностные полномочия, может существенно затруднить деятельность дознавателя или следователя по расследованию уголовного дела.

Основания для временного отстранения от должности подозреваемого или обвиняемого очень схожи с основаниями, которые предусмотрены п. п. 2 и 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ для избрания меры пресечения. Данная мера принуждения применяется в случаях, если есть основания полагать, что лицо может продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, потерпевшему или иным участникам уголовного судопроизводства, либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. При этом возможность совершения указанных действий необходимо оценивать с учетом тех полномочий, которыми располагает подозреваемый или обвиняемый в связи с занимаемой должностью.

В постановлении, с которым следователь обращается в суд о применении данной меры процессуального принуждения, должны содержаться не общие рассуждения о том, что подозреваемый или обвиняемый может препятствовать производству по уголовному делу, используя свои служебные полномочия, а указаны конкретные данные, обосновывающие такой вывод.

Если подозреваемый или обвиняемый уже предпринял попытку уничтожить служебные документы, склонить подчиненных работников к даче заведомо ложных показаний или иным способом скрыть следы преступления, то такие действия должны получить уголовно-правовую оценку, а материалы уголовного дела незамедлительно представлены в суд для решения вопроса о временном отстранении лица от должности и избрании более строгой меры пресечения. В таких случаях суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о временном отстранении от должности.

Так, судья районного суда по ходатайству следователя временно отстранил от должности директора учреждения У., который обвинялся в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ. Как установлено в ходе судебного заседания, возможность оказания воздействия на участников уголовного судопроизводства была подтверждена протоколами допросов свидетелей С., Н., В. и К., в которых они сообщали об

угрозах в их адрес со стороны обвиняемого [апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 14 ноября 2017 г. № 22-3297/2017].

И еще один пример. Глава городской администрации Е. органами предварительного следствия был привлечен к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ. Следователь обратился в суд с ходатайством о его временном отстранении от должности, которое было удовлетворено. Суду были представлены показания свидетеля К., из которых видно, что обвиняемый требовал передачи ему ряда служебных документов, имеющих прямое отношение к расследованию уголовного дела [апелляционное постановление Брянского областного суда от 19 декабря 2017 г. № 22-1964/2016].

Однако на практике дознавателю или следователю, как правило, приходится сталкиваться с иными ситуациями, когда подозреваемый или обвиняемый еще не совершил действий с использованием своего служебного положения, направленных на создание препятствий в расследовании дела, но с высокой степенью вероятности может их совершить. При таких обстоятельствах дознаватель или следователь в ходатайстве о временном отстранении от должности также должен с помощью доказательств обосновать вывод, что подозреваемый или обвиняемый может чинить препятствия при производстве расследования.

Применение дознавателем или следователем данной меры уголовно-процессуального принуждения фактически пресекает возможность совершения лицом новых преступлений с использованием своего служебного положения. По своей правовой природе временное отстранение от должности таково, что вполне могло бы пополнить число мер пресечения, предусмотренных ст. 98 УПК РФ. Пока этот вопрос является предметом научной дискуссии.

По мнению Д. С. Васьянова и О. Д. Васьяновой, временное отстранение от должности логичнее было бы предусмотреть в УПК РФ не как самостоятельную меру пресечения, а как один из запретов, применяемых к подозреваемому или обвиняемому в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий [1, стр. 10].

Следует отметить, что избрание в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения не препятствует тому, чтобы дополнительно применить к нему иную меру процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности. Между тем С. С. Чернова отмечает, что применение данной меры невозможно при избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу, что автоматически исключает возможность выполнения лицом каких-либо трудовых обязанностей [2, стр. 130].

Однако данная точка зрения не соответствует официальной позиции Генеральной прокуратуры РФ. Как сказано в письме Генпрокуратуры РФ от 30 марта 2004 г. № 36-12-04 «О направлении Методических рекомендаций “Основания и порядок применения временного отстранения от долж-

ности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания»» временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого допустимо даже в тех случаях, когда в качестве меры пресечения избраны домашний арест или заключение под стражу. При избрании этих мер пресечения основанием для временного отстранения лица от должности могут быть сведения о том, что оно продолжает руководить организацией или предприятием, находясь под домашним арестом, либо, будучи заключенным под стражу, использует свое служебное положение для продолжения преступной деятельности или воспрепятствования производству по уголовному делу.

Ходатайство о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности подается в суд по месту производства предварительного следствия или дознания. Оно должно быть рассмотрено в течение 48 часов с момента поступления в суд. Проводится открытое заседание, по итогам которого судья выносит постановление:

- о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности;
- об отказе в удовлетворении ходатайства следователя или дознавателя.

Постановление судьи о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности направляется по месту его работы (ч. 3 ст. 114 УПК РФ). Работодатель должен незамедлительно исполнить постановление, письменно уведомив об этом должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело.

Заинтересованные участники уголовного судопроизводства, в частности обвиняемый или его защитник, вправе обжаловать в апелляционном и кассационном порядке решение судьи о применении данной меры уголовно-процессуального принуждения. Апелляционная жалоба или представление на постановление подаются в течение 15 суток со дня вынесения, а подозреваемым или обвиняемым, содержащимся под стражей, — в тот же срок со дня вручения ему копии постановления.

Как правило, ходатайства дознавателей и следователей о временном отстранении подозреваемых или обвиняемых от должности удовлетворяются, что можно проиллюстрировать типичным примером из судебной практики. Следователь обратился в суд с ходатайством о временном отстранении от должности генерального директора Федерального государственного бюджетного учреждения «Северо-Кавказский федеральный научно-клинический центр» ФМБА России. Предварительным следствием было установлено, что обвиняемый вовлек в преступную деятельность сотрудников данного учреждения, которые по его указанию подыскивали лиц, готовых к даче взяток за заключение государственных контрактов с научно-клиническим центром. В результате преступной деятельности обвиняемым были получены взятки в особо крупном размере. Его действия были квалифицированы по ч. 6 ст. 290 УК РФ.

Судья счел обоснованными доводы следователя о том, что обвиняемый, используя свое служебное положение, имеет возможность склонить свидетелей из числа подчиненных ему сотрудников к даче заведомо ложных показаний и временно отстранил его от занимаемой должности на весь период производства по уголовному делу [постановление судьи Ессентукского городского суда Ставропольского края по уголовному делу № 5-505/2025].

Как видно из названия данной меры процессуального принуждения, отстранение от должности является временным, а не постоянным. Обусловлено это тем, что в соответствии с принципом презумпции невиновности лицо считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 14 УПК РФ). В случае вынесения оправдательного приговора временно отстраненное лицо вправе продолжить исполнение своих должностных обязанностей, а при вынесении обвинительного приговора решение этого вопроса будет зависеть от вида назначенного наказания.

Осужденному лицу судом может быть назначено наказание, которое включает сохранение за ним ранее занимаемой должности. К числу таких наказаний относятся лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ), принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ), а также лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ), если оно является реальным. В таких случаях трудовой договор прекращается на основании п. 4 ч. 1 ст. 83 Трудового кодекса РФ и осужденный приказом руководителя организации освобождается от занимаемой должности.

В ст. 114 УПК РФ не указан срок, на который обвиняемый может быть отстранен от должности. Из анализа судебных решений видно, что лицо отстраняется от должности на период предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела в суде вплоть до вступления в законную силу итогового судебного решения. Временное отстранение обвиняемого или подозреваемого от должности может быть отменено досрочно на основании постановления дознавателя или следователя, когда в применении данной меры отпадает необходимость. Решение об отмене меры принуждения дознаватель согласовывает с прокурором, а следователь — с руководителем следственного органа.

Прекращение уголовного дела по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям во всех случаях влечет отмену иной меры уголовно-процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности. Лицо, в отношении которого уголовное преследование прекращено, вправе продолжить исполнение своих должностных обязанностей, за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством. Так, в соответствии с п. 7 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении измене-

ний в отдельные законодательные акты Российской Федерации» контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел увольнению со службы в связи с прекращением уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям (истечение срока давности, примирение с потерпевшим, издание акта об амнистии, деятельное раскаяние и др.).

В отношении высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) в ч. 5 ст. 114 УПК РФ предусмотрен специальный внесудебный порядок временного отстранения от должности. Инициатором отстранения от должности высшего должностного лица субъекта РФ также является следователь, в производстве которого находится уголовное дело. Обязательным условием временного отстранения от должности является предъявление высшему должностному лицу субъекта РФ обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 4 и 5 ст. 15 УК РФ). В случаях совершения преступления небольшой или средней тяжести к указанному субъекту не может быть применена данная мера уголовно-процессуального принуждения и он, находясь под следствием, вправе продолжать исполнение своих должностных обязанностей. Пребывание в статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления также не дает оснований для инициирования процесса временного отстранения от должности.

Вопрос о временном отстранении высшего должностного лица субъекта РФ решается на самом высоком государственном уровне. По ходатайству следователя Генеральный прокурор РФ направляет Президенту РФ представление о временном отстранении от должности указанного лица. В течение 48 часов с момента поступления представления Президент РФ принимает решение:

- о временном отстранении высшего должностного лица субъекта РФ от должности;
- об отказе в принятии такого решения.

В соответствии с ч. 6 ст. 114 и п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ лицо, временно отстраненное от должности, имеет право на получение ежемесячного государственного пособия в размере прожиточного минимума, установленного федеральным законом для трудоспособного населения в целом по России. В 2026 г. размер данного пособия составил 20 644 руб. в месяц. Государственное пособие выплачивается с момента принятия решения судом о временном отстранении от должности подозреваемого или обвиняемого и до вступления в законную силу итогового судебного решения, которым уголовное дело разрешается по существу.

Так, по ходатайству следователя обвиняемый У. был временно отстранен от занимаемой должности. Органами предварительного следствия ему инкриминировалось совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ. В постановлении судьи было указано, что ежемесячное государственное пособие в размере прожиточного минимума трудоспособного

населения в целом по России назначается с момента вступления данного постановления в законную силу.

Суд апелляционной инстанции изменил это решение и указал, что срок выплаты пособия исчисляется с момента вынесения соответствующего постановления. Решение суда мотивировано тем, что постановление о временном отстранении обвиняемого от должности исполняется немедленно, с момента его вынесения [апелляционное постановление Саратовского областного суда № 22К-2142/2017].

Следует также отметить, что суд в постановлении о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности обязан надлежащим образом разрешить вопрос о выплате государственного пособия, не ограничиваясь только упоминанием о праве на его получение.

По одному из уголовных дел судья районного суда временно отстранил от должности нотариуса городской нотариальной палаты А., который органами предварительного следствия обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 ч. 4 ст. 159 УК РФ. Как видно из постановления судьи обвиняемому было разъяснено право на получение ежемесячного государственного пособия в порядке и размерах, предусмотренных п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ.

Отменяя данное постановление, суд апелляционной инстанции, в частности, отметил, что выплата государственного пособия временно отстраненному лицу производится на основании решения суда, в котором указывается не только фамилия, имя и отчество обвиняемого, размер ежемесячного пособия, но и финансовая служба (орган, подразделение органа), осуществляющая финансирование процессуальных издержек. Между тем вопреки требованиям закона суд первой инстанции не разрешил вопрос о выплате государственного пособия, что делает указанное постановление неисполнимым. Постановление районного судьи о временном отстранении обвиняемого от должности отменено, а материал направлен на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе [апелляционное постановление Московского городского суда от 7 мая 2025 г. № 10-9929/2025].

Как уже отмечалось, размер государственного пособия, которое ежемесячно должно выплачиваться временно отстраненному от должности подозреваемому или обвиняемому составляет прожиточный минимум трудоспособного населения в целом по России. Однако в отношении некоторых категорий должностных лиц в этой части действуют нормы специального законодательства. Так, в соответствии с ч. 25 ст. 2 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты» в случае временного отстранения от должности сотрудника органа внутренних дел ему выплачивается денежное довольствие в размере должностного оклада и оклада по специальному званию, а также надбавка к окладу за выслугу лет (стаж службы).

При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу выплата денежного довольствия приостанавливается.

Подводя итог, следует отметить, что временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого является одной из эффективных мер уголовно-процессуального принуждения. Ее применение хотя и ограничивает конституционное право человека на труд, но позволяет дознавателю или следователю своевременно пресечь использование подозреваемым или обвиняемым своего служебного положения для совершения новых преступлений и создания препятствий в расследовании уголовного дела.

Список источников

1. Васьянов, Д. С. Временное отстранение от должности как элемент ограничений, применяемых при запрете определенных действий / Д. С. Васьянов, О. Д. Васьянова // Законодательство и практика. — 2023. — № 1.
2. Чернова, С. С. Меры уголовно-процессуального принуждения : учебно-практическое пособие / С. С. Чернова. — 2-е изд. — Москва, 2015.

References

1. Vas'yanov, D. S. Vremennoye otstraneniye ot dolzhnosti kak element ogranicheniy, primenyayemykh pri zaprete opredelennykh deystviy [Temporary suspension from office as an element of restrictions applied under a ban on certain actions] / D. S. Vas'yanov, O. D. Vas'yanova // Zakonodatel'stvo i praktika. — 2023. — № 1.
2. Chernova, S. S. Mery ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya [Measures of criminal procedural coercion]: uchebno-prakticheskoye posobiye / S. S. Chernova. — 2-ye izd. — Moskva, 2015.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 349.3

Понятие и основные принципы государственной социальной политики в сфере поддержки семей с детьми: теоретико-правовой аспект

Мохов Артем Юрьевич,

старший преподаватель кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин,
Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
Волгоград, Россия

Аннотация. В статье проанализировано содержание теоретических подходов по вопросу о сущности и назначении государственной социальной политики в сфере поддержки семей с детьми в Российской Федерации на современном этапе. В контексте реализации конституционного принципа социального государства, а также обозначения на уровне Конституции РФ детей в качестве основного приоритета сделан вывод о ключевом положении поддержки семей с детьми в ряду иных направлений государственной социальной политики (в сфере здравоохранения, образования, жилищной политики). Определено содержание мер государственной социальной политики в сфере поддержки семей с детьми — совокупность средств финансового, организационного, консультативного характера, основанных на принципах единства и безусловности мер, адресности, финансовой достаточности и дифференциации получателей поддержки, проактивности в информировании получателей. Охарактеризованы важнейшие направления социальной поддержки семей с детьми, предусмотренные новым национальным проектом «Семья»; сделан вывод о дополнении традиционного перечня целей социальной политики (обеспечение достойного уровня жизни, дополнительная защита семей, находящихся в сложной жизненной ситуации) стимулированием создания многодетных семей во взаимосвязи с решением демографической проблемы.

Ключевые слова: право социального обеспечения; социальное государство; государственная социальная политика; поддержка семей с детьми; проактивность государственной поддержки; стимулирование рождаемости.

Для цитирования: Мохов А. Ю. Понятие и основные принципы государственной социальной политики в сфере поддержки семей с детьми: теоретико-правовой аспект // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (53). С. 77–88.

Original article

The concept and basic principles of state social policy on supporting families with children: a theoretical and legal facet

Artem Yu. Mokhov,

Senior Lecturer,

Department of the Theory of Law and State-Legal Disciplines,

Volgograd Institute of Management, branch the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),

Volgograd, Russia

Abstract. The current paper has studied the content of theoretical approaches regarding the essence and purpose of state social policy aimed at supporting families with children in the Russian Federation at the present stage. In order to implement the constitutional principle of the social state and designate children as a primary priority within the Constitution of the Russian Federation, there has been concluded that support for families with children holds a pivotal position among other areas of state social policy (such as healthcare, education, and housing policy). There has been defined a set of state social policy measures to support families with children as a combination of financial, organizational, and consultative instruments based on the principles of uniformity and unconditionality, targeting, financial adequacy, differentiation among recipients, and proactive information provision. There have been outlined the key areas of social support for families with children envisaged by the new national project “Family”. There has been concluded that the traditional list of social policy objectives, such as ensuring a decent standard of living and providing additional protection for families facing difficult life circumstances, is being supplemented by measures to encourage the formation of large families as part of efforts to address demographic challenges.

Keywords: social security law; social state; state social policy; support for families with children; proactive state support; birth rate stimulation.

For citation: Mokhov A.Yu. The concept and basic principles of state social policy on supporting families with children: a theoretical and legal facet // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):77–88.

© Мохов А. Ю., 2026

Важнейшим приоритетом политики Российского государства на современном этапе его социально-экономического развития выступает решение демографической проблемы, что обусловлено низким уровнем рождаемости. Одной из причин такого уровня является в том числе недостаточная обеспеченность семей (особенно молодых) — что, несомненно, влияет на принятие ими решения о рождении детей. Исходя из этого, государство, вне зависимости от его внешнеполитических задач, необходимости обеспечения безопасности, сохранения и поддержания высокого уровня национальной экономики, должно разрабатывать и реализовывать полноценный комплекс мер поддержки семей с детьми. Кроме того, особую значимость защиты (в том числе и социальной) детей в сегодняшних условиях предопределил целый ряд актов стратегического развития, в которых дети определяются как важнейший приоритет политики Российского государства. Представляется, что данный приоритет должен поддерживаться и «отстаиваться», прежде всего, через социальные меры поддержки, стимулирующие семьи заводить больше детей, не только повышая рождаемость, но и способствуя общему развитию государства, формированию здоровой нации, созданию «демографического базиса» квалифицированных кадров в стране.

Особое положение семьи, как объекта получения мер социальной поддержки, обосновывается в статье Т. К. Ростовской. Исследователь отмечает, что в контексте формирования и реализации государственной политики семья учитывается как основной «гарант» решения демографических проблем (что сказывается на состоянии национальной экономики, уровне занятости и т.д.); устойчивая и благополучная семья — это условие благополучия общества в целом, кроме того, репрезентация полученных в семье моделей и образов поведения обязательно отражается и в повседневной жизни, что указывает на значение семьи в механизме, в том числе и социальной безопасности [13, стр. 32].

Кроме того, следует согласиться с авторами, отмечающими культурную преемственность семьи с детьми, возможность распространения представлений о морали и нравственности, долге, культуре по поколениям, способствуя формированию устоявшихся традиций — необходимой части культурного наследия любой страны [1, стр. 79].

Интересное предложение о необходимости государственной социальной поддержки семей с детьми отмечает в своей работе Д. М. Ахмедова — как средство поддержания и укрепления доверия к публичной власти, стимулирования участия в общественно значимой деятельности (например, льготы для детей военнослужащих, поддержка семей, ведущих здоровый образ жизни и т.д.) [3, стр. 425].

Таким образом, можно сделать вывод, что государство заинтересовано в предоставлении мер поддержки для семей с детьми, поскольку при росте количества многодетных семей в перспективе растет количество рабочих рук, осуществляется распространение культурных и нравственных ценно-

стей в обществе, обеспечиваются согласие и безопасность, одновременно стимулируется семейное участие в социально значимой деятельности.

Содержание государственной политики социальной поддержки семей с детьми в специальных теоретических исследованиях, как правило, рассматриваются через «предоставление льгот и выплат», однако с различным указанием на основную цель их предоставления. К примеру, по мнению Е. Е. Карповской: «Государственная политика в области социальной поддержки семей с детьми представляет собой целенаправленную деятельности органов государственной власти различного уровня по оказанию выплат и иных мер, нацеленных на предотвращение трудных жизненных ситуаций семьи, имеющей как минимум одного ребенка» [7, стр. 9]. Схожее определение предлагает И. В. Карданова, отдельно отмечая «приоритет в государственной поддержке нуждающихся многодетных семей — через гарантирование им максимально возможного количества льгот и выплат» [6, стр. 195]. Ю. В. Шарановская, в свою очередь, указывает на особые (прежде всего, финансовые) меры поддержки молодых семей — как «демографического резерва страны» [17, стр. 165]. Финансовый «элемент» цели социальной поддержки обозначает Е. В. Чадина, указывая, что предоставляемые государством «прямые денежные выплаты, компенсации, прямое предоставление товаров позволяет семьям с детьми оставаться в рамках прожиточного минимума» [16, стр. 195].

Довольно своеобразное определение высказано в работе О. А. Рябовой и П. Р. Рябова. По мнению исследователей, предоставляемые меры и механизмы и поддержки направлены не столько на укрепление и стимулирование семьи, деторождения, сколько на обеспечение социальной стабильности, сокращение неравенства в доходах между малообеспеченными и богатыми семьями, многие из которых в силу своей общей обеспеченности даже и не задумываются о наличии у них льгот [14, стр. 182]. Последний тезис спорный (с момента закрепления возможности получить информацию о потенциально причитающихся льготах и выплатах через «Госуслуги» (принцип проактивности) надобность в обращениях в органы власти за необходимой информацией практически исчезла).

На наш взгляд, главной целью мер социальной поддержки, исходя из прямого понимания слова «поддержка», не может выступать исключительно помощь семье с детьми, находящейся в тяжелой жизненной ситуации (в подобном случае они могут претендовать на дополнительные меры, которые будут относиться уже к социальной защите — например, бесплатная юридическая помощь для обращения в суд). Многие меры поддержки, связанные с рождением детей, предоставляются гражданам и без учета их имущественного положения (можно вспомнить материнский капитал) [11, стр. 194].

На наш взгляд, государственная социальная поддержка семей с детьми — это комплекс мер финансового, консультационного и организационного характера, позволяющих обеспечивать надлежащий уровень жизни семьи

(прежде всего, в части материальных и жилищных условий), имеющей детей, позволяя не задумываясь о необходимости удовлетворения базовых потребностей заниматься образованием, воспитанием, оздоровлением и отдыхом детей, а также самому ребенку во внеучебное время свободно (имея, прежде всего, материальную возможность со стороны своей семьи) повышать свой уровень интеллектуального, физического и духовного развития.

Кроме того, при оказании мер государственной социальной политики родители, будучи обеспеченными необходимым уровнем материальных благ, информации, организационных и правовых возможностей, смогут заниматься предпринимательской деятельностью или вести личное подсобное хозяйство (в соответствии с социальным контрактом, льготным порядком предоставления земельного участка многодетным семьям на уровне муниципального образования [2, стр. 24]), получать образование (повышенная стипендия для беременных студенток-очниц, предоставление при необходимости общежития для студенческих семей).

При этом, несомненно, что государственная политика, направленная на социальную поддержку семей с детьми, должна носить ценностный, духовно-нравственный элемент — через создание заинтересованности у молодых людей на вступление в брак и рождение детей, создание в перспективе многодетной семьи.

Исходя из обозначенного определения государственной политики социальной поддержки семей с детьми, на основе анализа научных источников можно выделить ее основные принципы:

— финансовая достаточность, что должно выражаться в соизмеримости осуществляемых выплат и денежного эквивалента иных мер поддержки реальному уровню цен на основные продукты питания, иные вещи, необходимые для семьи и детей (к примеру, школьные принадлежности), а также постоянной индексации денежных выплат — которая часто рассматривается в теории в качестве самостоятельного и чуть ли не основного принципа социальной поддержки [15, стр. 61];

— дифференциация мер поддержки, что выражается в четком выявлении степени нуждаемости потенциальных получателей (к примеру, при расчете единовременной денежной выплаты для погашения ипотечного кредита), деления размера мер поддержки для семей в зависимости от количества имеющих у них детей. В связи с этим следует отметить, что особый подход в контексте дифференциации осуществляется в отношении семей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья или инвалидностью (как через увеличенные суммы выплат, так и через обеспечение средствами реабилитации, предоставление дополнительного санаторно-курортного лечения [4, стр. 386]).

Дифференциация реализуется как через выбор потенциальных получателей меры и ее содержания, так и через определение субъекта, предоставляющего меру поддержки, с целью обеспечения наибольшей эффек-

тивности профессионализма предоставления (например, проведение консультации по вопросам планирования семьи специальным семейно-консультационным пунктом на базе центра социального обслуживания населения);

— единство и безусловность основных мер социальной поддержки семей с детьми на территории России. Это реализуется как через закрепление средств, которые в едином порядке предоставляются федеральными органами власти (например, материнский капитал), так и через предоставление мер поддержки, которые должны быть закреплены в качестве безусловных в каждом субъекте РФ (например, семейный капитал, выплачиваемый дополнительно к материнскому из регионального бюджета; дополнительные выплаты для многодетных семей к началу учебного года) [12, стр. 407];

— обеспечение доступности адресной, своевременной и эффективной материальной поддержки для нуждающихся в ней семей, в особенности отнесенных к группам социального риска (малоимущие или неполные семьи, семьи с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья и т.д.).

В вопросах поддержки семей с детьми, как части государственной политики на современном этапе, несомненно, необходимо выделить национальный проект «Семья», реализуемый с 1 января 2025 г. В отличие от ранее действовавшего проекта «Демография», данный национальный проект направлен исключительно на увеличение количества семей (в том числе, и многодетных); впервые в рамках мер государственной социальной политики в качестве отдельной задачи указано «укрепление семейных ценностей» — что указывает на повышенное идеологическое значение, которое придается институту семьи в современном государстве.

Национальный проект «Семья» включает в себя реализацию пяти федеральных проектов по следующим направлениям:

- «Поддержка семьи»;
- «Многодетная семья»;
- «Охрана материнства и детства»;
- «Старшее поколение»;
- «Семейные ценности и инфраструктура культуры».

Так, например, Федеральный проект «Многодетная семья» предоставляет две важнейшие финансовые гарантии, направленные на улучшение условий жизни семей с тремя и более детьми:

— предоставление единовременной выплаты, необходимой для погашения семейной ипотеки. Данная выплата предоставляется в случае рождения третьего или последующего ребенка и составляет сумму до 450 тыс. руб. Особые условия предоставляются для семей, приобретших жилое помещение в регионах Дальневосточного федерального округа — в этом случае максимальная сумма выплаты равна 1 млн руб.;

— возможность заключения социального контракта на решение одной из социально значимых целей, необходимой для нормальных условий жизни многодетной семьи, осуществления членами семей с детьми трудовой деятельности или ведения личного подсобного хозяйства. Социальный контракт, как мера государственной поддержки, реализуется с 2021 г. Статьей 8.1. Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» предусматривается возможность оказания единовременной стимулирующей поддержки для преодоления сложной жизненной ситуации на основе социального контракта. Применительно к многодетным семьям допускается заключение контракта в целях поиска работы, осуществления личного подсобного хозяйства (с предоставлением пособия, земельного участка), предоставления единовременной выплаты в размере, не превышающем прожиточный минимум в соответствующем субъекте РФ (ежемесячно на срок до полугода либо единовременно), финансирование открытия собственного предприятия (с оплатой обучения навыкам предпринимательства).

Следует отметить, что в теории государственная политика, направленная на социальную поддержку семей с детьми, по-разному рассматривается в соотношении с социальной политикой государства. К примеру, некоторые авторы предлагают отождествлять государственную политику по социальной поддержке семей, имеющих детей, с социальной политикой государства в целом.

Так, по мнению С. В. Дармодехина, политика современного государства по поддержке семьи направлена на стимулирование повышения уровня рождаемости, многодетности, предоставление различных пособий, льгот и компенсаций — что в комплексе представляет систему мер помощи семьям с детьми [5, стр. 6]. При этом, на наш взгляд, несмотря на обозначение демографической проблемы и особой государственной важности семей с детьми в нашей стране, особенно в связи с принятием и началом реализации соответствующего национального проекта, для государства существуют и иные направления социальной политики — развитие пенсионного обеспечения, обеспечение достойных и безопасных условий труда, поддержание высокого уровня общественного здоровья, предоставление социальных услуг пожилым гражданами, лицам с ограниченными возможностями здоровья. Поэтому говорить о тождественности социальной политики и политики социальной поддержки семей с детьми некорректно.

Интересной в связи с этим представляется позиция О. А. Муратовой, которая рассматривает государственную политику, направленную на социальную поддержку семей с детьми, как один из структурных элементов общей системы мер социальной политики любого государства. По мнению данного автора, политика по социальной поддержке семьи и детей находится в одном ряду с жилищной политикой, здравоохранительной и образовательной, а также политикой занятости — поскольку меры социальной поддержки семей с детьми могут быть не связаны с остальными направ-

лениями (например, предоставление выплаты в связи с рождением ребенка) [10, стр. 91]. Однако не до конца ясным остается вопрос, в какую из обозначенных групп могут быть включены льготная ипотека для многодетных семей, предоставление бесплатных туристических путевок, компенсация обучения в образовательной организации.

Исходя из этого, при определении положения государственной политики в сфере социальной поддержки семей с детьми в ряду иных направлений социальной политики государства следует указать на ее центральное положение при реализации остальных направлений деятельности социального государства:

- так, в сфере здравоохранения социальная поддержка семей осуществляется, например, через предоставление бесплатного курортно-санаторного обеспечения, средств реабилитации в случае наличия в семье ребенка с инвалидностью;

- в контексте социальной политики в области образования семьям, имеющим детей, могут предоставляться дополнительные целевые выплаты для подготовки к учебному году, компенсации стоимости школьного питания, льготные цены оказания услуг в кружках и секциях в школах — вплоть до полной оплаты стоимости обучения в среднем профессиональном учебном заведении или в вузе (подобного рода меры, как правило, реализуются на региональном уровне);

- предоставление компенсаций на приобретение жилья, льготных ставок по ипотечному кредиту указывает на тесную взаимосвязь социальной поддержки семей с детьми с системой государственных мер по предоставлению надлежащих жилищных условий;

- в сфере политики занятости соотношение с социальной поддержкой семей с детьми заключается, прежде всего, в предоставлении отпуска по уходу за ребенком, дополнительных выплат к заработной плате.

Интересно привести позицию О. А. Коржавиной, указывающей на политику доходов, как направление государственной социальной политики, реализуемой в том числе и в целях поддержки семей с детьми [8, стр. 266]. Действительно, в рамках мер по поддержанию надлежащего жизненного уровня семей, имеющих детей при сравнительно низком доходе (как правило, рассчитывается в субъектах на основе прожиточного минимума по субъекту), им предоставляются ежемесячные, ежеквартальные или ежегодные выплаты из средств соответствующего бюджета.

Кроме того, в целях противодействия ухудшению уровня жизни государством могут быть предоставлены адресные меры поддержки — что, например, активно реализуется посредством заключения социального контракта в целях получения выплаты для решения сложной жизненной ситуации — как меры социальной помощи [9, стр. 247].

В целом считаем, что государственная политика социальной поддержки семей с детьми занимает особое положение, прежде всего, в силу универсальности семейных отношений; семья рассматривается как одна из ос-

новых форм социального взаимодействия — и очевидно, что и меры поддержки практически во всех сферах так или иначе будут затрагивать вопросы уровня жизни семьи (что особенно актуально для семей с детьми, в силу необходимости их содержания и воспитания).

Таким образом, государственная политика социальной поддержки семей с детьми представляет собой комплекс осуществляемых органами власти мер финансового, организационного, консультативного характера, направленных на обеспечение и поддержание достойного уровня жизни семьи, имеющей детей, — в целях удовлетворения их основных потребностей, улучшения жилищных условий, беспрепятственного воспитания, образования, отдыха и оздоровления детей и родителей, создание заинтересованности у молодых людей на вступление в брак и рождение детей, образование в перспективе многодетной семьи.

Государственная политика социальной поддержки семей с детьми осуществляется на основе принципов финансовой достаточности оказываемых мер; дифференциации получателей мер в зависимости от их степени нуждаемости, состояния здоровья, количества детей, иных факторов; единство и безусловность основных мер социальной поддержки семей с детьми на территории России; обеспечение доступности адресной, своевременной и эффективной материальной поддержки для нуждающихся в ней семей с детьми (в особенности, отнесенных к группам риска).

Список источников

1. Абилзода, Г. С. Семья — основа государства и хранительница национальных традиций / Г. С. Абилзода // Интерактивная наука. — 2021. — № 10. — С. 77—81.
2. Агафонов, А. С., Берестенников, А. Г. К вопросу о предоставлении земельных участков многодетным семьям / А. С. Агафонов, А. Г. Берестенников // Сибирский юридический вестник. — 2025. — № 3. — С. 19—26.
3. Ахмедова, Д. М. Международный опыт социальной поддержки семей / Д. М. Ахмедова // Молодой ученый. — 2021. — № 50(392). — С. 423—425.
4. Бурделова, Т. Н. Государственное финансовое регулирование демографических процессов / Т. Н. Бурделова // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 9-3. — С. 383—388.
5. Дармодехин, С. В. О становлении идеологии и научных основ государственной семейной политики в Российской Федерации / С. В. Дармодехин / Известия Российской академии образования. — 2024. — № 1. — С. 3—13.
6. Карданова, И. В. К вопросу об определении понятия «государственная поддержка многодетных семей» / И. В. Карданова // Пятые Международные Гусовские чтения. — Москва : РКИ, 2022.
7. Карповская, Е. Е. Социально ориентированная семейная политика как фактор благополучия молодой семьи (на примере города Москвы) : дис. ... канд. социолог. наук. — Москва : ИСПИ РАН, 2019.
8. Коржавина, О. А., Костерина, И. В., Яковлева, М. К. Основные формы социальной поддержки семей с детьми в Российской Федерации / О. А. Коржавина, И. В. Костерина, М. К. Яковлева // в сборнике: Экономика, управление и финансы в цифровом обществе (Материалы научных конференций (5—6 апреля 2022 года)). — Курск : Курский институт

кооперации (филиал) Автономной некоммерческой организации высшего профессионального образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2022.

9. Меринова, В. Н. Социальный контракт как один из способов выхода из трудной жизненной ситуации / В. Н. Меринова // В сборнике: Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции / под общей редакцией О. А. Полюшкевич. — Иркутск : ИГУ, 2023.
10. Муратова, О. А. Сущность социальной поддержки семьи и ее роль в современном государстве / О. А. Муратова // Балтийский экономический журнал. — 2014. — № 2. — С. 88—95.
11. Плешакова, И. Н. Материнский (семейный) капитал как нетипичный вид социального обеспечения / И. Н. Плешакова // Евразийский союз ученых. — 2023. — № 12. — С. 193—196.
12. Ромайкин, П. Д. К вопросу об усилении адресности мер социальной поддержки семей с детьми в Российской Федерации / П. Д. Ромайкин // Самоуправление. — 2021. — № 1. — С. 405—408.
13. Ростовская, Т. К. Благополучие молодой семьи — основа качества жизни молодежи / Т. К. Ростовская // Международный академический вестник. — 2023. — № 1. — С. 30—32.
14. Рябова, О. А., Рябов, П. Р. О необходимости единого подхода к статусу и мерам поддержки многодетных семей / О. А. Рябова, П. Р. Рябов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2023. — № 2. — С. 181—183.
15. Умаханов, Б. И. Государственная политика социальной поддержки молодой семьи в Волгоградской области / Б. И. Умаханов // В сборнике: Наука в современном мире: результаты исследований и открытий. Сборник научных трудов по материалам XXII Международной научно-практической конференции. — Анапа : ООО «НИЦЭиСП», 2024.
16. Чадина, Е. В. Новые подходы к определению понятия «социальная поддержка граждан, имеющих детей / Е. В. Чадина // Казанская наука. — 2011. — № 1. — С. 194—196.
17. Шарановская, Ю. В. Молодая семья как демографический резерв / Ю. В. Шарановская, Н. Ю. Андреева // В сборнике: Психологически безопасная образовательная среда: проблемы проектирования и перспективы развития. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. — Чебоксары : СФЕРА, 2024.

References

1. Abilzoda, G. S. Sem'ya — osnova gosudarstva i khranitel'nitsa natsional'nykh traditsiy [The family: foundation of the state and guardian of national traditions] / G. S. Abilzoda // Interaktivnaya nauka. — 2021. — № 10. — S. 77—81.
2. Agafonov, A. S., Berestennikov, A. G. K voprosu o predostavlenii zemel'nykh uchastkov mnogodetnym sem'yam [On the issue of allocating land plots to large families] / A. S. Agafonov, A. G. Berestennikov // Sibirskiy yuridicheskii vestnik. — 2025. — № 3. — S. 19—26.
3. Akhmedova, D. M. Mezhdunarodnyy opyt sotsial'noy podderzhki semey [International experience in social support for families] / D. M. Akhmedova // Molodoy uchenyy. — 2021. — № 50(392). — S. 423—425.
4. Burdelova, T. N. Gosudarstvennoye finansovoye regulirovaniye demograficheskikh

- protsessov [State financial regulation of demographic processes] / T. N. Burdelova // Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava. — 2024. — № 9-3. — S. 383—388.
5. Darmodekhin, S. V. O stanovlenii ideologii i nauchnykh osnov gosudarstvennoy semeynoy politiki v Rossiyskoy Federatsii [On the formation of the ideology and scientific foundations of state family policy in the Russian Federation] / S. V. Darmodekhin / Izvestiya Rossiyskoy akademii obrazovaniya. — 2024. — № 1. — S. 3—13.
 6. Kardanova, I. V. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «gosudarstvennaya podderzhka mnogodetnykh semey» [On the issue of defining the concept of “state support for large families”] / I. V. Kardanova // Pyatytye Mezhdunarodnyye Gusovskiye chteniya. — Moskva: RKI, 2022.
 7. Karpovskaya, Ye. Ye. Sotsial'no oriyentirovannaya semeynaya politika kak faktor blagopoluchiya molodoy sem'i (na primere goroda Moskvyy) [Socially oriented family policy as a factor in the well-being of young families (a case study of Moscow)]: dis. ... kand. sotsiolog. nauk. — Moskva: ISPI RAN, 2019.
 8. Korzhavina, O. A., Kosterina, I. V., Yakovleva, M. K. Osnovnyye formy sotsial'noy podderzhki semey s det'mi v Rossiyskoy Federatsii [Main forms of social support for families with children in the Russian Federation] / O. A. Korzhavina, I. V. Kosterina, M. K. Yakovleva // v sbornike: Ekonomika, upravleniye i finansy v tsifrovom obshchestve (Materialy nauchnykh konferentsiy (5—6 aprelya 2022 goda)). — Kursk: Kurskiy institut kooperatsii (filial) Avtonomnoy nekommercheskoy organizatsii vysshego professional'nogo obrazovaniya «Belgorodskiy universitet kooperatsii, ekonomiki i prava», 2022.
 9. Merinova, V. N. Sotsial'nyy kontrakt kak odin iz sposobov vykhoda iz trudnoy zhiznennoy situatsii [The social contract as a means of overcoming a difficult life situation] / V. N. Merinova // V sbornike: Sotsial'naya konsolidatsiya i sotsial'noye vosproizvodstvo sovremennogo rossiyskogo obshchestva: resursy, problemy, perspektivy. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshchey redaktsiyey O. A. Polyushkevich. — Irkutsk: IGU, 2023.
 10. Muratova, O. A. Sushchnost' sotsial'noy podderzhki sem'i i yeye rol' v sovremennom gosudarstve [The essence of social support for the family and its role in the modern state] / O. A. Muratova // Baltiyskiy ekonomicheskoy zhurnal. — 2014. — № 2. — S. 88—95.
 11. Pleshakova, I. N. Materinskiy (semeynyy) kapital kak netipichnyy vid sotsial'nogo obespecheniya [Maternity (family) capital as an atypical form of social provision] / I. N. Pleshakova // Yevraziyskiy soyuz uchenykh. — 2023. — № 12. — S. 193—196.
 12. Romaykin, P. D. K voprosu ob usilenii adresnosti mer sotsial'noy podderzhki semey s det'mi v Rossiyskoy Federatsii [On the issue of enhancing the targeting of social support measures for families with children in the Russian Federation] / P. D. Romaykin // Samoupravleniye. — 2021. — № 1. — S. 405—408.
 13. Rostovskaya, T. K. Blagopoluchiye molodoy sem'i — osnova kachestva zhizni molodezhi [The well-being of the young family as the foundation of youth quality of life] / T. K. Rostovskaya // Mezhdunarodnyy akademicheskoy vestnik. — 2023. — № 1. — S. 30—32.
 14. Ryabova, O. A., Ryabov, P. R. O neobkhodimosti yedinogo podkhoda k statusu i meram podderzhki mnogodetnykh semey [On the need for a unified approach to the status and support measures for large families] / O. A. Ryabova, P. R. Ryabov // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. — 2023. — № 2. — S. 181—183.
 15. Umakhanov, B. I. Gosudarstvennaya politika sotsial'noy podderzhki molodoy sem'i v Volgogradskoy oblasti [State Policy on social support for young families in the

Volgograd Region] / B. I. Umakhanov // V sbornike: Nauka v sovremennom mire: rezul'taty issledovaniy i otkrytiy. Sbornik nauchnykh trudov po materialam XXII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Anapa: OOO «NITSEiSP», 2024.

16. Chadina, Ye. V. Novyye podkhody k opredeleniyu ponyatiya «sotsial'naya podderzhka grazhdan, imeyushchikh detey [New approaches to defining the concept of “social support for citizens with children”] / Ye. V. Chadina // Kazanskaya nauka. — 2011. — № 1. — S. 194—196.
17. Sharanovskaya, Yu. V. Molodaya sem'ya kak demograficheskiy rezerv [The young family as a demographic reserve] / Yu. V. Sharanovskaya, N. YU. Andreyeva // V sbornike: Psikhologicheski bezopasnaya obrazovatel'naya sreda: problemy proyektirovaniya i perspektivy razvitiya. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Cheboksary: SFERA, 2024.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 349.0

Генезис и объективация экологической функции государства в России

Бредихин Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В настоящей статье автор исследует исторические закономерности повышения значимости охраны природы для общества и государства, а также отмечает причины объективации экологической функции государства. Во многом появление экологической функции в числе основных направлений государственной деятельности связано с развитием хозяйственной деятельности, промышленного производства и с вызванными этим негативными последствиями. Развитие экологической функции проходит несколько этапов, и на современном этапе экологическая функция обусловлена конституционной обязанностью государства по обеспечению благоприятной окружающей среды.

Ключевые слова: экологическая функция государства; земельное право; водное право; лесное право.

Для цитирования: Бредихин А. Л. Генезис и объективация экологической функции государства в России // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (55). С. 89—94.

ENVIRONMENTAL LAW

Original article

The genesis and objectification of environmental function of the state in Russia

Aleksey L. Bredikhin,

Candidate of Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

St. Petersburg, Russia

Abstract. The current paper has analyzed the historical patterns behind the growing importance of nature protection for society and the state and identified the reasons for the objectification of environmental function of the state. The emergence of the environmental function as a key area of the state activity is largely connected with the development of economic activity and industrial production, as well as the negative consequences resulting from them. The evolution of the environmental function has proceeded through several stages. At the current stage, this function is grounded in constitutional obligation of the state to ensure a favorable environment.

Keywords: environmental function of the state; land law; water law; forest law.

For citation: Bredikhin A.L. The genesis and objectification of environmental function of the state in Russia // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):89–94.

© Бредихин А. Л., 2026

Важнейшее место в российской теории государства и права занимает учение о функциях государства. Традиционно функциями государства называют основные направления деятельности государства, которые опираются на его сущность и назначение [1, стр. 29—33]. Очевидно, что государство и круг его интересов для каждого исторического периода может отличаться. На это влияют различные факторы: форма государства, экономическое развитие, политическая обстановка, идеология и т.п. Следовательно, набор функций у государств разных периодов будет отличаться, а перечень основных функций будет неодинаков.

Отношение человека к природе всегда было предметом внимания общества, с появлением государственности экология постепенно стала входить и в предметы ведения государственных структур. Экологическая функция государства получала свою объективацию, т.е. повышалась ее значимость и появлялось законодательное регулирование этой сферы.

Под экологической функцией понимают «научно-обоснованные направления деятельности государства по обеспечению здоровой окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, экологической безопасности страны» [2, стр. 216]. Вполне справедливо здесь отображаются различные аспекты реализации экологической функции государства, которые находят свое отражение в экологическом законодательстве: охрана природы от неблагоприятного воздействия; рациональное исполь-

зование природных ресурсов, а также экологическая безопасность [3, стр. 48—52] (сравнительно новое направление).

Начать нужно с того, что в догосударственный период отношения человека с природой регулировались обычаями, которые не носили ярко выраженного правового характера. Даже языческие верования в основном базировались на поклонении силам природы, осознании зависимости жизни человека и его благополучия от тех или иных природных явлений. Ранние этические и философские учения также уделяли определенное внимание сохранению и приумножению природных богатств, указывали на гармоничное существование человека и природной среды.

С появлением публичной власти и аппарата государства природные ресурсы стали рассматриваться в качестве определенного ресурса (прежде всего экономического), но экологическое законодательство появилось не сразу.

Выражая необходимость решения многочисленных проблем в сфере взаимоотношений общества и природы, экологическая функция, имманентно присущая любому государству, носит исторический характер. То есть на разных этапах существования государства меняется ее предметная сущность в сфере экологии [4, стр. 56].

На Руси этот процесс шел постепенно, по тем же правилам, что и в других странах (прежде всего западных). В период Киевской Руси и феодальной раздробленности земля, недра, водные объекты и животный мир активно включались в хозяйственный оборот, но с учетом ограниченности средств и последствий хозяйственной деятельности негативны экологические последствия для природы были незначительны. Поэтому проблемы как таковой не возникало и для публичной власти экологический вопрос не выходил за рамки экономики.

Полностью Россия как государство оформляется в период правления Ивана III, когда образуется так называемое «Русское централизованное государство». Появляются четко обозначенная территория, институты центральной и территориальной власти и государственные функции [5]. Об экологической функции на данном этапе говорить еще рано, но именно в этот период природные ресурсы как принадлежность территории государства включаются в предмет государственного регулирования [6, С. 45-47]. Промышленный потенциал русского государства в XVI—XVII вв. невысок, хотя и появляются производства и мануфактуры, которые связаны с добычей природных ресурсов и осуществляют вредное влияние на окружающую среду.

Начиная с XVIII в. хозяйственная деятельность в России кратно растет, что делает экологическую функцию весьма важной. Это проявляется и в законодательной деятельности. В качестве одного из первых примеров специализированных законодательных актов в России, затрагивающих экологическую сферу, можно назвать Указ «О сохранении почвенного покрова при рубке лесов 1712 г.».

Резко повышается значимость охраны окружающей среды к середине XIX в., так как в России происходит промышленный переворот. Фабрики, заводы, горнодобыча и иные объекты хозяйственной деятельности вносят свой огромный вклад не только в экономику, но и несут уже угрозу существования человека в определенных местностях. С этого времени помимо регулятивных норм появляются составы экологических правонарушений. Так, согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «если кто-то построит признанные по закону вредными для чистоты воздуха или воды фабрику, мануфактуру или завод в городе, или хотя вне города, но выше одного по течению реки или протока, то сии заведения уничтожаются за счет виновного, и он подвергается...» (далее дан перечень наказаний). Продолжается работа по установлению заповедных зон и лесов, представляющих особую ценность с целью оградить их от порчи и негативного влияния.

Великие реформы 1860-х гг., значительно расширившие число российских подданных, делает природоохрану общим гражданским делом всего населения. Повышение значимости охраны экологии при росте промышленного производства и развитие демократических процессов приводит к необходимости принятия дополнительных законодательных мер, поэтому принимаются новые законы об охране недр, лесов, земель, охоте и т.д. В целом, на начало XX в. в Российской империи сложилось развитое экологическое законодательство, ставшее реакцией общества на угрозу экологического благополучия. Охрана природы становится важным государственным делом, а экологическая функция государства уже объективно оформилась.

В период СССР охрана природы имеет две главные цели: как экономическая польза и благоприятные условия существования элементов биосферы. «Охрана природы в СССР — это система разносторонних, проводимых государством и населением мероприятий, направленных на сохранение, восстановление и умножение природных богатств страны и улучшение состояния биосферы» [7, стр. 32].

Хронологически первый декрет Совнаркома РСФСР об охране памятников природы был издан в сентябре 1921 г. В дальнейшем появляются акты, которые затрагивают не только отдельные территории, но и отрасли хозяйства (например, Положение о недрах земли и их разработке 1923 г.).

Особенно актуальными вопросы природоохраны стали для Советского государства в период индустриализации и коллективизации, когда произошел очередной промышленный скачок как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Кроме новых фабрик и заводов, масштабная хозяйственная деятельность расширяется за счет использования земельных, лесных и водных ресурсов. Так, вводятся в сельхозоборот плодородные земли, строятся гидроэлектростанции, лесозаготовительные предприятия, что помимо прямого негативного вреда ведет к изменению экологического баланса, нарушению биосферы. В советский период появляются и разрабатываются специальные отрасли экологического права (земельное,

лесное, водное и т.п.), принимаются законы и кодексы. Фактически в советский период экологическая функция государства приобрела полную правовую регламентацию.

Политические изменения, произошедшие в связи с распадом СССР и переходом на буржуазный путь развития, в целом не изменили подходов к природопользованию, однако в связи с переходом в частные руки отдельных природных объектов экологических проблем не стало меньше. Контроль за деятельностью частных природопользователей усложнил реализацию экологической политики государства.

Новая российская Конституция обозначила право на благоприятную окружающую среду в числе прав человека, гарантируемых государством (ст. 42).

На основании изложенного нужно отметить, что содержание экологической функции развивалось вместе с эволюцией института государства, а также развитием общественных процессов. На современном этапе государство, регулируя деятельность и взаимодействие общества с природой, фактически расширило правовое регулирование на биосферу в целом, а не только на членов общества.

Список источников

1. Бредихин, А. Л. Функции государства: генезис концепции / А. Л. Бредихин // *Ius Publicum et Privatum*. — 2023. — № 2(22). — С. 29–33.
2. Экологическое право : учебник/под общей редакцией И. С. Уханова. — Санкт-Петербург : «Р-КОПИ», 2018.
3. Бредихин, А. Л. Экологическая безопасность как объект правового анализа / А. Л. Бредихин // *Вестник Института права Башкирского государственного университета*. — 2021. — № 2(10). — С. 48–52.
4. Общество и природа в дореволюционной России: правовой анализ / В. П. Лукьянов, В. П. Очерedyкo, В. П. Сальников [и др.]. — Санкт-Петербург : РДК-принт, 2003.
5. Эволюция формы Российского государства: от Московской Руси до современности / С. Е. Байкеева, А. В. Панфилец, А. Л. Бредихин [и др.]. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025.
6. Розенберг, Г. С. Все врут календари! (экологические хронологии) / Г. С. Розенберг, Г. П. Краснощеков. — Тольятти : ИЭВБ РАН, 2007.
7. Правовая охрана природы в СССР / под общей редакцией О. С. Колбасова. — Минск, 1975.

References

1. Bredikhin, A. L. Funktsii gosudarstva: genezis kontseptsii [Functions of the state: genesis of the concept] / A. L. Bredikhin // *Ius Publicum et Privatum*. — 2023. — № 2(22). — S. 29–33.
2. *Ekologicheskoye parvo* [Environmental Law]: *uchebnik/pod obshchey redaktsiyey I. S. Ukhanova*. — Sankt-Peterburg: «R-KOPI», 2018.
3. Bredikhin, A. L. *Ekologicheskaya bezopasnost' kak ob"yekt pravovogo analiza* [Environmental safety as an object of legal analysis] / A. L. Bredikhin // *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2021. — № 2(10). — S. 48–52.

4. Obshchestvo i priroda v dorevolyutsionnoy Rossii: pravovoy analiz [Society and nature in pre-revolutionary Russia: legal analysis] / V. P. Luk'yanov, V. P. Ochered'ko, V. P. Sal'nikov [i dr.]. — Sankt-Peterburg: RDK-print, 2003.
5. Evolyutsiya formy Rossiyskogo gosudarstva: ot Moskovskoy Rusi do sovremennosti [Evolution of the form of the Russian State: from Muscovite Rus' to modern times] / S. Ye. Baykeyeva, A. V. Panfilets, A. L. Bredikhin [i dr.]. — Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2025.
6. Rozenberg, G. S. Vse vrut kalendari! (ekologicheskiye khronologii) [All Calendars Lie! (Environmental Chronologies)] / G. S. Rozenberg, G. P. Krasnoshchekov. — Tol'yatti: IEVB RAN, 2007.
7. Pravovaya okhrana prirody v SSSR [Legal protection of nature in the USSR] / pod obshchey redaktsiyey O. S. Kolbasova. — Minsk, 1975.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА И КРИМИНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 343.982.35

Коллизии при оценке объектов судебной баллистической экспертизы: правовые и методологические проблемы

Жаворонков Владимир Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Мельниченко Анастасия Андреевна,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие в процессе проведения расследования по делам о незаконном обороте оружия и боеприпасов. Раскрываются различия в подходах к определению предметов вооружения, предназначенных для поражения цели при квалификации противоправных деяний органами следствия или дознания и экспертами при производстве судебных экспертиз. Отмечается, что некоторые положения действующей в настоящее время экспертной методики, разработанной РФЦСЭ при Минюсте России, не соответствуют нормативно-правовой и нормативно-технической документации в этой области. Подчеркивается, что согласно положениям методики вопрос об отнесении патронов к боеприпасам на сегодняшний день имеет не технический, а потому не входящий в компетенцию судебной баллистической экспертизы, а юридический характер, и следовательно, являющийся прерогативой органов предварительного расследования. В статье приводятся мнения ученых по этому вопросу, и делается вывод о необходимости приведения к общему знаменателю норм уголовного права и методологической базы судебной баллистической экспертизы.

Ключевые слова: судебная баллистическая экспертиза; боеприпасы; патроны; объекты судебно-баллистической экспертизы; методология судебно-баллистической экспертизы.

Для цитирования: Жаворонков В. А., Мельниченко А. А. Коллизии при оценке объектов судебной баллистической экспертизы: правовые и методологические проблемы // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (55). С. 95—104.

Original article

Conflicts in the assessment of forensic ballistic evidence: legal and methodological issues

Vladimir Al. Zhavoronkov,

Candidate of Law, Associate Professor,
Russian University of Transport (MIIT)
Moscow, Russia

Anastasiya An. Melnichenko,

Russian University of Transport (MIIT)
Moscow, Russia

Abstract. The current paper has considered certain issues arising during the investigation of cases involving the illicit trafficking of weapons and ammunition. There have been determined the differences in approaches to defining target weaponry, differences that emerge when investigative or inquiry bodies classify unlawful acts, on the one hand, and when forensic experts conduct examinations, on the other. There has been noted that certain provisions of the currently applied expert methodology, developed by the Russian Federal Center for Forensic Science (RFCFS) under the Ministry of Justice of the Russian Federation, do not align with the relevant regulatory and technical documentation in this field. There has been emphasized that, under the terms of the methodology, the question of classifying cartridges as ammunition is currently a legal matter rather than a technical one; consequently, it falls outside the scope of forensic ballistics examination and is the prerogative of preliminary investigation authorities. There have been presented the views of scholars on this issue and concluded that it is necessary to align the norms of criminal law with the methodological framework of forensic ballistics examination.

Keywords: forensic ballistics examination; ammunition; cartridges; forensic ballistic evidence; methodology of forensic ballistics examination.

For citation: Zhavoronkov V.A., Melnichenko A. A. Conflicts in the assessment of forensic ballistic evidence: legal and methodological issues // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):95–104.

© Жаворонков В. А., Мельниченко А. А., 2026

Правоохранительная система играет весьма существенную роль в государстве, являясь одним из ключевых механизмов, обеспечивающих ста-

бильное и поступательное развитие общества в целом. По общему мнению, к основным направлениям правоохранительной деятельности относятся такие, как обеспечение законности в государстве, охрана правопорядка и общественной безопасности, защита прав и свобод граждан [1, стр. 47]. Вместе с тем все они в полной мере проявляются в таком, более узком направлении деятельности правоохранительных органов, как борьба с преступностью.

Наиболее заметное место в правоохранительной системе, несомненно, занимают органы внутренних дел (ОВД), обладающие широким набором функций для осуществления своей деятельности и являющиеся самой крупной и разветвленной структурой правоохранительной системы. Так, согласно Указу Президента РФ от 5 декабря 2022 г. № 878 «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации» с 1 января 2025 г. установлена внушительная в количественном отношении предельная штатная численность сотрудников ОВД: общее количество сотрудников — 938 856 единиц, сотрудников ОВД Российской Федерации — 786 299. На ОВД возложено решение комплекса задач, напрямую связанных с обеспечением безопасности, правопорядка и борьбой с преступностью. ОВД являются атрибутом любого государства, независимо от формы правления и социально-экономического строя. Они занимают ведущее место в системе субъектов реализации современной уголовной политики, осуществляя свою деятельность в рамках применения действующего уголовного законодательства [2, стр. 14].

В России исторически сложилось так, что именно ОВД стали ярким выражением правоохранительной системы [3, стр. 37]. Являясь системообразующим элементом всей правоохранительной системы, ОВД представляют собой многоуровневую и многопрофильную структуру, каждый элемент которой наделен специфическими, присущими этому элементу функциями [4].

И, наверное, все согласятся с тем, что, когда заходит речь о правоохранительных органах, в сознании простого обывателя сразу же возникает образ человека в полицейской форме. И это не случайно: ведь именно сотрудники ОВД, находясь на передовых рубежах борьбы со всеми видами антиобщественных проявлений, постоянно и непосредственно контактируют с населением, сотрудниками государственных и общественных организаций и предприятий.

Борьбу с преступностью, несомненно, можно считать одним из основных направлений многогранной деятельности ОВД, где заметное место занимает деятельность, направленная на борьбу с незаконным оборотом оружия и боеприпасов. Преступления этого вида представляют серьезную опасность для общества в целом и каждой личности в отдельности. В настоящее время работа в этом направлении приобретает особую важность, поскольку уровень террористической угрозы, с которой приходится сталкиваться правоохранительным органам, довольно высок [5].

При расследовании дел данной категории проводятся различные следственные действия. Одним из них является производство судебной баллистической экспертизы. Несмотря на то что пик производства судебно-баллистических экспертиз патронов в нашей стране приходился на 2016 г., когда только экспертно-криминалистическими подразделениями территориальных органов МВД России было проведено исследование 1 852 648 различных образцов единиц патронов ручного огнестрельного оружия [6, стр. 71], показатели сегодняшнего дня являются не менее впечатляющими: за 2025 г. сотрудниками МВД России выявлено более 14 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, изъято около 7 тыс. единиц оружия, из них 5 тыс. — огнестрельного, более 300 тыс. случаев изъятия боеприпасов и большого количества взрывчатых веществ. Совместно с Роскомнадзором МВД России заблокировало 550 сайтов с информацией о том, как самостоятельно изготовить оружие [URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8480017>].

Для осуществления борьбы с незаконным оборотом оружия и боеприпасов в нашей стране к настоящему времени сформирована необходимая правовая база, включающая в себя федеральные законы, указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, а также ведомственные нормативные правовые акты. Основным нормативным правовым актом в этой сфере является Федеральный закон от 3 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», устанавливающие основы правоотношений в сфере оборота оружия и боеприпасов. К этой группе нормативных правовых документов следует также отнести Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающие ответственность за нарушение правил оборота оружия и боеприпасов и определяющие порядок проведения расследования.

Вместе с тем нельзя не указать и на существующие проблемы в этом направлении, обусловленные недостаточной проработанностью и несогласованностью нормативно-правовой и методологической базы в этой сфере.

Расследование преступлений по делам о незаконном обороте оружия и боеприпасов осуществляется в соответствии с требованиями криминалистической методики, представляющей собой систему научных положений о закономерностях возникновения, собирания, проверки, оценки и использования доказательственной информации о преступлениях против общественной безопасности, включающую в себя разработанные на этой основе рекомендации, методы, приемы и средства установления обстоятельств и субъектов посягательств данного вида [7], а также в соответствии со статьями уголовного и уголовно-процессуального кодексов.

Согласно ст. 222 УК РФ уголовная ответственность наступает за незаконное приобретение, передачу, хранение, перевозку, пересылку или но-

шение огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему. Необходимо подчеркнуть, что в законе сделан акцент на незаконные действия именно с объектами, именуемыми боеприпасами. Поэтому при проведении расследований уголовных дел органы следствия и дознания, руководствуясь вышеуказанной статьей, ориентируются на формулировку, где ключевым является понятие «боеприпасы». В связи с этим позиция следствия и дознания по отношению к предметам, предназначенным для поражения цели вследствие экзотермической химической реакции компонентов патрона, вполне очевидна. Это-то как раз и является на сегодняшний день краеугольным камнем противоречия между нормами уголовного права и методикой криминалистического исследования этих объектов.

С целью определения содержания понятия «боеприпасы» необходимо прежде всего обратиться к Федеральному закону «Об оружии», в п. 8 ч. 1 ст. 1 которого указано, что под боеприпасами следует понимать предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание.

В отечественной криминалистической науке понятие «боеприпасы» включает в себя довольно разнообразный круг объектов в зависимости от сферы, в которой они используются, и круга решаемых задач. Это обуславливает различие в подходах к предмету исследования и разнообразие классификаций объектов. В зависимости от сферы деятельности (военно-техническая, торгово-промышленная, спортивно-охотничья, криминалистическая, уголовно-правовая, иная) будет меняться и само определение боеприпасов, и его смысловое значение. Такая многогранность понятия «боеприпасы» обусловлена исторически, поскольку изначально использование данного термина осуществлялось непосредственно специалистами производства оружия и боеприпасов, а также военными, которые под боеприпасами имели в виду любое средство вооружения, составной частью которого являлось взрывчатое вещество [8, стр. 5].

Также следует отметить, что в разное время в научных источниках понятие «боеприпасы» раскрывалось по-разному. До 1990-х гг. к боеприпасам относили средства (предметы) одноразового действия, предназначенные для непосредственного поражения цели снарядом, осколками или с помощью фугасного, термического и иного воздействия в результате взрыва пороха либо другого взрывчатого вещества, имеющие воспламеняющее устройство и по своей конструкции и мощности заряда обеспечивающие реальную возможность поражения цели» [9, стр. 78].

Разработанная в более поздние периоды времени концепция экспертной оценки боеприпасов позволила причислять к боеприпасам только патроны средств вооружения, т.е. предназначенные для использования в боевом оружии. Остальные патроны согласно концепции к боеприпасам не относили [10].

Несмотря на большое количество теоретических изысканий в области судебной баллистики, четкого криминалистического определения боеприпасов так и не сложилось. По мнению ученых, это обусловлено, с одной стороны, сложностью классификационного, методологического, экспертного и уголовно-правового характера рассматриваемой проблемы, а с другой — обилием уже имеющихся и вновь создаваемых (проектируемых) боеприпасов, а также самодельных объектов судебной баллистической экспертизы [11, стр. 388].

1 июля 2019 г. вступил в действие ГОСТ 28653-2018 «Оружие стрелковое. Термины и определения», закрепивший определение патрона стрелкового оружия как устройства, предназначенного для выстрела из оружия, но без его привязки к понятию «боеприпасы», в чем его содержание стало кардинально отличаться от предыдущего ГОСТ 28953-90 и основанной на этом ГОСТ Типовой методике экспертного решения вопроса об отнесении патронов к категории боеприпасов, утвержденной решением Методического совета ЭКЦ МВД России от 22 мая 2008 г. Согласно указанной методике патрон стрелкового оружия при производстве судебных баллистических экспертиз относился к категории боеприпасов, что отражалось в заключениях экспертов.

Новая же экспертная методика не позволяет ставить знак равенства между понятиями «патрон» и «боеприпас». Согласно п. 6 раздела «Совокупность признаков, характеризующих объект исследования» методики отсутствие в нормативно-технической документации определения понятия боеприпаса применительно к патронам для огнестрельного оружия при одновременном наличии его в Федеральном законе «Об оружии» и других нормативных правовых документах обуславливает то, что для решения вопроса об отнесении патрона к боеприпасам специальных знаний не требуется, его постановка перед экспертом является некорректной и ответ на него выходит за пределы его компетенции. А, как мы установили ранее, уголовная ответственность наступает исключительно за незаконный оборот объектов, относящихся к категории «боеприпасы».

Таким образом, вопрос о признании патронов боеприпасами был отнесен не к технической, т.е. относящейся к компетенции эксперта, а юридической категории, и следовательно, вошел в круг полномочий следователя или дознавателя. В методике отдельно отмечалось, что экспертной задачей при производстве судебной баллистической экспертизы является установление наименования патрона (калибра, типа), определение оружия, для которого он предназначен, и установление пригодности патрона для производства выстрела [11, стр. 4]. В примерных формулировках экспертных выводов, предлагаемых в методике, исключалось отождествление патронов с боеприпасами.

Руководствуясь положениями действующей методики в своих заключениях, эксперты стали делать выводы о принадлежности представленных объектов к патронам того или иного калибра, являющихся штатными для

того или иного вида огнестрельного оружия без их отнесения к боеприпасам. Это вполне согласовалось с требованиями ст. 8 Федерального закона «Об оружии», согласно которым эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме.

В результате, в распоряжение следователя или дознавателя поступало заключение эксперта, в котором фигурировало понятие «патрон» и не было ни слова о его отнесении к боеприпасам. Здесь необходимо отметить, что по уголовным делам данной категории заключение эксперта, как правило, является основным, а нередко и единственным доказательством, позволяющим привлечь виновного к ответственности за незаконный оборот боеприпасов, поэтому формулировка в заключении эксперта имеет большое значение. Это стало серьезной проблемой: с формальной точки зрения исследуемые предметы не являлись боеприпасами, поскольку не были отнесены в экспертном заключении к объектам этой категории, и, следовательно, не могли быть причислены следователем или дознавателем к объектам преступного деяния, предусмотренного ст. 222 УК РФ. В результате возникли определенные сложности у органов предварительного расследования при решении вопросов о квалификации деяний лиц, обвиняемых в незаконном обороте предметов, предназначенных для производства выстрела.

Сложившаяся ситуация стала широко обсуждаемой на страницах научных изданий. Многие ученые, в частности, отмечали, что современный период ознаменовался изменениями в криминалистической оценке некоторых объектов судебно-баллистической экспертизы и патронов, отнесение которых к боеприпасам стало прерогативой органов предварительного расследования [12, стр. 79]. По мнению большого количества авторов, понятие «патрон» теперь имело явно выраженную техническую составляющую, поскольку помимо его назначения, описывает его конструкцию и составные элементы, а понятие «боеприпасы» имеет скорее классификационное значение, так как его смысл во многом зависит от контекста: военная техника, криминалистика, право и пр. [13]

Это также привело к некоторым трениям между экспертно-криминалистическими подразделениями и органами предварительного расследования, определенные структуры которых осуществляли постоянный мониторинг практики расследования уголовных дел о преступлениях в сфере незаконного оборота оружия и боеприпасов, а также к необходимости изыскивать пути для нивелирования возникшей проблемы. Однако до настоящего времени полноценного компромисса между уголовно-правовой и криминалистической наукой так и не было достигнуто.

В связи с этим органами предварительного расследования был принят ряд мер, направленных на разрешение указанной проблемы. Например, управлением по дознанию МВД России было предложено подчиненным подразделениям принимать решение о наличии состава пре-

ступления, связанного с незаконным оборотом патронов, с учетом как заключения эксперта, так и примечания 3 к ст. 222 УК РФ (письмо начальника управления по органам дознания МВД России от 18 октября 2021 г. № 90/2116). Такому решению способствовало постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2019 г. № 15, в п. 4 которого отмечается, что к категории боеприпасов следует относить все виды патронов к огнестрельному оружию независимо от калибра и способа изготовления (заводского или самодельного), а также иные предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание. Кроме того, в содержание ст. 222 УК РФ были внесены корректировки: согласно примечанию 3 к ст. 222 УК РФ, введенному Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ, под боеприпасами следовало понимать предназначенные для поражения цели предметы вооружения, патроны и метаемое снаряжение, содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом.

В определенной степени это стало соломоновым решением в создавшейся ситуации, поскольку позволяло избежать коллизии при квалификации преступных деяний, связанных с незаконным оборотом боеприпасов, между нормами уголовного права и экспертной методикой.

В заключение следует отметить, что несмотря на существующую сегодня возможность, практического решения органами предварительного расследования возникшей проблемы, связанной с несогласованностью норм права и экспертной методики, нет; все-таки необходимо на законодательном уровне принять меры к тому, чтобы подход различных служб ОВД к определению объектов по делам о незаконном обороте оружия и боеприпасов был приведен к общему знаменателю, что, по мнению ученых, является вполне возможным путем внесения изменений в действующее уголовное законодательство. В частности, некоторыми авторами предлагается расширить и конкретизировать содержание диспозиций соответствующих норм уголовного права, уточнив понятие «боеприпасы» и предусмотрев тем самым ответственность за незаконный оборот патронов к огнестрельному оружию непосредственно в основной части нормы [14, стр. 68]. Это позволило бы избежать разночтения одних и тех же понятий, используемых в уголовно-правовой и судебно-экспертной деятельности, и действительно устранило бы некоторые проблемы взаимодействия различных служб ОВД.

Список источников

1. Гуськов, А. П. Органы внутренних дел в системе правоохранительных органов / А. П. Гуськов // Человек смог и закон. — 2014. — № 34. — С. 45—48.
2. Подчерняев, А. Н. Задачи российской полиции по борьбе с преступностью на современном этапе / А. Н. Подчерняев // Виктимология. — 2017. — № 4(14). — С. 14—17.

3. Мулукаев, Р. С. Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений Российской империи / Р. С. Мулукаев // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 4 (48). — С. 37—42.
4. Петухова, В. В. Органы внутренних дел в системе правоохранительных органов / В. В. Петухова // Молодой ученый. — 2026. — № 21 (624). — С. 488—490.
5. Алехин, В. П. Терроризм как глобальная угроза современности: новые методы противодействия и регулирования в России / В. П. Алехин // Вопросы российского и международного права. — 2024. — Том 14. — № 9А. — С. 399—405.
6. Качан, В. Н. Нормативно-правовое, нормативно-техническое и методическое обеспечение судебно-баллистической экспертизы / В. Н. Качан // Криминологический журнал. — 2024. — № 1. — С. 71—75.
7. Абдулмуслимов, А. А. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия / А. А. Абдулмуслимов, Ш. Р. Раджабов // Colloquium journal. — 2020. — № 20(72). <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-rassledovaniya-prestupleniy-svyazannyh-s-nezakonnym-oborotom-oruzhiya/viewer, свободный>.
8. Картавый, А. А. Совершенствование правоприменительной практики при расследовании уголовных дел о незаконном обороте огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывных устройств / А. А. Картавый // Российский следователь. — 2017. — № 7. — С. 3—6.
9. Теоретические и методические основы судебно-баллистической экспертизы : метод. письмо для экспертов. Выпуск 1-2 / Министерство юстиции СССР; ответственный редактор А. А. Тахо-Годи. — Москва : ВНИИСЭ, 1984.
10. Устинов, А. И. Искажение понятий, или необходимость правильной формулировки нормы права / А. И. Устинов // Законность. — 1997. — № 8. — С. 30—32.
11. Кокин, А. В. Методика установления наименования патрона, определения оружия, для которого он предназначен, и пригодности патрона для производства выстрела / А. В. Кокин, А. С. Лихачев, И. С. Семушкин. — Москва : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021.
12. Казанцев, С. Я. О некоторых вопросах методики установления наименования патрона, определения оружия, для которого он предназначен и пригодности патрона для производства выстрела / С. Я. Казанцев, Р. Ф. Шайдуллин // Судебная экспертиза и исследования. — 2026. — № 2. — С. 79—82.
13. Матюшенков, А. Н. К вопросу о квалификационных признаках боевых припасов в криминалистике / А. Н. Матюшенков // Новый юридический вестник. — 2021. — № 1(25). — С. 30—32.
14. Сичкаренко, А. Ю. Боеприпасы как предмет незаконного оборота / А. Ю. Сичкаренко // Юристъ-Правоведъ. — 2021. — № 3(98). — С. 65—68.

References

1. Gus'kov, A. P. Organy vnutrennikh del v sisteme pravookhranitel'nykh organov [Internal affairs bodies within the law enforcement system] / A. P. Gus'kov // Chelovek smog i zakon. — 2014. — № 34. — С. 45—48.
2. Podchernyayev, A. N. Zadachi rossiyskoy politsii po bor'be s prestupnost'yu na sovremennom etape [Tasks of the Russian police in combating crime at the present stage] / A. N. Podchernyayev // Viktimologiya. — 2017. — № 4(14). — С. 14—17.
3. Mulukayev, R. S. Evolyutsiya sistemy presecheniya i raskrytiya prestupleniy Rossiyskoy imperii [Evolution of the system for crime suppression and investigation in the Russian Empire] / R. S. Murukayev // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. — 2018. — № 4 (48). — С. 37—42.
4. Petukhova, V. V. Organy vnutrennikh del v sisteme pravookhranitel'nykh organov [Internal affairs bodies within the law enforcement system] / V. V. Petukhova // Molodoy uchenyy. — 2026. — № 21 (624). — С. 488—490.

5. Alekhin, V. P. Terrorizm kak global'naya ugroza sovremennosti: novyye metody protivodeystviya i regulirovaniya v Rossii [Terrorism as a global threat of modern times: new methods of counteraction and regulation in Russia] / V. P. Alekhin // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. — 2024. — Tom 14. — № 9A. — S. 399—405.
6. Kachan, V. N. Normativno-pravovoye, normativno-tekhnicheskoye i metodicheskoye obespecheniye sudebno-ballisticheskoy ekspertizy [Regulatory-legal, regulatory-technical, and methodological support for forensic ballistic examination] / V. N. Kachan // Kriminologicheskii zhurnal. — 2024. — № 1. — S. 71—75.
7. Abdulmuslimov, A. A. Metodika rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom oruzhiya [Methodology for investigating crimes related to illicit arms trafficking] / A. A. Abdulmuslimov, SH. R. Radzhabov // Colloquium journal. — 2020. — № 20(72). <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-rassledovaniya-prestupleniy-svyazannyh-s-nezakonnym-oborotom-oruzhiya/viewer,svobodnyy>.
8. Kartavyi, A. A. Sovershenstvovaniye pravoprimenitel'noy praktiki pri rassledovanii ugolovnykh del o nezakonnom oborote ognestrel'nogo oruzhiya, boyepripasov i vzryvnykh ustroystv [Improving law enforcement practice in the investigation of criminal cases involving illicit trafficking in firearms, ammunition, and explosive devices] / A. A. Kartavyi // Rossiyskiy sledovatel'. — 2017. — № 7. — S. 3—6.
9. Teoreticheskiye i metodicheskiye osnovy sudebno-ballisticheskoy ekspertizy [Theoretical and methodological foundations of forensic ballistic examination]: metod. pis'mo dlya ekspertov. Vypusk 1-2 / Ministerstvo yustitsii SSSR; otvetstvennyy redaktor A. A. Takho-Godi. — Moskva: VNIIE, 1984.
10. Ustinov, A. I. Iskazheniye ponyatiy, ili neobkhodimost' pravil'noy formulirovki normy prava [Distortion of concepts, or the necessity of correctly formulating a legal norm] / A. I. Ustinov // Zakonnost'. — 1997. — № 8. — S. 30—32.
11. Kokin, A. V. Metodika ustanovleniya naimenovaniya patrona, opredeleniya oruzhiya, dlya kotorogo on prednaznachen, i prigodnosti patrona dlya proizvodstva vystrela [Methodology for identifying the cartridge type, determining the weapon for which it is intended, and assessing the cartridge's suitability for firing] / A. V. Kokin, A. S. Likhachev, I. S. Semushkin. — Moskva: FBU RFTSSE pri Minyuste Rossii, 2021.
12. Kazantsev, S. YA. O nekotorykh voprosakh metodiki ustanovleniya naimenovaniya patrona, opredeleniya oruzhiya, dlya kotorogo on prednaznachen i prigodnosti patrona dlya proizvodstva vystrela [On certain issues regarding the methodology for identifying the cartridge designation, determining the weapon for which it is intended, and assessing the cartridge's suitability for firing] / S. YA. Kazantsev, R. F. Shaydullin // Sudebnaya ekspertiza i issledovaniya. — 2026. — № 2. — S. 79—82.
13. Matyushenkov, A. N. K voprosu o kvalifikatsionnykh priznakakh boyevykh pripasov v kriminalistike [On the issue of classification criteria for ammunition in forensic science] / A. N. Matyushenkov // Novyy yuridicheskii vestnik. — 2021. — № 1(25). — S. 30—32.
14. Sichkarenko, A. Yu. Boyepripasy kak predmet nezakonnogo oborota [Ammunition as an object of illicit trafficking] / A. Yu. Sichkarenko // Yurist"-Pravoved". — 2021. — № 3(98). — S. 65—68.

ТРАНСПОРТНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 73.43.00

Оценка предпосылок и ограничений введения скоростной трамвайной линии в транспортную систему городов Тула и Щекино

Глозман Ольга Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Силаева Екатерина Евгеньевна,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме организации транспортного сообщения в формирующейся агломерации Тула—Щекино. Высокая ежедневная маятниковая миграция создает значительную нагрузку на существующую автобусную систему, приводя к ее перегруженности и низкому качеству обслуживания, в то время как использование железнодорожного транспорта экономически неэффективно из-за неравномерности пассажиропотока. В качестве решения авторы предлагают проект внедрения линии скоростного трамвая. В исследовании применяются методы сравнительного анализа (на примере успешно функционирующего Старооскольского скоростного трамвая). В результате разработана конкретная трассировка линии от Менделеевского поселка до Первомайского, предложены инженерные решения по обустройству обособленного полотна и реконструкции моста через р. Воронка. Реализация проекта позволит создать высокопроизводительную, надежную и комфортную транспортную систему, способствующую устойчивому социально-экономическому развитию агломерации.

Ключевые слова: скоростной трамвай; транспортная система агломерации; маятниковая миграция; пассажиропотоки; городской пассажирский транспорт.

Для цитирования: Глозман О. С., Силаева Е. Е. Оценка предпосылок и ограничений введения скоростной трамвайной линии в транспортную систему городов Тула и Щекино // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (55). С. 105—114.

Original article

Estimation of prerequisites and constraints for introducing a high-speed tram line into the transport system of Tula and Shchekino

Olga S. Glozman,

Candidate of Law, Associate Professor,
Russian University of Transport (MIIT)
Moscow, Russia

Ekaterina Ev. Silaeva,

Russian University of Transport (MIIT)
Moscow, Russia

Abstract. The current paper is devoted to the crucial issue of organizing transport connections within the emerging metropolitan area Tula–Shchekino. High volumes of daily commuter traffic place a significant strain on the existing bus system, resulting in overcrowding and poor service, while the use of rail transport is economically inefficient due to the uneven distribution of passenger flows. As a solution, there has been proposed a project to implement a high-speed tram line. There have been used comparative analysis methods on the example of the successfully operating Stary Oskol high-speed tram system. As a result there has been developed a specific route alignment from the settlement Mendelevsky to Pervomaysky, as well as proposed engineering solutions for constructing a dedicated track and reconstructing the bridge over the river Voronka. Implementation of the project will enable the development of a high-performance, reliable, and comfortable transport system that fosters the sustainable socio-economic development of the metropolitan area.

Keywords: high-speed tram; transport system of metropolitan area; commuter flows; passenger flows; urban passenger transport.

For citation: Glozman O.S., Silaeva E.E. Estimation of prerequisites and constraints for introducing a high-speed tram line into the transport system of Tula and Shchekino // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):105–114.

© Глозман О. С., Силаева Е. Е., 2026

Город Щекино является городом-спутником г. Тулы. Значительная часть экономически активного населения Щекино ежедневно перемещается в Тулу и обратно с трудовыми целями. Данный процесс обусловлен близостью расположения и диспропорцией в структуре мест приложения труда и мест жительства.

По данным сотовых операторов пассажиропотоки между городом Тула и городом Щекино в сутки составляет 20 083 человека. Из них 12 049 готовы воспользоваться транспортом общего пользования в одном направлении. Для обеспечения потребности в передвижении только в один час утреннего часа пик необходимо 10 автобусов большого класса. Подобный поток автобусов большого класса существенно загружает автомобильную дорогу, на которой сейчас всего по одной полосе движения в одну сторону.

Пассажирские потоки подобной интенсивности целесообразно обслуживать транспортом с более высокой провозной способностью, таким как трамвай, что подтверждается проведенными теоретическими исследованиями, приведенными ниже.

Согласно интегральному рейтингу развития массового пассажирского транспорта НИУ ВШЭ (2022) Тула демонстрирует низкий показатель средней вместимости подвижного состава (всего 10 мест), что указывает на доминирование автобусов малого класса. При этом доля электротранспорта в заказе перевозок составляет 33%, что создает предпосылки для развития именно рельсовых видов транспорта.

Согласно данным НИУ ВШЭ трамвайная сеть Тулы имеет протяженность около 23 км, однако лишь четверть путей обладает элементами обособления (*RoW*). Это приводит к снижению скорости и регулярности движения, особенно на участках, совмещенных с автомобильным потоком. Расчеты *Modal Split* доказывают, что доля трамвая в Туле не превышает 20%, что значительно ниже, чем в городах-лидерах (Магнитогорск — 75%, Нижний Тагил — 60%). Это свидетельствует о нереализованном потенциале рельсового транспорта, который может быть раскрыт за счет развития сети в направлении Щекино.

Исследователи кубанского государственного технологического университета в своей статье дают определение транспорта, приводят классификацию по назначению видов городского транспорта. В результате исследования общественного мнения по поводу трамвая, как вида пассажирского общественного транспорта, специалисты выделили его преимущества. Статья содержит данные о мерах по улучшению дорожной ситуации за счет организации транспортного обслуживания транспортом высокой провозной способности — трамваем [1].

Ученые Тульского государственного университета в статье привели комплекс взаимосвязанных мероприятий, имеющих различное направление воздействия, способствующих повышению безопасности и эффективности работы городского рельсового транспорта и представили конкретные примеры возможных мероприятий увеличения спроса на пассажирские перевозки городским трамваем [2].

В настоящем исследовании рассматривается возможность продления существующей трамвайной системы г. Тулы до г. Щекино.

Между городами Щекино и Тула формируется маятниковая миграция трудовых корреспонденций, пример обеспечения трамваем подобных потоков есть в г. Старый Оскол Белгородской области.

Старооскольский скоростной трамвай состоит из одной линии: УСТ (Управление скоростного трамвая) — Городское кольцо — БСИ (выход на промышленную зону) — Оскольского электрометаллургического комбината (ОЭМК) имени А. А. Угарова (выход на Оскольский электрометаллургический комбинат), она проходит через город и села пригорода и состоит из 21 станции [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Старооскольский_скоростной_трамвай].

Протяженность маршрута с севера на юг — до конечной станции ОЭМК — почти 25 км. Утром на линию выходят 22 вагона, большая часть из них — сдвоенные. В день скоростной трамвай провозит около 7 тыс. пассажиров, а в год в среднем перевозит 2,5 млн пассажиров. То есть скоростной трамвай в Старом Осколе успешно функционирует при меньших пассажиропотоках, чем прогнозируется на направлении Тула—Щекино.

Интересно отметить, что сегодняшнее предприятие «Скоростной трамвай» принадлежит в разных долях администрации Старооскольского округа и ОЭМК. По-прежнему большая часть пассажиров трамвая — сотрудники комбината [<https://www.belpressa.ru/society/drugoe/39975.html#>]. Следовательно, это пример государственно-частного партнерства. В этом контексте важно отметить, что в Туле есть несколько крупных предприятий, на которых трудится не менее 20 тыс. человек, и они должны быть заинтересованы в подвозе сотрудников.

Трамвайную сеть в Старом Осколе создавали с середины 1970-х гг. как ведомственный транспорт для сотрудников ОЭМК.

В направлении Щекино исторически была обустроена трамвайная линия на Косую Гору в Туле, она была открыта в 1934 г. после сооружения путепровода через Московско-Курскую железную дорогу и моста через р. Воронка. Однопутная линия с двумя разъездами соединяла южную границу г. Тула и поселок Косая Гора. Действовал маршрут № 4 «Менделеевский поселок — Косая Гора» согласно салонной схеме тульского трамвая 2007 г. [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Тульский_трамвай] Утраченная в 2008 г. линия на Косую Гору, являвшаяся продолжением маршрута № 4, как раз относилась к категории необособленных путей, что в совокупности с аварийным состоянием полотна предопределило ее закрытие.

Маршрут обслуживался четырьмя вагонами до 2000-х гг., далее началось сокращение выпуска сначала до двух, а затем и до одного вагона. Линия была закрыта 1 марта 2008 г. из-за аварийного состояния трамвайного полотна. Ниже приведена карта Подмосковья и ближних регионов 1987 г., где отмечается трамвайная линия (рис. 1).

Рис. 1. Схема движения трамвайного маршрута № 4 с привязкой к карте

На 1987 г. на маршруте работало четыре трамвайных вагона Татра ТЗ трехдверной модификации с компоновкой сидений 2+1. Количество сидячих мест — 34, количество стоячих — 77 (5 чел./кв. м), полная вместимость (q) — 111 человек. Длина маршрута составляла 6,01 км, длина прямого рейса — 2,98 км, а длина обратного — 3,03 км. Интервал движения при четырех работающих вагонах составлял 10 минут.

Расчет интенсивности (частоты) движения трамвая на основе имеющегося интервала:

$$N_a = \frac{60}{t_M} \cdot (1)$$

Расчет провозной способности маршрута № 4 в одну сторону на основе технических данных:

$$П_M = q \times N_a \cdot (2)$$

Провозная способность маршрута № 4 на 1987 г. составляла 666 человек/час в одну сторону. В две стороны — 1332 человек/час.

Охват пассажиров линии трамвая. По данным с официального сайта Косогорского Metallургического комбината количество работников на нем — 1732 человек. Линия также по большей своей части проходит через поселок Менделеевский, население которого по данным на 2002 г. составляло около 9622 человек. В поселке Косая гора на момент 2002 г. проживало 18 313 человек. Трамвайная линия охватывает лишь треть площади поселка, но эта часть поселка наиболее заселена. В зоне десятиминутной доступности находятся многоквартирные дома по ул. Октябрьская, Пушкина и Демешковская. На рис. 2 приведена схема изохрон транспортной доступности от остановок.

Рис. 2. Схема изохрон транспортной доступности от остановок трамвайного маршрута № 4

Для перевозки людей автобусами поток пассажиров избыточен. Пиковые нагрузки на автобусные маршруты (утренние и вечерние часы, выходные дни) приводят к переполненности салонов, снижению комфорта, увеличению интервалов движения и нарушению расписания. Это создает

хронический стресс для пассажиров и не способствует формированию привлекательного имиджа пригородного сообщения.

Для перевозки населения электричками пассажиропоток недостаточен. Вне пиковых часов пассажиропоток снижается, и классическая трамвайная система с ее высокими постоянными издержками на инфраструктуру и большой вместимостью вагонов становится экономически неэффективной. Мы наблюдаем ситуацию «низкого потока — высоких затрат».

Как показал опыт развития трамвайного хозяйства за последние 100 лет, ключевым фактором эффективности является не только наличие подвижного состава, но и правильная организация движения, включая обособленное полотно, оптимизацию интервалов и адаптацию провозной способности к колебаниям пассажиропотока. Предлагаемая система скоростного трамвая с переменной длиной составов и выделенной инфраструктурой реализует именно этот подход, позволяя избежать как перегрузки в часы пик, так и недозагрузки в межпиковое время.

Внедрение линии скоростного трамвая, связывающей Щекино с ключевыми узлами занятости и образования в Туле, способно комплексно решить проблему перемещения для трудовых и учебных корреспонденций. В отличие от автобусных перевозок, подверженных влиянию дорожных заторов, скоростной трамвай, благодаря обособленному полотну, обеспечивает стабильное и предсказуемое время в пути. Это кардинально повышает регулярность и надежность сообщения, что является критически важным фактором для ежедневных поездок на работу и учебу.

Транспортное сообщение обеспечивает шесть маршрутов автобусов: 290, 211, 114, 114к, 117, 117к. Подвижной состав составляют модели транспортных средств, такие как НефАЗ-5299, ПАЗ-3237, ПАЗ-320435-04 «*Vector Next*», ЛиАЗ-5292, ЛиАЗ-4292.

По данным сотовых операторов пассажиропотоки между городами Тула и Щекино в утренние «часы пик» — 1793 человека, т.е. 897 человек в час.

Предлагается внедрить скоростной трамвай. Его преимущества заключаются в том, что он идеально занимает нишу, которая ранее считалась «транспортным вакуумом», он имеет гибкую провозную способность, высокую скорость, экологичен, а также пассажиры получают уровень комфорта, плавности хода и простора, характерный для рельсового транспорта, с частотой интервалов, как у автобуса.

Следует подчеркнуть, что принятие решений о развитии трамвайных систем требует не только инженерного опыта, но и строгого количественного анализа. Как отмечалось еще в первых отечественных руководствах по трамвайному хозяйству, только применение математических методов позволяет определить экономически оптимальные параметры маршрутной сети, избегая как избыточных капитальных затрат, так и снижения качества обслуживания.

Однако уже на этой стадии — концепции можно с уверенностью сказать, что, в отличие от метро или обычного трамвая, система «скоростной трам-

вай» позволяет использовать составы переменной длины (от 1 до 3 вагонов). В часы пик можно запускать длинные составы, обеспечивая провозную способность, сопоставимую с электричкой, но с меньшими затратами на инфраструктуру. Вне часов пик курсируют короткие составы, что резко снижает эксплуатационные расходы по сравнению с системой, всегда использующей поезда максимальной длины. Это решает проблему «недобора».

Предлагаемый маршрут скоростной трамвайной линии будет проходить от существующего трамвайного кольца в Менделеевском поселке Тулы до городского поселения Первомайский Щекинского района Тульской области (рис. 3). Точки предлагаемого маршрута: Менделеевский поселок, поселок Косая Гора, поселок Яснополянские Выселки, городское поселение Первомайский.

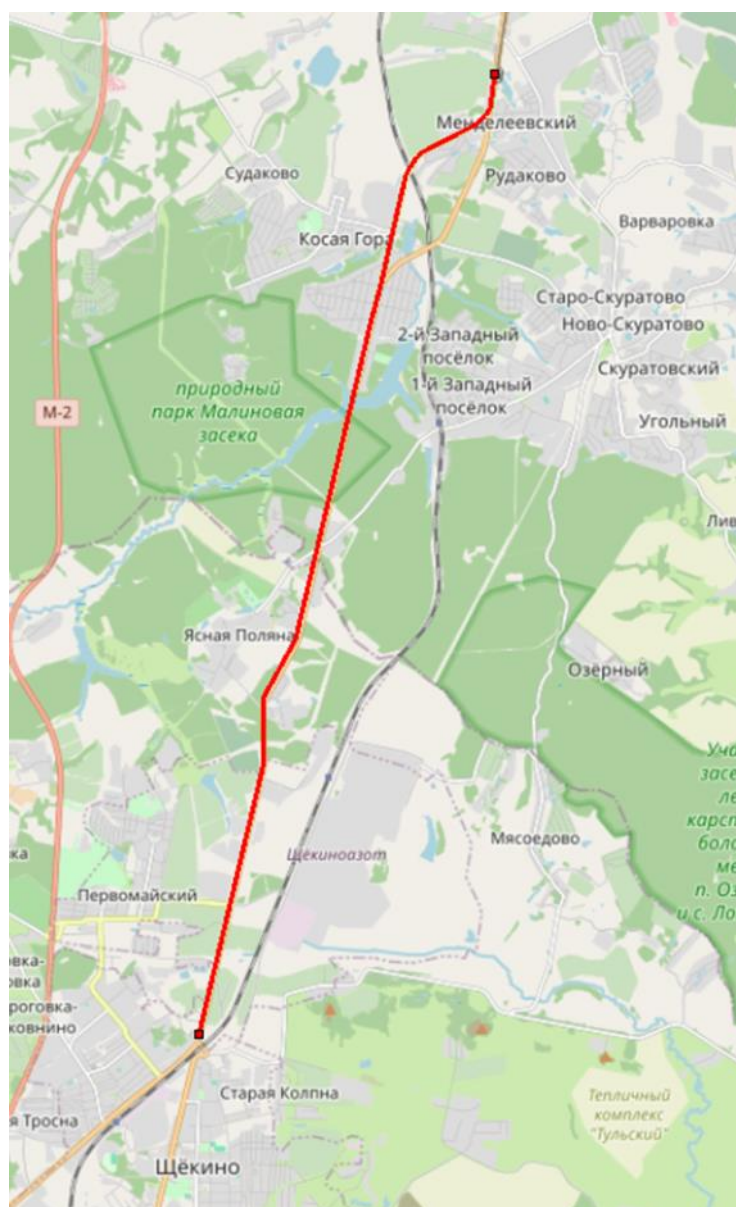

Рис. 3. Предлагаемый маршрут скоростной трамвайной линии

Маршрут можно проложить преимущественно по обособленному полотну (рис. 4), что исключит задержки из-за автомобильных пробок, которые являются бичом автобусов.

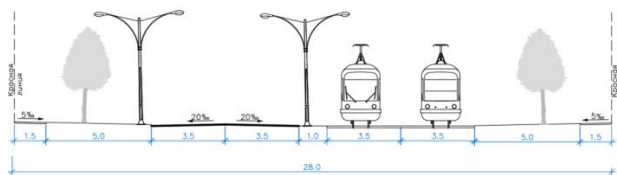

Рис. 4. Поперечный профиль дороги на земляном полотне

Маршрут имеет проблемное место, на мосту над р. Воронка. Расширение моста принято считать нецелесообразным, так как затраты на данные строительные работы слишком велики. Поэтому предлагается ввести на мосту однопутную линию скоростного трамвая за счет демонтажа тротуара с одной стороны (рис. 4).

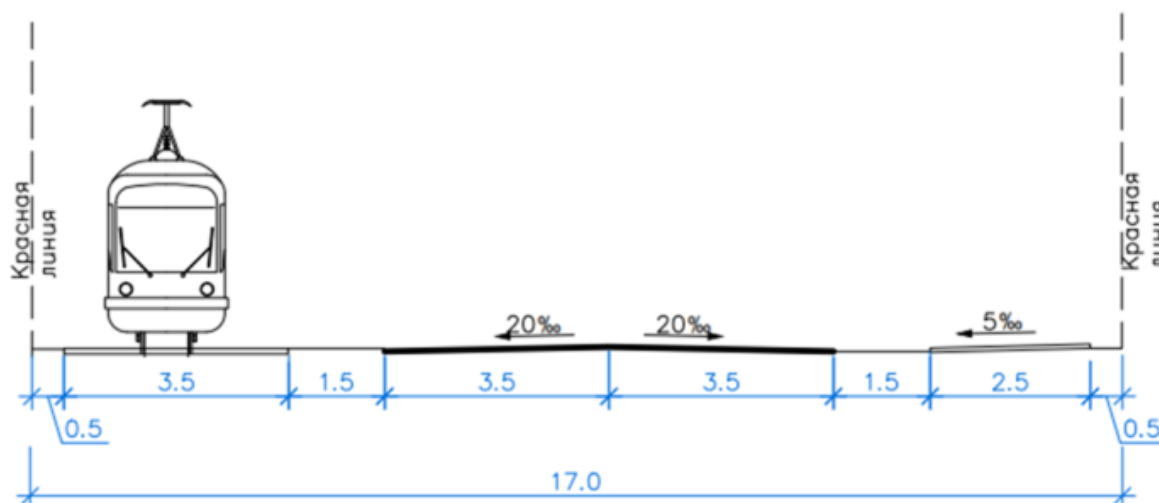

Рис. 5. Поперечный профиль дороги на мосту

Предлагаемое инженерное решение по организации однопутного движения на мосту через р. Воронка за счет демонтажа тротуара предполагает физически обособленный путь, расположенный сбоку проезжей части, что исключает конфликты с попутным автомобильным потоком, но сохраняет пересечения с примыканиями и пешеходными переходами. Такой подход является наиболее реалистичным в условиях ограниченной ширины существующего мостового сооружения и позволяет избежать затратного расширения пролетного строения.

Таким образом, организация системы скоростного трамвая на направлении Тула—Щекино является не просто инфраструктурным проектом, а стратегическим инструментом управления агломерационными процесса-

ми. Она позволяет трансформировать существующие транспортные проблемы в возможности для устойчивого социально-экономического развития, обеспечивая надежную и комфортную связность между городом-ядром и его спутником.

В долгосрочной перспективе развитие сетей пассажирского электро-транспорта, включая трамвай, является необходимым условием устойчивого функционирования городских агломераций. Реализация проекта скоростного трамвая на направлении Тула—Щекино станет не только решением острой транспортной проблемы, но и важным шагом в сохранении и развитии рельсового каркаса Тульской агломерации.

Список источников

1. Меринюк, Ю. С. Формирование позитивного имиджа городского трамвая / Ю. С. Меринюк, Н. А. Чугунцова // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». — 2016. — № 7. — С. 127—135.
2. Масленникова, Г. Е. Разработка мероприятий по повышению безопасности и эффективности работы городского рельсового транспорта / Г. Е. Масленникова // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей IX Международной научно-практической конференции : в 2 частях. — Пенза, 2019.

References

1. Merinyuk, Yu. S. Formirovaniye pozitivnogo imidzha gorodskogo tramvaya [Shaping a positive image of the urban tram] / Yu. S. Merinyuk, N. A. Chuguntsova // Elektronnyy setevoy politematicheskiy zhurnal «Nauchnyye trudy KubGTU». — 2016. — № 7. — S. 127–135.
2. Maslennikova, G. Ye. Razrabotka meropriyatiy po povysheniyu bezopasnosti i effektivnosti raboty gorodskogo rel'sovogo transporta [Developing measures to enhance the safety and efficiency of urban rail transport] / G. Ye. Maslennikova // Sovremennyye nauchnyye issledovaniya: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statey IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 chastyakh. — Penza, 2019.

ТРАНСПОРТНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 656.61

Понятие транспортной инфраструктуры морского транспорта: проблемные аспекты

Жарикова-Горская Евгения Владимировна,
соискатель кафедры предпринимательского
права имени В. С. Якушева,
Уральский государственный юридический
университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ понятия транспортной инфраструктуры морского транспорта, рассматриваются его теоретические и правовые аспекты. Автор исследует различные дефиниции термина «инфраструктура», акцентируя внимание на его значении для транспортной отрасли. Выявлены проблемные зоны в нормативном регулировании, связанные с отсутствием единого и исчерпывающего определения транспортной инфраструктуры морского транспорта.

Ключевые слова: инфраструктура; транспортная инфраструктура; перевозочный процесс; транспортная инфраструктура морского транспорта.

Для цитирования: Жарикова-Горская Е. В. Понятие транспортной инфраструктуры морского транспорта: проблемные аспекты // Вестник Юридического института МИИТ. 2026. № 3 (55). С. 115—121.

TRANSPORT LAW

Original article

The concept of maritime transport infrastructure: problematic aspects

Evgeniya V. Zharikova-Gorskaya,
Degree Candidate,
Entrepreneurial Law Department named after V.S. Yakushev,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
Yekaterinburg, Russia

Abstract. The current paper has analyzed the concept of maritime transport infrastructure and considered its theoretical and legal aspects. There have been examined various definitions of the term “infrastructure”, highlighting its significance for the transport sector. There have been identified the problematic areas in regulatory frameworks, dealing with the absence of a unified and comprehensive definition of maritime transport infrastructure.

Keywords: infrastructure; transport infrastructure; transportation process; maritime transport infrastructure.

For citation: Zharikova-Gorskaya E.V. The concept of maritime transport infrastructure: problematic aspects // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2026; (3(55)):115–121.

© Жарикова-Горская Е. В., 2026

В общем понимании термин «инфраструктура» представляет собой экономическую категорию, которая обширно изучалась в научной литературе. Приведем ряд дефиниций этого понятия. Инфраструктура — это комплекс специфических трудовых процессов по производству и оказанию услуг, призванный формировать внешние условия для эффективного развития процессов воспроизводства в социальной и экономической сферах [4, стр. 521], или совокупность отраслей, предприятий и организаций, входящих в эти отрасли, видов их деятельности, призванных обеспечивать, создавать условия для нормального функционирования производства и обращения товаров, а также жизнедеятельности людей [6, стр. 316], или «отрасли экономики, научно-технических знаний, социальной жизни, которые непосредственно обеспечивают производственные процессы и условия жизнедеятельности общества» [5, стр. 245].

«Инфраструктура» — это широкое понятие, охватывающее различные сферы жизни. Поэтому разделение на виды подразумевает некое теоретическое и смысловое упорядочение. Так, в энциклопедическом словаре под редакцией В. И. Кушилина и В. П. Чеканова инфраструктура бывает производственной, социальной и институциональной [4, стр. 521]. К производственной инфраструктуре относится, в частности, интересующая нас отрасль — транспортная инфраструктура.

На современном законодательном языке транспортная инфраструктура представляет собой собирательный образ, состоящий из отдельных определений в отдельных нормативных правовых актах и иногда только из пе-

речисления объектов транспортной инфраструктуры конкретного вида транспорта без расшифровки самого понятия транспортной инфраструктуры: инфраструктура высокоскоростного железнодорожного транспорта, транспортно-логистическая инфраструктура, объекты инфраструктуры морского порта, инфраструктура внутренних водных путей, объекты транспортной инфраструктуры морского и речного транспорта, объекты инфраструктуры воздушного транспорта, объекты транспортной инфраструктуры. Но, например, в тексте Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 254-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях реализации приоритетных проектов по модернизации и расширению инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодатель перечислил объекты транспортной инфраструктуры, не поименованные в качестве таковых, и предназначенные для изучения лишь в составе отдельных отношений, к регулированию которых призван данный Закон. Складывается впечатление, что законодатель стремится закрепить необходимый перечень объектов для того, чтобы лучше работала правоприменительная система, не заостряя внимание на самом понятии, к сожалению, не предлагая считать заданный перечень объектов составной частью транспортной инфраструктуры.

В юридической литературе транспортная инфраструктура выглядит как разновидность инженерно-технической инфраструктуры, представляющая собой технологический комплекс, обеспечивающий быстрое беспрепятственное выполнение перевозочного процесса [3, стр. 7]. Возможно, данная дефиниция была в составе проекта 2013 г. Стратегии развития внутреннего водного транспорта на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 327-р, поскольку со ссылкой на текст Стратегии в научной литературе подверглись критике термины «беспрепятственный» и «быстрый», сомневаясь, что они могут точно охарактеризовать и сущностно повлиять на понятие «транспортная инфраструктура», лишив его смысла, если заданные условия будут нарушены [2, стр. 89, 92]. Действительно, ограничения различного уровня и сложности, влияющие на качество перевозки и скорость перевозки людей, багажа и груза, предполагаются в любом перевозочном процессе и требуют такой точности нормативного регулирования, которое позволило бы достигать нужных правовых результатов в решении конкретных правовых задач. Но, как справедливо отметила М. А. Бажина, терминологические неточности усугубляют обстановку в правовом поле, тогда как «понятийный аппарат» является «первоосновой эффективного правового регулирования любых общественных отношений» [1]. Подводя небольшой итог к сказанному, отметим, что «быстрое» и «беспрепятственное» выполнение задач априори возложены законодателем на технологический транспортный комплекс, но использовать данные термины лучше в контексте теоретического исследования авторов экономических и технических наук. Нормативное понятие транспортной инфраструктуры требует

терминологической емкости и точности. Законодателю необходимо обратить внимание на то, что объект или субъект транспортной инфраструктуры в логической цепочке раскрываются только после определения самого понятия транспортной инфраструктуры.

Без сомнения транспортная инфраструктура, в том числе морского транспорта, играет важную роль в стратегии развития государства, поэтому федеральные и региональные власти уделяют ей пристальное внимание, реализуя комплекс специальных мероприятий и утверждая соответствующие программы. Отметим значимые из них: Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» (далее — Стратегия) и Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 56461-2015 «Безопасность транспортная. Общие требования» утвержден приказом Росстандарта от 15 июня 2015 г. № 699-ст и разработан в целях установления общих требований и единой терминологической базы в области обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств (далее — Стандарт 2015 г.).

Стратегия определяет основные направления развития всех видов транспорта (автомобильного, железнодорожного, воздушного, водного, городского наземного электрического транспорта), а также транспортной инфраструктуры. Это позволяет обеспечить комплексный и скоординированный подход к развитию транспортного комплекса Российской Федерации. Понятие транспортной инфраструктуры, используемое в разделе «Общие положения» Стратегии, сформулировано как «транспортно-логистическая инфраструктура» — комплекс технических устройств, зданий и сооружений, предназначенных для обеспечения взаимодействия различных видов транспорта в процессе перемещения грузов, их приема, накопления, обработки, отправления и выдачи.

Федеральный закон «О транспортной безопасности» содержит наиболее исчерпывающий список объектов транспортной инфраструктуры, определяемых как технологические комплексы. Если рассматривать транспортную инфраструктуру морского транспорта в контексте данного Закона, то он включает такие объекты, как морские терминалы и акватории морских портов; порты; искусственные острова, установки и сооружения, расположенные в морских водах, и другие здания, строения, сооружения, обеспечивающие управление транспортным комплексом, его функционирование, используемые федеральными органами исполнительной власти в области транспорта, их территориальными органами и подведомственными организациями, а также объекты систем связи, навигации и управления движением транспортных средств морского и внутреннего водного транспорта, определяемые федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нор-

мативно-правовому регулированию в сфере транспорта, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности Российской Федерации, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.

Стандарт 2015 г. устанавливает требования, которыми следует руководствоваться физическим лицам при их нахождении на объектах транспортной инфраструктуры и/или на транспортных средствах, а также содержит определение транспортной инфраструктуры. Транспортная инфраструктура — это технологический комплекс, предназначенный для перевозки пассажиров и перевалки (перевозки, транспортирование) грузов повышенной опасности в установленном порядке и включающий в себя совокупность объектов (зданий, сооружений, коммуникаций, устройств, оборудования) и транспортных средств (п. 3.2 Стандарта 2015 г.). Таким образом, только Стандарт 2015 г. содержит определение транспортной инфраструктуры, тогда как законодатель уделяет большое внимание термину «объект транспортной инфраструктуры».

Например, объектам транспортной инфраструктуры присваивается определенная категория (категорирование) в зависимости от вида транспорта. Категорирование объектов транспортной инфраструктуры необходимо для дифференцированного подхода к обеспечению транспортной безопасности и осуществляется по правилам, утвержденным постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2025 г. № 1915 «Об утверждении Правил категорирования объектов транспортной инфраструктуры и изменения ранее присвоенной объекту транспортной инфраструктуры категории». В первоначальной редакции п. 2 ст. 1 Федерального закона «О транспортной безопасности» давалось определение понятия «категорирование объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств». Но уже в редакции Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 270-ФЗ внесены изменения, где транспортные средства уже не являются объектами категорирования.

Термин «объекты транспортной инфраструктуры морского транспорта» используется законодателем в сопутствующем законе в области обеспечения транспортной безопасности, а именно, в постановлении Правительства РФ от 8 октября 2020 г. № 1638 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры морского и речного транспорта». Примечательно, что перечень объектов транспортной инфраструктуры морского транспорта официально закреплен только в данном постановлении. Но указан лишь перечень объектов, к которым применим Федеральный закон «О транспортной безопасности». Как такового полного перечня объектов транс-

портной инфраструктуры морского транспорта не содержится ни в одном нормативном правовом акте.

Далее перейдем от широкого понятия «объекты транспортной инфраструктуры морского транспорта» к более узкому понятию «объекты инфраструктуры морского порта». Согласно п. 2 постановления Правительства РФ от 8 октября 2020 г. № 1638 морской порт сам по себе является объектом транспортной инфраструктуры морского транспорта. В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» объектами инфраструктуры морского порта указаны здания, сооружения, суда, устройства и оборудование, расположенные на территории морского порта и используемые для осуществления деятельности в целях торгового мореплавания, в том числе для оказания услуг. Перечень объектов инфраструктуры морских портов не является исчерпывающим, что подтверждается внесением изменений в принятый Минтрансом России приказ от 7 ноября 2017 г. № 475 «Об утверждении Перечня объектов инфраструктуры морского порта», которые вступили в силу 4 января 2026 г. и коснулись значительных дополнений в данный перечень объектов. Пункт 3 приказа, в котором указывались только «ледоколы, буксиры, суда портового флота», изменен на «ледоколы, суда портового флота (буксиры-кантовщики, бункеровщики жидким топливом и водой, буксиры морские, суда, предназначенные для предотвращения загрязнения моря (в том числе нефте- и мусоросборщики, сборщики льяльных и сточных вод), лоцманские суда и катера, малотоннажные грузовые суда (несамоходные, самоходные), плавучие зачистные станции, разъездные катера, пожарные суда, аварийно-спасательные суда) и суда технического флота (плавучие доки, дноуглубительные земснаряды, грунтоотвозные суда, мотозавозни, суда обеспечения дноуглубительных работ)» (см. приказ Минтранса России от 20 ноября 2025 г. № 406). На примере морского порта видно, что объект транспортной инфраструктуры сложен и сам может состоять из объектов инфраструктуры.

Также отметим, что охватить законом весь перечень объектов крайне сложно ввиду быстро меняющихся условий жизни наряду со стремительным внедрением в нее современных технологий. В связи чем представляется, что «используемый в законодательстве подход по определению понятия “транспортная инфраструктура” путем перечисления объектов мыслится узким», поскольку необходимо включать «деятельностную составляющую», «социальные и экологические аспекты»[1], которые неразрывно связаны с инфраструктурой в целом.

Список источников

1. Бажина, М. А. Содержательная трансформация понятия «транспортная инфраструктура» в условиях цифровизации / М. А. Бажина // Юрист. — 2022. — № 11.

2. Бахтин, М. Н. Транспортная инфраструктура региона: основные подходы к определению понятия / М. Н. Бахтин // Регион: системы, экономика, управление. — 2019. — № 3 (46). — С. 87—93.
3. Загорский, И. О. Транспортная инфраструктура / И. О. Загорский, П. П. Володькин, А. С. Рыжова. — Хабаровск, 2015.
4. Кушлин, В. И. Современная рыночная экономика. Государственное регулирование экономических процессов: энциклопедический словарь / В. И. Кушлин, В. П. Чичканов. — Москва : РАГС, 2004.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : АЗЪ, 1995.
6. Райзберг, Б. А. Словарь современных экономических терминов / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский. — 4-е изд. — Москва : Айрис-пресс, 2008.

References

1. Bazhina, M. A. Soderzhatel'naya transformatsiya ponyatiya «transportnaya infrastruktura» v usloviyakh tsifrovizatsii [Substantive transformation of the concept of “transport infrastructure” in the context of digitalization] / M. A. Bazhina // Yurist. — 2022. — № 11.
2. Bakhtin, M. N. Transportnaya infrastruktura regiona: osnovnyye podkhody k opredeleniyu ponyatiya [Regional transport infrastructure: main approaches to defining the concept] / M. N. Bakhtin // Region: sistemy, ekonomika, upravleniye. — 2019. — № 3 (46). — S. 87—93.
3. Zagorskiy, I. O. Transportnaya infrastruktura [Transport infrastructure] / I. O. Zagorskiy, P. P. Volod'kin, A. S. Ryzhova. — Khabarovsk, 2015.
4. Kushlin, V. I. Sovremennaya rynochnaya ekonomika. Gosudarstvennoye regulirovaniye ekonomicheskikh protsessov: entsiklopedicheskiy slovar' [Modern market economy. State regulation of economic processes: encyclopedic dictionary] / V. I. Kushlin, V. P. Chichkanov. — Moskva: RAGS, 2004.
5. Ozhegov, S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] / S. I. Ozhegov, N. YU. Shvedova. — 2-ye izd., ispr. i dop. — Moskva: AZ", 1995.
6. Rayzberg, B. A. Slovar' sovremennykh ekonomicheskikh terminov [Dictionary of modern economic terms] / B. A. Rayzberg, L. SH. Lozovskiy. — 4-ye izd. — Moskva: Ayris-press, 2008.

ТРЕБОВАНИЯ к материалам, представляемым для опубликования в журнале «Вестник Юридического института МИИТ»	REQUIREMENTS for the materials submitted for publication in the journal “Bulletin of the Law Institute of MIIT”
Представленные статьи должны быть оригинальными, не опубликованными ранее в других изданиях. Статьи должны быть актуальными, обладать новизной, содержать выводы исследования, а также соответствовать указанным ниже правилам оформления. В случае ненадлежащего оформления статьи она направляется автору на доработку. Статья представляется в электронном виде в формате Microsoft Word по электронному адресу: albinadg@mail.ru. Адрес редакции: 127994, г. Москва, ул. Образцова, д 9, стр. 9, учебный корпус 6. Объем статей — от 20 тыс. до 40 тыс. печатных знаков (0,5—1,1 усл. п. л.), рецензий, обзоров зарубежного законодательства — до 20 тыс. знаков (0,5 усл. п. л.) При наборе текста необходимо использовать шрифт «Times New Roman». Размер шрифта для основного текста статей — 14. Сноски в тексте приводятся в [квадратных скобках], их нумерация должна соответствовать списку литературы, размещенному в конце статьи в алфавитном порядке; ссылки на комментарии приводятся в (круглых скобках). Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в квадратных скобках по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0. 100-2018 «Библиографическая ссылка». Название статьи приводится на русском и английском языке. Заглавие должно быть кратким и информативным. Сведения об авторах приводятся на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью; полное название организации — места работы каждого автора в именительном падеже, ее полный почтовый адрес; должность, звание, ученая степень автора; адрес электронной почты для каждого автора.	Submitted papers must be original, not previously published in other publications. The material should be relevant, have a novelty, contain the results of the study, as well as comply with the mentioned below rules of registration. In case of improper registration, the papers will be sent back to the author for revision. All papers should be submitted in an electronic form in Microsoft Word format via e-mail albinadg@mail.ru. The official address of the editorial board is Obratsov Str., 9/9, Educational Building 6, Moscow, 127994. The paper should be of 20.000-40.000 of pr.ch. (0.5-1.1 conv. pr.'s sheets) of A4 format, article reviews and reviews of foreign legislation should be up to 20.000 of pr.ch. (0.5 conv. pr.'s sheets). The paper should be printed in Microsoft Word format, Times New Roman, font-size 14 Pt. Footnotes in the text should be given in [square brackets]; their numbers should correlate to the references, given at the end of the article in alphabetical order. References to the comments should be put in (parentheses). References to Internet resources and archival documents are enclosed in square parentheses in the text or at bottom of the page according to the samples of the GOST P 7.0. 100-2018 «Bibliographic reference». The title of the paper is given both in Russian and in English. The title should be short and informative. The information about authors is given both in Russian and in English: surname, name, middle name (IN FULL WORDS) of EACH author; official name of the organization in Nominative case (where EACH author works) with its full postal address; position, scientific degree, scientific status (if any) of EACH author; contacts (an e-mail) of EACH author.

Аннотация — независимый от статьи источник информации, краткая характеристика работы, включающая в себя актуальность, постановку проблемы, пути ее решения, результаты и выводы. В ней указывают, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Рекомендуемый объем — 200—250 слов на русском и английском языках. Ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Необходимое количество ключевых слов (словосочетаний) — 6—10. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой. В конце статьи приводится список литературы, в котором необходимо указать научные источники. Нормативный материал в список литературы не включается. Список следует оформлять по ГОСТ Р 7.0. 100-2018. Статьи рецензируются. Авторам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием рецензий. При отрицательном отзыве рецензента автору предоставляется мотивированный отказ в опубликовании материала. Оригинальность текста должна составлять не менее 75% от объема статьи. В журнале используются сокращенные наименования органов государственной власти в соответствии с Перечнем полных и сокращенных наименований федеральных органов исполнительной власти, установленным распоряжением Администрации Президента РФ совместно с Аппаратом Правительства РФ от 16 июля 2008 г. № 943/788.	An abstract is an independent source of information, short description of the work, which contains a goal, a brief description of the research methods, a description of the main results and concise conclusions. The abstract clearly indicates that the article is original in comparison with others related in subject and purpose. The abstract of 200—250 words is recommended both in Russian and in English. Keywords are given both in Russian and in English. There should be 6—10 of words or word combinations. Keywords are separated from each other with a semicolon. At the end of the paper there should be given references (both in Russian and in English) arranged according to the GOST R 7.0. 100-2018 «Bibliographic reference. General requirements and rules of compilation». Normative material should not be included into the list. All papers are peer reviewed. The authors are given the opportunity to get acquainted with the content of reviews. In case of a negative review, the author is provided with a motivated refusal to publish the material. The text originality should be not less than 75% of the total paper. There are used abbreviated names of state authorities in accordance with the List of full and abbreviated names of Federal executive authorities established by the order of the Presidential Administration of the Russian Federation together with the Government Office of the Russian Federation of July 16, 2008 No. 943/788.
---	--